Библиотека "Чеченинфо"

Ю.В. Хоруев

НАМЕСТНИК ГОР

Библиотека "Чеченинфо"

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА ВНЦ РАН И ПРАВИТЕЛЬСТВА РСО–АЛАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ «СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. К.Л. ХЕТАГУРОВА»

Ю.В. ХОРУЕВ

НАМЕСТНИК ГОР

Издание второе

Владикавказ 2011

Библиотека "Чеченинфо"

ББК 65.03
Х 14

Хоруев Ю.В. Наместник гор. Монография. УРАН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 284 с.

Настоящая книга о самом знаменитом на Кавказе абреке, чеченце из Харачоя, терроризировавшем в начале XX века всю местную администрацию. Гражданские власти не в силах справиться с террористом №1 в одиночку, снарядили целую армию из более чем нескольких тысяч солдат и казаков. Для достижения поставленной русской администрацией цели этой военной армаде понадобилось целых четыре года.

Работа выполнена исключительно на основе первоисточников.

ББК 65.03
© ХОРУЕВ Ю.В., 2011

НАМЕСТНИК ГОР

Так в народе и прессе был титулован знаменитый чеченский абрек Зелимхан Гушмазукаев за успешные действия против кавказской администрации.

Абречество на Кавказе уходит своими корнями в глубокую древность и первоначально возникло на почве кровной мести и конфликта с обществом из-за нарушения его отдельными членами социальных, нравственных и воззренческих устоев общества, в результате чего последовало их изгнание из своей среды старейшинами и теми, кто строго придерживался веками сложившихся адатов и ревностно оберегал их от любого посягательства со стороны кого бы то ни было.

С приходом России на Кавказ абречество получило дальнейшее развитие. Оно не только значительно выросло численно, но приобрело еще и политическую направленность. Такую особенность имело далеко не все кавказское абречество, а только та его часть, которая повела борьбу против русской администрации и насаждаемого ею имперского режима. Абреки с самого начала не приняли русскую власть у себя и были готовы внутренне, а в какой то мере и подсознательно, бороться с ней. Они усмотрели в российских законах, в методах и характере действий русской администрации по управлению Северным Кавказом посягательство на их жизнь и неоспоримые устои общества с целью переделать их на свой лад, что не укладывалось в их сознании с их консервативными, патриархально-родовыми представлениями о самобытности и смысле жизни. Такова была позиция наиболее решительных и национально ориентированных абреков. Их ряды постоянно пополнялись за счет беглецов с каторги и тюрем, а также тех, кто еще не успел познать «прелести» российских застенок, но уже не в силах был выносить произвол и самоуправство русской администрации, которые, как отмечал Зелимхан в письме в Государственную думу, – «жизнь делают тягостною, а иногда и невыносимою».

Весь остальной преступный мир, занимающийся грабежом, разбоем, рэкетом, захватом заложников с последующим вымогательством выкупа за них, воры и мошенники, русская администрация на Кавказе также называла абреками. Но это не так. Унификация многочисленной армии преступников на почве личной корысти и стяжательства с теми кто не приемлет у себя русскую власть, администрацию, имеет к ней свои счеты и борется с ее режимом, не правомерна. Это совершенно разные группы людей, с разными целями и задачами, с разной, на конец, психологией и ментальностью.

Настоящие абреки ведут борьбу, как они считают, за свободу, больше личную, чем всего народа, справедливость и изгнание русской администрации. Основной, и пожалуй, единственный способ этой борьбы – террор, террор индивидуальный, а иногда и групповой.

Все другие, именуемые также абреками ни в какую борьбу с администрацией не вступают, напротив, они как обычные преступники бегут от администрации и уголовного преследования.

В ранее вышедшей книге «Абреки на Кавказе» (2010 г.) содержится более полная характеристика и тех и других абреков и впервые дается их классификация и периодизация всего абречества с момента его зарождения еще в патриархальном обществе и до полной его ликвидации в условиях советской власти в 40-х годах XX столетия.

Политическую направленность абречество приняло еще задолго до Кавказской войны. Однако наибольший размах получило в те огненные годы и все последующее время, вплоть до свержения царизма, а в советское время продержалось еще до начала Великой Отечественной войны, когда отдельно взятый человек тоже ничего не значил и не стоил, зато драли с него все, что можно и не можно было, а сотни тысяч и даже миллионы безвинных людей были загнаны в тюрьмы и советские концентрационные лагеря, и столько же подвергнуто казни.

Перенесение абречества с одной общественно-политической системы в другую, советскую, было обусловлено той же вседозволенностью властей, а также унижением и попранием человеческого достоинства, как тогда в царское время, так и в первые десятилетия советского строя. Основной формой борьбы абреков с властью всегда – и тогда и теперь – был террор.

Надо сказать, что ответная адекватность была свойственна обеим сторонам: чем жестче становилась карательная политика кавказкой администрации, тем больше активизировалось абречество. Но так было только до революции.

После Октября 1917 года карательная политика советской власти оказалась на порядок эффективней царской. Она предусматривала жесточайшее подавление любого сопротивления. Советские охранные органы и ведомства, призванные обеспечить государственную безопасность перекрыли все каналы пополнения абреков. Охрана заключенных была поставлена так основательно и так продумана, что исключались за крайне редким случаем побеги из тюрем и лагерей. Ужесточились уголовный розыск и преследование. Это был жесткий и непреодолимый заслон, который навсегда не только остановил рост абречества, но и стал одним из условий его полной ликвидации.

Зелимхан и абреки его ряда отличались от обычных разбойников своими целями и направленностью действий. Если разбойники выходили только грабить и подвергали этому всех подряд, неважно какого достатка оказывались их жертвы, и отбирали у них последний рубль или единственную клячу, то для абреков это было занятием попутным и входили в разбой в силу крайней необходимости, чтобы поддержать себя, свое существование в тяжелых неестественных условиях и придерживались при этом чаще всего выборочного принципа. Их жертвами становились, как правило, чиновники и богачи, сделавшие свои состояния не всегда честным путем. Наказать самого грабителя в народе считалось спра-

ведливым и богоугодным делом, а сам поступок – благородным. Крестьянская беднота, которая теряла своего кормильца, становилась вдвойне беззащитной. Зелимхан не был скуп, умел делиться тем, что добывал и имел от успешной разбойной операции. Он помогал семье, близким родственникам. Не так часто и щедро, как своих, но поддерживал и сельчан. Поэтому для многих чеченцев он был первым кумиром и божьим кадием. В «Прошении», которое Зелимхан направил 15 января 1909 года на имя Председателя III Государственной думы октябриста Н. А. Хомякова, он писал: «Хозяйства как сосланных, так и заключенных, совершенно разорились, жены и дети их живут подаянием добрых людей, да тем, что я иногда уделю им из своего добра после удачного набега».[1]

Однако все, что делалось для материального поддержания чеченской бедноты, для Зелимхана было второстепенным делом. Главное заключалось в борьбе с произволом царской администрации и против присутствия России на Кавказе, в частности в Чечне. Он был заражен шамилевской идеологией независимости, которая продолжала тлеть в чеченском народе.

Жизнь абрека очень сурова и опасна. Но и до нее она у него зачастую бывает не менее драматична, что, собственно, делает его кандидатом в абреки, а затем и вовсе толкает в это лоно. Вначале судьба к Зелимхану была более благосклонна, ничто, казалось, не предвещало беды. Семья, в которой родился и рос, была большой и происходила из авторитетного рода (тейпа), любила и умела трудиться, пользовалась уважением со стороны окружающих. Но в какой то момент фортуна отвернулась от них. Ровная, спокойная жизнь была нарушена случаем, за которым начался настоящий и долгий ад.

В указанном выше «Прошении», являющемся по существу исповедью абрека, Зелимхан писал: «Чтобы гг. депутаты имели хоть какое-нибудь представление о драме моей жизни, я должен упомянуть в коротких словах о месте моего рождения и о своей семье. Родом я из чеченского селения Харачой,

Веденского округа, Терской области. В то время, о котором идет рассказ (1901 год), семья наша состояла из старика-отца, меня и двух братьев, из которых один уже был взрослый юноша, а другой совсем еще ребенок. Кроме того, был у нас еще и столетний дед. Жили мы богато.

Все, что бывает у зажиточного горца, мы имели: крупный и мелкий рогатый скот, несколько лошадей, мельницу, правда, татарскую, но все же она нам давала приличный доход, и имели мы еще богатейшую пасеку, в которой насчитывалось несколько сот ульев. Добра своего было достаточно, чужого мы не искали. Но случилось несчастье. Произошла у нас ссора с односельчанами из-за невесты моего брата. В драке был убит мой родственник».[2]

И хотя Зелимхан пишет в этом письме-послании, что у них в хозяйстве было всего предостаточно для безбедной жизни, он первое время до случившегося кровавого конфликта с элсановыми был непротив поживиться и чужим добром. В молодости, пока не стал преследоваться русскими властями как опасный преступник и за побег из тюрьмы, он нередко участвовал в разбойных набегах на соседние земли, демонстрируя редкую удаль и отвагу, а иногда поступал и как банальный вор. К краже Зелимхан прибегал и спустя много лет, в 1911 году, когда уже был в зените своей абреческой славы. Скрываясь в пещере всего в трех верстах от родного Харачоя в холодный декабрь, он тайно таскал овец своего соаульника-пастуха с помощью капкана, доставленного ему навещавшими его там родственниками. И когда хозяину отары надоело это, он заложил абрека властям, которые тут же начали на него охоту.

Все это первое время он был относительно лоялен к русской власти. Потом уже, когда он, его брат Солтамурад и отец Гушмазуко были приговорены к тюремному заключению за убийство ими из-за не поделенной невесты сразу двух Элсановых, посчитав себя и своих родных незаслуженно обиженными пришлой властью, он встал на путь борьбы с ней и сделался абреком: разбои и убийства стали обычным делом.

А произошло это так. Молодые люди двух известных в Чечне фамилий – Гушмазукаевых и Элсановых – Солтамурад из Харачоя и Шугаип из рядом расположенного отселка Эшель-Хатоя полюбили одну и ту же девушку – харачоевскую красавицу Зезык. Она и явилась тем яблоком раздора, который сделал насчастными не только двух пылких юношей, но и родственников с обеих сторон. Оба по-кавказски сдержанно и втайне от посторонних глаз, выражали ей знаки внимания, и каждый из них считал ее своей невестой.

Боясь, что богатый соперник может добиться расположения к себе отца и матери Зезык Хушуллы и Душты, Солтамурад и Зелимхан решили опередить события и украсть возлюбленную, пока она находится еще у родителей. Подкараулив Зезык у реки, куда ходили за водой харачоевские девушки с перекинутым через плечо кумганом, Гушмазукаевы похитили ее и увезли в свой дом.

Зезык – очень видная девушка, скромная и воспитанная в национальных традициях, могла составить партию самому изысканному и успешному молодому чеченцу. Поэтому похищение только унижало и оскорбляло Элсановых: почему бы им не выдать свою дочь красиво, по всем чеченским правилам и обычаям? И родители девушки при содействии администрации – старшины Харачоя Адода, участкового пристава, капитана Чернова и старшего помощника начальника Веденского округа Добровольского добились ее возвращения в дом, откуда она вскоре была выдана замуж за Шугаипа.

Поскольку девушка без всякого возражения с ее стороны рассталась с Солтамурадом и тут же без чьего либо принуждения и долгих обрядовых процедур вышла замуж за Шугаипа, можно заключить, что она была больше расположена к последнему. Иначе, зачем надо было Гушмазукаевым ее похищать?! Из всего этого следует, что Зезык скорее была невéстой Шугаипа, а не Солтамурада, как утверждает Зелимхан в письме в Думу, объясняя причину разыгравшейся кровавой драмы между двумя фамилиями.

Братья Гушмазукаевы посчитали себя глубоко оскорбленными: мужчины они или нет? И Зелимхан решил восстановить пошатнувшийся было авторитет Гушмазукаевых в глазах сельчан. Он встретил Шугаипа и заявил ему, что девушку он не уступит и рано или поздно она станет женой его брата Солтамурада, чего бы это ни стоило. Несмотря на серьезное предупреждение, Шугаип, считавший, что и он такой же чеченец, сын своих родителей, такой же мужчина, как и его противники, не думал уступать молодую жену.

Началась борьба за невесту. Теперь Гушмазукаевы решили вернуть девушку силой, посредством нажима на Сугаита, родного брата соперника. Началась слежка, охота за ним. И однажды, когда Сугаит, ничего не подозревая, отправился в соседнее село, два брата Гушмазукаевых взяли себе в помощники родственника Бекмурзаева и засели на скале у дороги, по которой должен был возвращаться Сугаит. Ждать долго не пришлось. Как только тот поравнялся со скалой, подстерегавшие харачоевцы набросились на него, обезоружили и потребовали клятвы, что его брат Шугаип отдаст свою жену Солтамураду. Сугаит отказался дать такую клятву.

– Тогда твое место в пропасти! – решительно заявила тройка.

Завязалась борьба. Сугаит, оказавшийся сноровистей своих противников, выхватил в суматохе у одного из них кинжал и вонзил в живот Бекмурзаева. Пока те были в замешательстве, Сугаит спрыгнул в ближайшую балку и бежал, петляя по лощине, а Бекмурзаев на следующий день скончался.

В проигравших заговорила кровь мести. По древнему кавказскому обычаю кровной мести отмщение должно было обязательно когда нибудь состояться. Воспитанный в духе чеченских адатов, Зелимхан считал, как он указывает в «Прошении» в Думу, что он должен «отомстить за смерть родственника, выполнить святую для каждого чеченца обязанность».

В ту же ночь накануне рамазана месяца (религиозный месяц мусульман – авт.) почти вся мужская половина Гушмазу-

каевых явилась к Элсановым. Постучались в калитку. Вышедшие на их зов во двор Сугаит и отец Элсан были тут же в упор расстреляны.

Так как российское законодательство исключало в своей правоприменительной практике древний кавказский обычай кровной мести как субъект права, и за это надо было отвечать в уголовном порядке, то Зелимхан решил взять на себя всю ответственность за свершившееся, чтобы выгородить близких и снять с них всякое подозрение.

В том же послании Председателю Государственной думы Хомякову Зелимхан писал, что акт кровомщения совершил он сам без соучастников, хотя на деле их было трое – Гушмазуко и два его сына – Зелимхан и Солтамурад. На этом, как считалось на Кавказе, канлы (по-чеченски – кровная месть) должна была прекратиться, поскольку кровь за кровь была взята. Но это чаще всего бывает в том случае, когда потери конфликтующих сторон уравниваются. А в данном случае за одного взята кровь двоих. Кто знает, возможно, многочисленной фамилии Гушмазукаевых и старейшинам села удалось бы примирить кровников. На это рассчитывали Зелимхан и его семья. «Все в ауле вздохнули свободно, – пишет Зелимхан, – канлы должны были окончиться и между сторонами состояться полное примирение».3

Оправдываясь, Зелимхан указывал на этот трагический случай с односельчанами как на справедливый с их стороны по местным обычаям поступок, но слукавит дважды, когда скажет, что молодая горянка, из-за которой разразилась кровавая драма между двумя фамилиями, была невестой его брата, и что «акт кровомщения втайне, ночью, накануне рамазана месяца», был совершен «без соучастников».

Но власти, несмотря ни на что, действовали так, как требовалось от них. И делу дали законный ход.

На основании предсмертных показаний тяжело раненого Сугаита и других улик Гушмазукаевы были арестованы и доставлены в Веденское арестантское отделение. Началось до-

знание. Как утверждает Зелимхан, его вел начальник участка капитан «Х», которым был, как свидетельствуют архивные документы, Чернов. Ставка Чернова находилась в крепости Ведено, и по роду своей полицейской службы первоначальное расследование преступления было его прямой обзанностью как участкового пристава. Получив доклад о случившемся, он одним из первых оказался на месте преступления и от умирающего Сугаита узнал имена его убийц. Чернов, таким образом, став одним из главных обвинителей, и после держал под своим контролем это дело. Поэтому Зелимхан стал считать его главным организатором и виновником их ареста и осуждения.

«Где же справедливость? Зачем нам такая власть нужна?»– спрашивали себя осужденные. Ведь должны же были разобраться, почему все это произошло?!

Эта история произвела переворот в их умах и душах. Если Гушмазукаевы до этого были лояльны к русской власти, то теперь они возненавидели ее, и не только местную, но и всю терскую администрацию во главе с наказным атаманом Терского казачьего войска. Они дали клятву отомстить властям за отнятую свободу и поруганную честь. Отныне это стало смыслом их жизни.

Вскоре арестованных перевезли в Грозненскую тюрьму в распоряжение судебного следователя. 27 января 1901 года на каждого арестанта завели Открытый лист, где помимо прочих сведений были биографические и антропологические данные.

Относительно Зелимхана в формуляре значилось:

Арестант: Зелимхан Гушмазукаев,
национальность – чеченец,
рост – средний,
лет – 28,
волосы на голове – черные,
брови – черные,
нос – умеренный,

рот – умеренный,
лицо – чистое,
глаза – карие,
подбородок – стрижет,
особых примет – нет.

Пока рассматривалось уголовное дело, не стало деда Зелимхана Бехо, которому тогда исполнился 101 год. Жил бы он в Ведено и дальше, но, собравшись попрощаться с сыном Гушмазуко и внуками перед их отправкой в Грозный, а потом и в ссылку, упал, взбираясь на арбу во дворе, захворал и умер. На свободе из мужчин оставались Хассий – старший сын Гушмазуко и подросток Бийсултан от его второй жены, Бельгаса Элсановой, сестры Шугаипа. Но они ничем не могли им помочь. Хассий был слишком мирный человек и только то и делал, что хозяйством да ульями занимался, на какие либо другие дела, тем более выступить против властей, он не был способен. Хассий был до того тихим и кротким, что даже кровники его не трогали. Баба он, а не мужчина, считали они. Кому он нужен и что может сделать такой? Кому отомстит?! Ягненок и тот иногда может боднуть, а Хассий – самое безобидное существо, какое может быть на свете. Убить такого труда не составит, но и ничего не даст, потому что не будет полного удовлетворения. Нужна такая жертва, которая чего-то стоит, что-то значит в роду и представляет опасность для кровника. Остальные были женщины да малые дети.

Хочется остановиться еще на одном факте, не получившем документального подтверждения. Зелимхан в приведенном «Послании» говорит, что капитан «Х» «показал, что он застал нашего врага живым и последний будто бы указал как на виновников своей смерти на меня, на моего отца и двух моих братьев,..» и «суд нас четверых присудил в арестантское отделение...». Но по архивным источникам проходят не четыре человека, а только трое: отец Гушмазуко и два его сына – Зелимхан и Солтамурад. Старший брат Хассий не упоминается совсем. А самый младший Бийсултан был еще

малолетка. Факт, который приводится в ряде произведений художественной литературы о том, что в кровавой расправе над элсановыми участвовали еще два двоюродных брата Зелимхана, документами также не подтверждается. Это и сам Зелимхан как бы отрицает, отмечая, что «они ни в чем не виноваты».

Суд приговорил Гушмазукаевых к лишению всех прав состояния и тюремному заключению на три с половиной года с высылкой на каторгу в Сибирь. Осужденных этапировали через Ростов в Оренбург, а оттуда на Илецкие соляные разработки. Но долго отбывать наказание им не пришлось. Через несколько месяцев, в том же 1901 году они все трое бежали из тюрьмы. В тюрьме Зелимхан познакомился с сокамерником, признанным уже абреком ингушом из селения Сагопш Саламбеком Гороводжевым. Он тоже бежал с Зелимханом. Теперь их стало четверо, а к приговорам добавился побег. На свободе они дали клятвенный обет – домой не возвращаться, а сразу уйти в абреки. Эта четверка потом станет ядром зелимхановской шайки. Преследование беглецов стало вестись по трем направлениям: со стороны административной власти, судебных органов и Шугаипа, который в свою очередь обязан получить с них как со своих должников кровь за отца и брата. Так с этого времени началась настоящая абреческая жизнь Гушмазукаевых – отца и двух его сыновей – Зелимхана и Солтамурада вместе с сагопшинским Саламбеком..

Несколько позднее к ним примкнул и Аюб Томаев. Теперь их уже стало пятеро. Они будут самыми преданными друг другу соратниками и составят ядро во всех будущих шайках Зелимхана. Как абрек Зелимхан уникален, и с Аюбом у них мало чего было общего как внешне, так и внутренне, разве что одна общая трагическая судьба. Аюб был хорошо сложенный красавец-юноша из селения Старые Атаги. Другим достоинством молодого атагинца было то, что он, в отличие от неграмотного Зелимхана, хорошо знал русскую грамоту и свободно владел русской речью.

Зелимхан был широкоплечий с большими кистями рук смуглый мужчина, немного, как казалось, косивший на левый глаз из-за слегка прищуренного века. Он был остроумен и общителен с обычными нейтральными людьми, от которых не исходила опасность, говорил лаконично, убедительно и мог расположить к себе собеседника.

Аюб слишком юный для такого опасного промысла как абречество был подкупающе скромен и застенчив. Но в этом как будто хрупком теле билось отважное сердце, которое в нужный момент делало его таким же сильным и опасным волком, как Зелимхан.

Зелимхан тяжело переживал свое тюремное заключение и кровноблизких ему людей. Оно добавило к его чувству скрытой неприязни полное неприятие русских порядков. Столкновение двух разных миров, конфликт между разными духовно-нравственными ценностями, которые приходилось наблюдать ему в повседневной жизни, все больше подвигало его к борьбе с тем, что пришло непрошенно и навязывалось силой. Справедливое наказание всегда переносится легче, потому что оно воспринимается как заслуженное. Но когда наказываются одни виновники, а другие остаются на свободе, возникает кровная обида, которая толкает потом к вымещению злости, к активным действиям против несправедливости. Он действовал с группой своих единомышленников, обрастая иногда целой шайкой одиозных разбойников, когда затевалась большая и сложная операция, а также в одиночку после гибели близких друзей и предательства некоторых из его шайки.

После побега из тюрьмы Гушмазукаевы некоторое время находились в банде Османа Мутуева, участвовали в его «походах», набирались опыта и совершенствовали свое разбойное ремесло. Первое такое дело, в котором Зелимхан принял участие в банде Османа, был захват на Керкетском перевале двух экскурсантов инженера-химика Байздренко и купца Хренова. За пленников запросили две тысячи рублей выкупа,

которые по получении были поделены между участниками облавы.

Керкетский захват пленников и хороший выкуп за них пришлись по душе Зелимхану. Память о нем никогда не покидала его в последующем и, когда организовал свою шайку, он ввел пленение в моду. Пленение всегда дело очень хлопотное (особенно когда и самого постоянно преследуют): захваченных надо кормить, находить место содержания, прятать от посторонних глаз, ставить охрану или самому не спускать с них глаз и т. д., но зато и очень прибыльное. Не всякий налет дает такие доходы. Убить всегда можно. Но от убийства не всегда деньги. Поэтому плен, как и рэкет, то, что надо. А если попался кровник, то там уже нет выбора: кровник должен быть убит.

Зелимхану Осман Мутуев нравился за его образованность, за сходство их социального происхождения, иначе говоря, за принадлежность к слоям средней зажиточности, и, несмотря на это, за его сочувственное отношение к простым чеченцам, особенно обиженным администрацией. Эти черты его, по-видимому, и явились условием доверия к нему со стороны Зелимхана. В нем он видел равного себе по социальному происхождению, и, главное, что он не был чистым разбойником, грабившим всех подряд, кто подвернется, ради одной только цели – нажиться.

Зелимхан прошел хорошую разбойную школу у Османа, и даже – подпольщика-террориста. Вскоре, обогатив ее еще своим опытом, он превзошел учителя в стратегии и тактике. В них он никогда не придерживался одних правил: шайка то вырастала до небывалых размеров (60 человек и более), превращаясь в целые отряды хорошо вооруженных разбойников-абреков, то, как шагреневая кожа, сокращалась до нескольких человек. В самом начале своей новой криминальной карьеры Зелимхан из соображений конспирации был противником больших разбойничьих шаек: их легче обнаружить и преследовать. Да и предатель среди такого множества

абреков может чаще оказаться. Поэтому первое время он никого не держал около себя кроме своих родичей. Но он, как уже отмечалось, не исключал и совсем крупные разбойные шайки, которые после удачного набега снова распускались до тех пор, пока их снова не призовет Зелимхан. Все зависело от того, какая затевалась операция,

Позднее, несколько лет спустя, когда в 1910 году во время пленения овцевода Архипа Месяцева шайка понесла потери, не стало брата и отца, Зелимхан был склонен больше действовать в одиночестве или только с ближайшими соратниками – Аюбом Томаевым, Саламбеком Гороводжевым и еще несколькими преданными абреками. Его постоянно преследовала подозрительность, которая становилась острей с каждым днем, и шайка редко выходила за пределы 30 человек. Другой тактической особенностью, к которой прибегал Зелимхан, было то, что после каждого группового налета абреки рассыпались и растворялись в родных пенатах среди населения, до тех пор, пока их снова не соберет знаменитый харачоевец.

Еще до тюрьмы Зелимхан, дитя своего народа, выросший в чеченских патриархально-родовых условиях, на древнем чеченском адате и шариате, перед которыми все равны, впитавший в себя с молоком матери святую любовь к окружающей красоте девственных гор и лесов, с детства усвоивший, что все это безраздельно принадлежит ему и его соплеменникам, был против всякого присутствия чужаков и особенно против всякой чужой власти в Чечне, посягнувшей и отнимающей у него все это. Ему не нравились порядки и новый уклад жизни, которые насаждались здесь русской администрацией.

Обычное недовольство после ареста переросло в непримиримость, за чем последовали прямые действия. Враждебность Зелимхана строилась не на национальной почве, не потому, что власть предержащие были сплошь и рядом русские, хотя и это его подогревало, подстегивало. Порой

он даже благосклонно относился к тем из них, кто выделялся своим дружелюбием или хотя бы просто лояльностью. Но был против всякого насилия с их стороны, против всякой их попытки изменить привычный, чеченский образ жизни. Он понимал также и то, что вступать в борьбу с новоявленной администрацией, в руках которой находятся суды, полиция и воинские части, один на один да с голыми руками глупо. Нужно оружие. На Кавказе его всегда было много. Было оно и у него в доме, а как же иначе с таким хозяйством, как у них, и кровниками? Но то было отцовское оружие. Поэтому, чтобы раздобыть его лично для себя, придется купить или кого-нибудь ограбить. Лучше, конечно, ограбить, отнять. И долго охотиться за жертвой не пришлось.

Первым на главной дороге из Ведено в Грозный он встретил купца Носова. Это то, что надо. Несмотря на шапочное знакомство с ним в прошлом, он решительно потребовал деньги. Заикающемуся от страха купцу Зелимхан дал понять, что ему нужны только деньги и за себя может не бояться. Но только чтобы об этом никто не узнал. Купец с радостью принял условия и объявил, что готов отдать ему все деньги, но их у него всего 60 рублей. Зелимхан поверил ему и обманулся. Не первый раз, наверное, но последний. Купец врал: в потайном кармане у него были спрятаны большие деньги, на которые намеревался прикупить товары.

– Давай их сюда! – приказал Зелимхан, заключив про себя, что деньги небольшие, но их вполне хватит на трехлинейку. Трехлинейка считалась одной из лучших боевых винтовок на то время: стреляет метко и далеко – самый раз, что надо джигиту или абреку. Пряча деньги в хурджине (кожаная переметная сумка), он снова наказал купцу, что он никому в крепости не скажет, кто его ограбил, и что, вообще, видел Зелимхана.

– Узнаю, убью! – пригрозил абрек

После этого Зелимхан на некоторое время скрылся и залег. Следующий раз он объявился в тот день, когда за кре-

постными стенами Ведено на лужайке, в живописном местечке несколько офицеров и государственных служащих со своими женами и подругами устроили пикник. Такие загородные увеселительные прогулки компанией особенно летом были довольно частым явлением. В разгар веселья перед ними неожиданно предстал Зелимхан с трехлинейной винтовкой, купленой на деньги Носова. Опешившие кутилы почти в шоковом состоянии были препровождены под дулом в ближайший лес, ограблены и раздеты донага все. И опять под обещание «хуже будет!» приказал пленникам и пленницам никому не говорить о случившемся и не называть его имени. Как и купец Носов, они выполнили требование абрека, слишком велик был страх перед ним и всеобщим позором. Да и как можно было признаться в том, что они, все вместе, не смогли одолеть одного, так цинично посмеявшегося над ними, оставив средь бела дня в том, в чем мать родила.

Потом была та самая любовная драма с убийством, связанная с Зезык, закончившаяся кровомщением и заключением почти всех мужчин-гушмазукаевых в Веденское, а затем и в Грозненское арестантское отделение. Однако долго сидеть гушмазукаевым не пришлось. При всей коррумпированности охранной администрации российских тюрем и безответственном отношении к делу и своим обязанностям бежать с каторги было делом немудреным. После этого у беглецов не было другого выбора, как идти в абреки.

Абречество было таким большим социальным злом, что борьба с ним становилась величайшим гуманным делом. В этой борьбе простые горцы-труженики, не раз пострадавшие от разбоев и грабежей, всячески поддерживали администрацию, участвуя с ней в операциях по их уничтожению. Но были и другие, которые укрывали абреков, доносили им о грозящей опасности или сами устраивали беспорядки в ответ на невнимание властей к их нуждам. Больше всего это проявилось в годы первой российской революции. Смутой 1905-1907 гг. в стране воспользовались и абреки. В то вре-

мя, как власти были заняты подавлением революции, во всем Кавказском крае участились грабежи и разбои. Но примечательно то, что даже те из них, которые были антироссийски настроены, имели свои счеты с новой властью, остались в стороне от народного движения. Настоящие абреки, наподобие Зелимхана, боролись с русской администрацией и находившимися у нее на службе аборигенами, но вся эта борьба стояла особняком от общей борьбы с царизмом. Первый и главный протест абреков был обращен против тех, чье особое усердие на службе переходило всякие границы, кто чинил насилие и самоуправство, кто нанес им личную обиду.

Ярким примером этому могут служить грозненские события осенью 1905 года. В один из воскресных дней, 10 октября, на многолюдном грозненском базаре произошел конфликт между русской торговкой, казачкой и чеченцем. Вскоре в эту ссору втянулись и другие, ставшие ее невольными свидетелями, а затем и участниками. Нашлись защитники и у одной стороны и у другой. В результате, как снежный ком, разросся конфликт. Началась потасовка. Кто-то в разгар свалки на подмогу вызвал Ширванский полк, дислоцированный в Грозном. Прибыв на место событий, полк расстрелял целую толпу чеченцев. Насчитали 17 человек.

Весть о случившемся, как молния, разнеслась по округе и всей Чечне. Узнал об этом и Зелимхан. Ему передали, что солдаты убили 17 чеченцев. Через неделю недалеко от станции Кади-юрт Зелимхан со своими товарищами остановил проходящий пассажирский поезд, ограбил его и устроил массовый расстрел пассажиров. Можно догадываться, кто это были. В письме к Доногуеву Зелимхан признавался, что «я узнав, чем дело, собрал свой шайка и ограбил поезд Кади-юрта, и убивал поезде русских людей за местью». А тех, кто уцелел, кого он миловал, попросил: «Передайте полковнику Попову, что жизни, взятые в Грозном, отомщены». Полковник Иван Дмитриевич Попов был на тот момент начальником Грозненского округа, а в 1910 году стал атаманом Пятигорского отдела.

Об этой драме в повести «Зелимхан» (Грозный, 1971) пишет также чеченский писатель Магомет Мамакаев, но он указывает, что Зелимхан расстрелял тогда не просто 15 пассажиров, а 15 русских офицеров, которых собрали по всему составу, во что верится с трудом, ибо все они как люди военные были самых разных званий и при оружии, а кого-то даже сопровождали солдаты. К тому же трудно предположить, чтобы в пассажирском поезде, курсирующем на этом участке, оказалось одновременно столько русских офицеров, которых в спешке, в считанные минуты могли всех собрать, вывести на поляну и так просто расстрелять.

Об этом пишут также Козачковский и современный писатель Антон Уткин. И тот и другой также указывают число убитых в отместку, но уже не 15, как у Мамакаева, а 17. По-видимому, эту цифру Уткин заимствовал у Козачковского, полагая, вероятно, что его данные, как современника событий и служившего в тюремной администрации, являются более точными. 17 убитых чеченцев называет и осетинский писатель Дзахо Гатуев, свободно владевший чеченским языком, в одноименной повести «Зелимхан», написанной им на основе первоисточников и показаний свидетелей тех событий.

Одним из таких, чья служба вызвала возмущение в чеченском народе, был и подполковник Добровольский, старший помощник начальника Веденского округа, переведенный из Грозного. Этот округ был новой административной единицей на карте Терской области. Он выделился из Грозненского округа в 1906 году в связи с начавшейся революцией, в целях более эффективной борьбы с ней и абречеством. Первым начальником его стал войсковой старшина (подполковник) Иван Александрович Ханжалов. Служба Добровольского здесь совпала с началом реакции в стране. Выполняя строгие предписания этой поры сверху, он, уже опытный администратор, действовал жестко и снискал себе недобрую славу в народе.

Крепость Ведено была возведена царскими генералами на крутом берегу реки Хулхулау. Неудобное на первый взгляд место вполне устраивало власти и военных, так как отсюда хорошо просматривались окрестные села и аулы горцев. Вокруг крепости угрюмо стояли орудия, призванные устрашать вольнолюбивых горцев и не раз паливших по ним во время крестьянских волнений. Под жерлами пушек протекала полунищенская и полная тревог жизнь бесправного и постоянно обираемого, неграмотного и запуганного местного населения, ничего не вызывающего, кроме сочувствия и жалости. Твердыня Ведено была грозным предупреждением для всего окружающего мира и особенно тех, кто мог бы посягнуть на установленный правопорядок.

Веденский округ был одним из самых неспокойных и криминогенных мест Чечни, и Добровольский действовал сообразно обстановке. К нему приходили чеченские старшины и жаловались, что жители их не слушаются, не исполняют их приказаний, не являются на вызовы в суд, не выполняют повинностей и уже несколько лет подряд не платят им жалованья. Жаловались и горцы-крестьяне. Только те уже на нехватку земли, на денежные поборы, на то, что старшины и писари покрывают воров, а краденое и даже разбойные преступления нагло приписывают им, ни в чем неповинным, за что их облагают штрафами и даже сажают в тюрьму или ссылают. Они требовали, чтобы старшин не назначали сверху, так как почти все они бывают с «потерянной репутацией, лишенные прав по суду», а избирали бы на месте они сами, как это делается в казачьих станицах, чтобы содержались старшины не за счет крестьян, а за счет казны и т.д.

Но больше всего донимали разбойники, разгул воровства и грабежей. Поэтому Добровольский, основным направлением деятельности которого по решению Ханжалова стали разбои и грабежи, с особой энергией взялся за борьбу с этим злом. Он ограничивал перемещения людей, устраивал обыски и облавы, направлял военные отряды на постой в прови-

нившиеся села, где они – солдаты и кони – в течение многих недель и даже месяцев содержались за счет его жителей.

Не была исключением и родина Зелимхана – Харачой. Только одна семья Гушмазукаевых дала трех абреков. И каких?! Один Зелимхан чего стоил, находившийся в ипостаси абрека № 1 более 10 лет, начиная с 1901 года. Другой – Солтамурад, конечно не был ему ровней, но он активно участвовал во всех дерзких налетах старшего брата. А отец – в прошлом молодой удалец?! Он им обоим учитель. «Зелимхан – звер, Гушмазуко – двадцать раз звер!», – говорит о себе Гушмазуко Бехоев. Гушмазуко готов всех Элсановых убить! И даже женщин, в том числе и свою вторую жену Бельгас, не будь она матерью его младшего сына Бийсултана. Потому что она тоже Элсанова.

Конечно, Гушмазуко-абрека не сравнить с Зелимханом. Это обычное на Кавказе почитание старших, тем более отца. На самом деле Зелимхан как абрек превосходил не только отца, но и всех других самых известных. Он был абреком абреков и даже называли наместником гор в противовес официальному наместнику царя на Кавказе, подчеркивая тем самым его первородство и естественное право на это.

Это заставило Добровольского установить особое наблюдение за харачоевским трио и их дружками, готовыми явиться по первому зову Зелимхана, которое нередко сопровождалось притеснениями. Постоянные преследования и гонения сделали жизнь невыносимой. Зелимхан в своем письме в Государственную Думу, направленном для того, чтобы показать, кто виноват в том, что все мужчины в его семье стали абреками, указывал: «Мой старый отец, уже вернувшийся домой, отбыл свой срок наказания и в особенности брат – самый тихий и добродушный из харачоевцев – подверглись со стороны Добровольского всевозможным гонениям, аресту на продолжительное время, под тем или иным предлогом и пр., пр. мелочам, пересказывать которые я сейчас не сумею, но которые тем не менее жизнь делают тягост-

ною, а иногда невыносимою».[4] И в качестве одного из примеров приводит случай, как подполковник в пути из Ведено в Грозный встретил его брата Солтамурада и приказал сопровождению отобрать у него оружие. На это брат ответил, «что оружие его азиатского образца и выдать его не может, так как повсюду его преследуют кровники. Добровольский привстал на тройке с винтовкой в руке. Солтамурад ударил лошадь и ускакал, а начальник пустил ему вдогонку несколько пуль: не знаю, с какой целью – напугать или попасть в него. Приехав в Грозный, Добровольский пожаловался начальнику округа, что брат Зелимхана оказал ему вооруженное сопротивление».[5]

Солтамурад не стал искать мести. Не советовал ему это делать на первый раз и Зелимхан. Тогда же Зелимхан через людей передал подполковнику просьбу не преследовать брата и дать ему возможность заняться мирной жизнью, на что тот разразился, якобы, в его адрес нецензурной бранью.

Солтамурад покинул дом и ушел в Дагестан. Думал: не будет попадаться на глаза и забудут о нем. Но скрыться совсем не удалось, его и там достали. Местные полицейские, которым телеграфом из Владикавказа поручено было выследить его, схватили и посадили в Порт-Петровскую тюрьму. Пробыв в ней около года, Солтамурад вышел на свободу и сделался абреком, уйдя оттуда прямо в горы, к Зелимхану и отцу. Сочтя Добровольского главным виновником сломанной судьбы брата, Зелимхан выследил его и 4 апреля 1906 года убил на одной из тех же веденских дорог.

В том же письме в Думу Зелимхан так объяснил свой поступок: «За то, что он заставил сделаться абреком моего отца и брата, обругал меня скверными словами, Добровольский поплатился своей жизнью».[6]

После Ханжалова начальником этого округа был назначен полковник Василий Савельевич Галаев, уроженец станицы Черноярской, Владикавказского округа. В послужном списке значится: Родился 1 марта 1860 года. Окончил Влади-

кавказское реальное училище и Ставропольское казачье юнкерское училище. Участник русско-японской войны. Служил в 1 Владикавказском полку. Награжден Георгиевским крестом 4 степени (1878). Офицер с 3 декабря 1880. Подъесаул с 30 декабря 1886. Старший помощник атамана Пятигорского отдела Терского казачьего войска. 9 марта 1906 произведен в полковники. С 2 июня 1906 начальник Веденского округа Терской области. Женат, трое детей.

Галаев застал Веденский округ в хаотическом состоянии. Как видно из послужного списка и рапорта от 28 марта 1906 года Галаев в должности старшего помощника Пятигорского атамана приобрел определенный опыт административной работы, хотя и отличалась от той, которую придется ему вести теперь. Сразу по принятии им округа к нему, как в свое время к Добровольскому, стали являться доверенные от сельских обществ 5 участка с заявлением, что в их селениях нет порядка, жители не слушаются старшин, не исполняют их приказаний, не являются на вызовы в суд, не выполняют денежных повинностей, уже несколько лет подряд не платят жалованья старшинам, и что сами выборные старшины не в силах бороться с этим злом. В общем, то же самое, что было и до Добровольского. Высказывая все это, они просили нового начальника в самом непродолжительном времени приехать к ним и, лично убедившись в справедливости их заявлений, принять меры к нарушителям и помочь им восстановить порядок.

Для достижения большей эффективности в борьбе с абречеством широко применялись арест, высылка семей и близких родственников абреков. Полковник Галаев начал с того же. Дзахо Гатуев пишет: «Ссылки предшествующих администраторов не давали желанного результата. Ссыльные возвращались и пополняли абреческие кадры. Чтобы уничтожить тоску по родине, по семье, Галаев начал выселять с семьями. Каждой высылке предшествовал арест, и тюрьмы пополнялись преступниками от грудного и до старческого

возраста».[7]

Это утверждение не совсем верно. Во-первых, высылка семей абреков, замеченных в пособничестве им, проводилась задолго до Галаева, еще в начале 90-х годов XIX века. Галаев только продолжил эту практику семейных высылок, введенную правительством с целью ослабления абречества путем лишения ее народной опоры, и внести какие либо изменения, а тем более отменить ее, Галаев не имел никаких прав. Во-вторых, изловленных абреков вместе с их семьями никогда не этапировали и общих для абреков и их семей судебных процессов тоже не было и быть не могло, поскольку в преступных деяниях абрека или разбойника их семьи не участвовали, а порой ничего не знали об этом. Поэтому не могли быть привлечены к уголовной ответственности заодно с ними. Семьи привлекались к ответственности только в том случае, если они, как уже было сказано, оказывались замеченными в пособничестве и укрывательстве беглых каторжан-родственников, и если приговаривались такие семьи к высылке, то для них определялись совсем другие места. Уничтожить тоску по родине или семье в отрыве от них никогда и ничем нельзя. А вот лишить беглого абрека возможности находить тайное пристанище у своих близких можно, что и делалось путем высылки последних за содействие преступникам.

Видя в широкой народной поддержке абречества одну из главных причин устойчивости этого явления, высшая Кавказская администрация в наказание одних и в назидание другим нередко прибегала к высылке абречьих семей как к превентивной мере. Однако во все времена самым распространенным способом борьбы с народным участием в этом были экзекуции, штрафные обложения и различные правовые ограничения. Как ни строг и изобретателен был новый начальник Веденского округа, не изменил этому правилу и он. Вот один из таких примеров. 16 апреля 1907 года полковник Галаев обратился с телеграммой к начальнику Терской об-

ласти: «Владикавказ, Генерал-губернатору Дополнение 9564 Белготоевцы не внесли сроку деньги и не выдали абреков прошу разрешения поставить экзекуцию полусотню из стоящей Ведено Моздокской сотни до выполнения требований». «Ведено начальнику округа Экзекуцию Белготое разрешаю». Но стоило ситуации измениться в нужном направлении, как принималось другое решение. «Владикавказ Генерал-губернатору Белготоевцы внесли утром деньги полностью отправка полусотни приостановлена до Вашего распоряжения Полковник Галаев». «Ведено начальнику округа Генерал князь Орбелиани приказал экзекуцию Белготое отменить.[8]

Из переписки видно, что полковник Галаев не был столь кровожадным, как его пытаются представить. Он действовал в рамках закона и не позволял себе никаких злоупотреблений своим служебным положением и был предельно справедливым по отношению к подведомственному ему населению. Выполнили белготоевцы, что от них требовалось, и полковник тут же отменил все властные меры воздействия на них.

Галаев с первых же дней своего назначения главой Веденского округа стал искать причины разросшихся разбоев, грабежей, а также развития абречества в этом регионе. И ему, такому же горцу, как чеченцы и ингуши, не составило никакого труда установить их. Они были очевидны: «крайнее малоземелье», как он говорит, и на этой основе безысходная бедность этих народов «и родовой дух», замкнутая тайповая система, «в которых продолжала консервироваться Чечня и Ингушетия».

Второй фактор оказывал, пожалуй, более негативное влияние на происходящие социальные и политические процессы, чем острый дефицит земли, потому что он служил благодатной почвой для обычая кровной мести, которая как нигде больше культивировалась здесь как один из институтов саморегуляции общества. Это подтверждает и писатель Дзахо Гатуев, который устами самого Зелимхана говорит, что

в Чечне нет ни одной фамилии, которая бы не участвовала в кровной мести. Порой в ее орбите оказывался многочисленный род, с которым в кровной вражде оказывались несколько фамилий. И тогда цепь кровавых расчетов затягивалась на долгие годы и на несколько поколений.

Понимая, что одними карательными мерами проблему разбоев и грабежей не решить, Галаев поставил перед собой задачу устранения их причин. Более простой, но для чеченцев важной такой мерой он считал, если не ликвидировать полностью земельный голод, то хотя бы за счет неудобных земель, после приведения их в культурное состояние, увеличить земельную обеспеченность части остронуждающегося в ней населения округа. В качестве такого резерва он видел топкие болотистые Истисинские луга.

Однако благим намерениям царского полковника, где-то в душе сочувствовавшего таким же, как он сам горцам, осуществиться не было дано. Каждая его мера по наведению порядка и спокойствия в округе для блага его жителей встречалась в штыки местной оппозицией и абреками во главе с их вожаком Зелимханом. Армейский полковник, как начальник Веденского округа, поставленный на эту должность в первую очередь для борьбы с абречеством и разбоями, был непримирим как с ними самими, так и с их пособниками. Он не превышал власти, но и не делал никаких уступок. В этом он видел залог успеха.

Зелимхан, свыкшийся к этому времени с мыслью, что он народный герой, воспринял подобную детельность и служебное усердие нового администратора как чрезмерную жестокость и закручивание гайки на всю катушку. А раз так, то нет и ему пощады. Но для начала абрек послал на его имя предупреждение. Это было первое письмо Зелимхана Галаеву. Оно начинается с религиозного посвящения (что-то вроде инвокации) – «Бисмилла, аррахман, аррахим!», затем идет оскорбление полковника, приверженца закона: «Я думаю, что из головы твоей утекло масло, раз ты думаешь, что царский закон может делать все, что угодно».

Галаев – один из тех, кто действует в рамках русского закона. Поэтому абрек обращается и ко всем властьпредержащим чиновникам. «Эй, вы, начальствующие и судьи! Эй, правосудие! Вы неправильно решаете дела. Почему вы неправильно судите, почему вы осуждаете детей?.. Потом снова возвращается к Галаеву, чтобы сказать, в чем его непростительная вина, за которую он так враждебен к нему. «Эй, полковник! Я тебя прошу ради создавшего нас бога и ради возвысившего тебя – не открывай вражды между мной и народом. Ты должен стараться, чтобы женщины и дети не плакали и не рыдали. Они же плачут и проклинают меня. Они говорят: «Хоть бы убили его, и чтобы он был уничтожен Богом!» Так они проклинают меня. Они не виноваты. Ты же не должен сомневаться, если будешь обижать арестованных, то ко мне будет вражда. А мы до сих пор жили хорошо: кто мне сделает добро, тому отплачу тем же; кто мне сделает дурное и злое, тому отвечу тоже тем же»…

Всего неистовому полковнику было направлено два письма. Второе уже без религиозного посвящения и начинается с прямой угрозы убить его. «Пишу тебе последнее письмо, – говорится в нем, – которое я с помощью аллаха безусловно исполню. Это будет скоро». Зелимхан напоминает Галаеву о том, что он «сделал с Добровольским, таким же полковником, как он», и что его сердце таит желание то же самое «сделать с ним «за незаконные действия» его «и из-за меня заключенных людей, которые совсем невинны»… Я Добровольскому говорил так же, как и тебе, гяур. Но ты меня тоже не понимаешь. Я тебе дам запомнить себя. Губить людей незаконными действиями из-за себя я не позволю, тебе, гяур. Раз я говорю «не позволю», значит, правда.

Если я, Зелимхан Гушмазукаев, буду жив, я ж заставлю тебя, как собаку, гадить в доме и сидеть в доме с женой. Трус ты! В конце концов – проститутка, – убью тебя, как собаку». Абрек напоминает полковнику, что если он думает, что он, Зелимхан, уедет в Турцию, то он ошибается. «Чтобы люди не обложили»

его «позором бегства», он не сделает этого. Даже на шаг дальше не уйдет, пока не кончит с ним. И ставит условие, которым заканчивает письмо: «Освободи же людей невинных, и я с тобой ничего иметь не буду. Если же не послушаешь, то будь уверен, что жизнь твою покончу или увезу в живых казнить тебя». (Целиком письмо приводится в конце текста).

Объявленный трусом полковник вовсе не был им. Получив предупреждающее письмо от зарвавшегося в своих требованиях и угрозах абрека, боевой казачий офицер, Георгиевский кавалер остро среагировал на такое наглое заявление и был готов встретиться с Зелимханом и его шайкой в любом формате. Но потом передумал. Неистовый Галаев решил в полемику не вступать. Негоже ему, полковнику, начальнику округа втягиваться с бандитом в публичный спор, кто из них действительно трус, а кто нет. Он и после зелимхановских угроз, известных ему как нешуточных, ни на иоту не отступил от своих правил, и с такой же твердостью продолжал свое дело. Галаев сам уличал Зелимхана в трусости, представляя как он «из-за угла» стрелял в Добровольского.

Галаев как новый начальник Веденского округа в своей карательной деятельности ничего нового не придумал. Он делал то же самое, что и другие до него, но только более методично и бескомпромиссно. Он считал неотвратность наказания – важнейшим условием успешной борьбы с преступностью, и добивался ее. Это было противно Зелимхану потому что оно являло собой то, против чего он боролся. К тому же убийства высокопоставленных чиновников, первых лиц окружного начальства не достигали цели, напротив, они оказывали обратное действие и не устрашали власти, а еще более мобилизовывали их. Такого Зелимхан не ожидал. Сознание своего бессилия что либо изменить в общественной жизни приводило абрека в бешенство. И Галаев, повторявший своих предшественников в действиях по закону, да еще более эффективно, стал, по существу, очередной целью, которую будет преследовать, пока не устранит.

Абрек Зелимхан, совершивший до этого целый ряд громких убийств исподтишка, вошел в своеобразный воинственный кураж и также вероломно учинил свою расправу над полковником Галаевым. Зелимхан начал слежку за ним, установил привычки, наиболее уязвимые места его пребывания на службе.

В крепости Ведено был старый с вековыми деревьями и ухоженными дорожками и скамеечками парк. Он заканчивался крутым обрывом, где по дну оврага вился ручей. К нему вела крытая стеклянная галерея. За обрывом, кругом огороженным колючей проволокой, на другом его берегу виднелся густой кустарник, а за ним начинался благоухавший цветами бескрайний луг. Административное здание управления находилось рядом с парком, и начальник округа имел привычку до работы и после нее прогуляться по его тенистым аллеям, часто присаживался на скамейку и любовался открывающейся чудесной панорамой. Убежденный в недосягаемости и безопасности места, Галаев в то злополучное утро не изменил своему правилу и заглянул в парк, как всегда почти безлюдный и с несмолкающим птичьим гомоном. Зелимхан уже поджидал его, притаившись в кустарниках. Выждал, когда наступит удобный, беспроигрышный момент, и выстрелил. Пуля угодила прямо в голову.

Весть об убийстве одного из лучших и грамотных окружных начальников Галаева потрясла Терскую администрацию. Начальник области Колюбакин был в ярости. Организация похорон и оказание помощи семье покойного заняло несколько дней. Тело погибшего отвезли в станицу Черноярскую и со всеми воинскими почестями предали земле, а вдове и детям назначили пенсию.

22 июня выборные от жителей всех пяти участков Веденского округа, от имени последних, возмущенные дерзким убийством своего начальника полковника Галаева, собрались в правлении округа «для выработки мер к уничтожению разбойнической шайки Зелимхана, наносящей громадный вред

как русскому населению, так и туземному». Своим приговором они постановили «образовать капитал сбором по одному рублю с дыма, что по числу 16426 платных дымов составит капитал 16426 руб. и выдать из него тому или тем, кто доставит начальству, а при сопротивлении убьет разбойников, а ранее для этой же цели первым участком собранными и отпущенными наместником Е. В. на Кавказе: Зелимхана Гушмазукаева – 8000 руб. Солтамурада Гушмазукаева – 3000 руб. и отца их Гушмазуко Бехоева – 1500 руб.», доказчику, указавшему место нахождения разбойников и давшему возможность окружить их, хотя те и не будут пойманы или уничтожены – 1000 руб. Если кто из преследующих разбойников будет последним убит, получит увечье или поранение, то семье первого из них выдать 630 руб., второму – 300 руб. и последнему – 100 руб.[9]

Веденские выборные выразили семье покойного глубокое соболезнование, осудили гнусных убийц и заявили о своем желании «вместе с семьей поставить на могиле покойного памятник», если она на то даст свое согласие.

В канцелярии начальника области было решено «распространить среди населения как своего, так и соседних округов и в газетах» о размере вознаграждения за уничтожение шайки.

Труды и старания Галаева по наведению порядка в округе, несмотря на борьбу с ним и всей русской администрацией своего соплеменника Зелимхана и его разбойной шайки поддерживались и были высоко оценены всей трудовой и законопослушной частью населения, составлявшей основную ее массу. Свидетельством тому является то, что после схода выборных 22 июня, на котором убийство Галаева получило резкое осуждение убийц, 6 июля 1908 года они вновь собрались в окружном правлении, чтобы подтвердить ранее вынесенный приговор и принять конкретные меры по его осуществлению. Было принято к чести выборных постановление, очень обязывающее их и все население округа. В постановлении из пяти пунктов говорилось:

«1. В месячный срок от этого числа передать в распоряжение начальства разбойника Зелимхана Гушмазукаева, Солтамурада Гушмазукаева и их отца Гушмазуко Бехоева.

2. Выдавать всех соучастников разбойников и лиц, оказывающих им покровительство и укрывающих их от преследований.

3. Если в месячный срок мы не выполним изложенного в параграфе 1 сего приговора обязательства, а нашему начальству будет известно, что разбойники были в пределах наших юртовых наделов, т.е. в селениях, хуторах или кутанах и нами не будет принято мер к их задержанию или уничтожению при сопротивлении, то помимо могущей быть наложенной на нас высшим начальством кары, обязуемся в недельный срок без понуждения со стороны ближайшего начальства представить штраф в размере десяти рублей с дыма.

4. Обязуемся для ловли и преследования разбойников в каждом участке составить партизанские команды в составе 15 конных и 15 пеших человек и отдать их в распоряжение начальников участков, при чем, при отсутствии охотников поступить в такие команды на наем их по выбору начальников участков, выдавать необходимые суммы денег.

5-ый пункт касался участковых начальников. В нем указывалось, что «при поездках их по делам службы, как в пределах своих участков, так и соседних, нанять по 5 конных человек в каждом участке», и все они должны быть по избранию самих начальников.10

Вскоре вакантную должность начальника Веденского округа занял молодой капитан Василий Филиппович Дудников. Генерал Колюбакин не ошибся, когда на это место назначал его, хотя он уступал в звании предыдущему на целых три ранга. Все думали, что Зелимхан нагнал столько страха, что тот, кто придет за Галаевым, будет мягче и осторожней. Однако не по годам хваткий, Дудников успешно делал карьеру. До этого он успел поработать начальником Назрановского округа и уже имел опыт административной работы. Было

очевидно, что неуловимость Зелимхана состоит в народной поддержке и умелом пособничестве родственников. Поэтому первым делом он снарядил отряд в Харачой и окружил дома оставшихся там родственников абрека. Особенно интересовали жены Зелимхана и Солтамурада, через которых рассчитывали выведать местонахождение мужей. Но их там не оказалось, и долго никто не говорил, где они. И только после угроз сжечь их дома, сослать в Сибирь, перепуганные харачоевцы сказали, что жены их в Ингушетии, возможно на Ассе. Поскольку проводить дальнейшее преследование их за пределами округа его никто не обязывал, Дудников ограничился передачей добытых сведений начальнику области и командиру военного отряда.

Как шло выполнение июльского решения выборных от жителей Веденского округа, неизвестно. Однако по истечении четырех месяцев в первых числах ноября на имя начальника округа Дудникова пришло два письма на арабском языке от лица, выдающего себя за Зелимхана. В них автор называет причины, заставившие его и его брата Солтамурада сделаться абреками, совершить убийство Добровольского и Галаева и выдвигает ряд требований срочного исполнения, за отказ от которых грозит суровой карой – убийством.

Ознакомившись с посланиями, Дудников срочно переслал их Степанову, исполнявшему тогда обязанности врем. генерал-губернатора Терской области.

Степанов придал им самое серьезное значение и приказал помощнику разослать секретный циркуляр, что было сделано 8 ноября 1908 года, всем атаманам отделов, начальникам округов и полицмейстерам области следующего содержания: «На днях начальником Веденского округа получены на арабском языке два письма от имени Зелимхана или лже-Зелимхана, в которых автор сообщает о причинах, заставивших его и его брата Солтамурада сделаться абреками и побудивших его совершить убийство старшего помощника начальника Веденского округа подполковника Доброволь-

ского и начальника того же округа полковника Галаева, которых он обвиняет в пристрастиях и незаконных отношениях к его родственникам, а также, требуя объяснения о причинах высылки его родственников в Сибирь и по поводу уничтожения его единоутробного брата Хасая и домов, настаивает на возвращении из ссылки первых и о постройке им домов, угрожая в противном случае «поднять тревогу и собрать в короткий срок большую толпу настоящих, достойных мужчин», так как он имеет много денег на наем таковых и помощников в лице «Всемогущего Бога, пророка Магомета и его уставов», которые сохранили его как человека, не делающего плохих дел, ибо Богом деятельность его одобряется, почему ему все легко удается.

В заключении, – говорится в циркуляре, – автор писем угрожает начальнику Веденского округа в случае невыполнения его требований, убить его».

Сообщая об этом, генерал Степанов предписал «принять самые действительные меры к поимке Зелимхана или выдающего себя за него». И потребовал разъяснить еще раз населению, что «на поимку или уничтожение, при сопротивлении, Зелимхана населением Веденского округа ассигновано 8000 рублей, каковая сумма собрана, хранится в казначействе и будет выдана по принадлежности немедленно по выполнении задачи. Данное дело, – предупреждает он, – настолько серьезно, ввиду злостности абрека и его шайки, что только солидарность действий может дать желанный успех».11

У Зелимхана было много кровников. Но расчет с кровниками составлял только одну сторону его кровавых деяний. Не самым главным было и занятие грабежом. Большую часть своей энергии и времени он отдавал борьбе с администрацией, а с весны 1909 года и военным отрядом, созданным для борьбы с абречеством и в первую очередь с ним. Для этого он использовал каждый выгодный случай. Летом 1909 года около двенадцати часов ночи при въезде в Харачой он внезапно обстрелял отряд из двенадцати человек: трех стражни-

ков, четырех партизан, старшину и четырех своих кровников, которые были высланы начальником Веденского округа в секрет. Были убиты один стражник, три лошади и одна лошадь ранена. Принятые администрацией экстренные меры по преследованию абрека никаких результатов не дали.

Зелимхан действовал и в одиночку, и со своей, как он говорил, шайкой. При этом он никогда не скрывал своих намерений и намеченной жертвы. Он открыто обозначал лиц, которых преследовал и обрекал на самосуд. Так он поступил с начальником военно-охотничьего отряда подполковником Вербицким, которому «дал перед тем знать», так поступил с начальником Веденского округа полковником Галаевым, а еще до него со старшим помощником начальника этого округа подполковником Добровольским. Но в отличие от двух последних Вербицкому удалось избежать мести Зелимхана. Возможно потому, что вскоре он был переведен и назначен атаманом Кизлярского отдела и оставил в покое соплеменников абрека.

Такие предупреждения о том, что он собирается их убить за то, что они ослушались и не выполнили его требований, посылались атаману Кизлярского отдела Турченко, ротмистру Зайнудтину Доногуеву, полковникам Маргании, Дудникову, Каралову и своему земляку Юсупу Датыхскому, чинившему на него доносы начальнику Назрановского округа князю Андроникову. Каждый из перечисленных чиновников был приговорен абреком к смерти за служебное усердие и несговорчивость, неотступное следование своему долгу. Этим он как будто демонстрировал свое мужество и отвагу, но на деле каждый акт его возмездия становился коварным убийством ничего в тот момент не подозревавшего человека.

Но Зелимхан, несмотря на это, в глазах его преследователей не был столь отважным, как представлялся. Больше того, его самого считали подлым трусом, в чем унизительно упрекал других. Из них одним из первых был Галаев. Он упрекал Зелимхана в том, что все его жертвы были убиты исподтишка,

«тайно подкрадываясь, как кошка». Вслед за ним в трусости уличали самого Зелимхана Вербицкий, и Андроников.

«Имя твое известно всей России, но слава твоя скверная, – писал Вербицкий сразу по назначении его командиром военно-охотничьего отряда в своем «Воззвании» к чеченскому и ингушскому народам и всему туземному населению Терской области. – Ты бросил отца и брата умирать, а сам убежал с поля битвы, как самый подлый трус и предатель. Ты убил много людей, но из-за куста, прячась в камни, как ядовитая змея.....весь чеченский народ смотрит на тебя как на мужчину, и я, войсковой старшина Вербицкий, предоставляю тебе случай смыть с себя пятно бесчестия, и если ты действительно носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов... Докажи же, Зелимхан, что ты мужчина из доблестного чеченского племени, а не трусливая баба. Напиши мне, войсковому старшине Вербицкому, в гор. Владикавказ». Зелимхан не ответил на этот вызов.

Сходную оценку дал Зелимхану и князь Андроников – гвардейский офицер, сосланный на Кавказ за какое-то нарушение воинского устава и назначенный начальником Назрановского округа: «Мой святой долг, – писал он одному из своих приятелей с места нового назначения, – во что бы то ни стало, хотя бы и ценой жизни, уничтожить этого подлого труса – Зелимхана, нападающего из-за скал и горных трущоб».

Цивилизованный мир знает такую форму выяснения остроконфликтных отношений как дуэль. Дуэль тем «гуманна» по сравнению с другими способами тайной кровавой расправы с обидчиками, что это открытый поединок, и об их участниках можно сказать, что это действительно мужественные люди. Противники видят друг друга. Никто ни в кого из засады не стреляет. Это поединок, где у участников абсолютно равные условия и возможности.

Зелимхан тоже предлагал своим врагам что-то вроде дуэли, указывал и время, и место встречи. Но это был фарс. Он понимал, что люди с таким социальным и государственным

статусом, не будут и не имеют права участвовать в такого рода незаконных, варварских самосудах. Ни один госчиновник не пойдет на это, как бы внутренне он не желал, так как все служебные предписания и регламенты не позволяют им делать этого. А Зелимхан, бросив вызов однажды, никогда не повторял, если противник не являлся на указанное место. Этого было достаточно, чтобы потом обвинить другого в трусости, как это было в случае с Вербицким.

Зелимхан не обладал безрассудной храбростью и не явился к месту дуэли, где его ждал Вербицкий. Там могла оказаться засада, готовая к любому повороту событий: защите своего атамана, в случае явки дерзкого и неуловимого абрека-дуэлянта с шайкой, и даже к их захвату, если на то последует приказ. Действительно так и было – Вербицкий прибыл на дуэль в сопровождении нескольких солдат, полагая, что и Зелимхан будет не один.

И все же Зелимхану не откажешь в мужестве и смелости. Но его заявления и вызовы на единоборство больше были проявлением бравады. Тем более что эти вызовы писались другими, известными в Чечне и более грамотными, чем он, людьми, которые, несомненно, разносили их и делали достоянием всего народа. На это и были направлены помыслы абрека, чтобы лишний раз донести до соплеменников, что он есть «Зелимхан, решающий народные дела», как писал в письме полковнику Галаеву. На деле же это был самый банальный расчет, чтобы представиться людям как их самоотверженный и смелый защитник, из-за которого они так много невзгод терпят от администрации.

Когда один другого упрекает в трусости, а себя выставляет героем, лучшим доказательством того, что и кто он есть, как уже было сказано, является дуэль, открытый честный поединок двух непримиримых противников, а не коварный выстрел из-за кустов. На такую дуэль Зелимхан по настоящему не приглашал никого из своих врагов. Все убитые им представители власти, окружные начальники, были застигнуты

врасплох или поражены вероломно с невидимого расстояния, заранее выследив жертву.

Но как бы там ни было, взаимные обвинения в трусости были неверны. Они вызваны обоюдной неприязнью друг к другу. И Зелимхану, и начальникам округов храбрости было не занимать. Все они прошли хорошую школу мужества и отваги, участвуя в вооруженных столкновениях между собой и даже в войнах, как скажем, полковник Галаев, участник русско-японской войны.

Родной стихией Зелимхана были территории Грозненского, Веденского и Назрановского округов с их лесными массивами и камышовыми и кустарниковыми зарослями, горнообрывистым рельефом. Особенно, когда буйствовала «зеленка». Но он вольготно чувствовал себя и во Владикавказском округе и даже в самом Владикавказе, где размещалась резиденция Наказного атамана Терского казачьего войска и восседал в кресле начальника области генерал-лейтенант Алексей Михайлович Колюбакин, который занимал этот пост с 1905 и почти до конца 1908 года. Его деятельность в определенной мере сдерживала абречество, но она все же не была столь эффективной, как этого хотелось. За два последних года народной смуты в 1906-1907 годах только во Владикавказе Зелимхан совершил около десятка дерзких налетов на самых успешных предпринимателей: на склад Кролика, мельницу Проханова, магазин Симонова, на часового мастера Шихмана. Не забыл и купца Резакова. И всегда риск был оправдан.

Но самым удачным из серии подобных грабежей был налет на Грозненскую станционную кассу. Восьмого января 1910 года глубокой ночью с шайкой в 20 человек Зелимхан появился на платформе Грозненского вокзала. Ударом приклада обезвредили оказавшегося на их пути приемщика поездов и ворвались в помещение вокзала. Они тяжело ранили двух стражников, выскочивших им навстречу, и сразу же с ломом бросились к сейфам. Их было два, и вскрыть железные сейфы удалось не сразу, так как они были с двойной крышей.

Налетчики били по ним ломом, что было сил. Наконец вскрыли их на глазах у лежавших на полу стражников и перепуганных до смерти телеграфисток, наблюдавших за всем происходящим из под столов, куда они забрались, спасая свои жизни.

В эту ночь абреки унесли 18 тысяч рублей. Вскоре по тревоге, поданной телеграфистками, на место происшествия прибыли начальник Грозненского округа полковник Попов и начальники участков. Но сделать что либо по розыску грабителей не смогли – след шайки давно простыл, и ищи теперь ветра в поле.

Докатившаяся до Северного Кавказа революция отняла много сил и времени у терской администрации. 7 декабря 1908 года на этот пост заступил другой генерал-лейтенант Александр Степанович Михеев, приложивший немало усилий, чтобы наверстать упущенное в период всеобщей российской смуты 1905-1907 годов.

В начале XX века Терская область так наводнилась абреками и разбойниками, что Кавказкая администрация, неуверенная в том, что собственными силами сможет переломить ситуацию, для борьбы с ними решила привлечь население. В качестве первого опыта был выбран только один округ, самый неспокойный – Веденский. Главнокомандующим Кавказскими войсками графом Воронцовым-Дашковым была создана чеченская охранная стража в составе 100 человек по приговору уполномоченных от населения Веденского округа на срок, какой определит начальник Терской области. Согласно приговору во всех пяти участках округа были образованы отряды по 20 конных всадников в каждом участке. Стража именовалась «Партизанская сотня Веденского округа». Она была учреждена на средства, ассигнованные приговором уполномоченных от 6 июля 1908 года. Круг обзанностей и полномочий был очерчен Положением, утвержденным Воронцовым-Дашковым 7 апреля 1912 года.

Положение запоздало на целых четыре года. Как говорится, комментарии излишни. Чем занималась все это время спе-

циально созданная сотня, тоже неизвестно. Однако Положение вводило жесткие правила как относительно стражников, так и для мирян. 27-ой параграф гласит: «Чины отвечают всем своим содержанием (пропорционально) в пользу потерпевших за грабежи, разбои и кражи как в Веденском округе, так и по доведенным следам со стороны других округов и отделов, когда не будут обнаружены виновные и похищенное». А в 30 параграфе говорится: «В случае обнаружения виновных в преступлениях, поименованных в параграфе 27, то они ответствуют перед стражей в сумме понесенных ею убытков по удовлетворению потерпевших в судебном порядке путем предъявления к виновным гражданских исков в надлежащем суде».

Такие статьи повышали ответственность стражников и мобилизовывали их работать энергично и только на результат. Вместе с тем, в Инструкции предусматривалась целая система вознаграждений стражникам. Если кто из стражников во время операции против злоумышленников будет убит, то семья его получит в вознаграждение 630 рублей «от всего населения Веденского округа по равномерной раскладке, а если кто получит увечье, то он из тех же средств получит 300 рублей. И наоборот, если кто-либо из стражников во время боевой операции убьет кого-либо из злоумышленников, и если последний будет чеченец, то «на примирение с кровниками такому стражнику выдается... одна тысяча рублей». За поимку абрека Зелимхана живым... выдается тем стражникам пять тысяч рублей, а за его убийство – две тысячи рублей». И все эти деньги из тех же средств от населения по раскладке.[12]

Ожидаемых результатов чеченская сотня стражников не дала. Поэтому создавать что-то вроде этого в других округах не стали. Однако чтобы злободневнейшую задачу решить, власти продолжили начатое дело, но уже в другом качестве и в других масштабах. Главной и неотложной, или как сказали бы сегодня, приоритетной задачей оставалась ликвидация

Зелимхана как знамени не только чеченского, но ивсего кавказского абречества.

7 марта 1909 года был создан Временный охотничий отряд. Его возглавил войсковой старшина Гаврил Викентьевич Вербицкий, родом из кубанских казаков, ранее служивший в Пятигорском отделе. Выбор на него пал неспроста. В событиях 1905 года он отличился подавлением там беспорядков с особой жестокостью. Убийство почти подряд двух высокопоставленных особ, Добровольского и Галаева, ускорило появление этого отряда с общей как будто бы задачей борьбы с разбоями и абречеством, на деле же – для уничтожения главного террориста Кавказа – Зелимхана и его шайки.

Для отряда в канцелярии начальника области была выработана специальная «Инструкция», которая в качестве главной цели выдвигала скорейшее искоренение краж, грабежей и разбоев в пределах Хасав-юртовского, Веденского, Грозненского и Назрановского округов и в сопредельных районах, «дабы к наступлению теплого времени мирное трудящееся население могло с сплошной гарантией на безопасность личную и имущественную приступить к полевым работам».[13] Под начало Вербицкого как начальника отдельной сводной части передавались одна конная партизанская команда хорунжего Яицкова и три охотничьих команды Дагестанского, Самурского и Ширванского полков. Отряд был обеспечен переводчиком, двумя фельдшерами и медицинскими средствами. Командиру отряда, «сообразуясь с обстановкой и при мотивированной необходимости, предоставлялось «право потребовать от сел выдачи всех лиц, занимающихся воровством, и всех абреков», «право производить повальные обыски в населенных пунктах, запрещать на точно определенное время движение между селениями, а при явно выраженных попытках к сопротивлению применять» все имеющиеся у него средства «до открытия огня включительно». Огнестрельное оружие подлежало изъятию у всех, «кроме должностных лиц сельской администрации и состоящих на государственной

службе, коим присвоено оружие, и т.д.[14]

Примечательно, что Владикавказский и Нальчикский округа очень редко, а то и совсем не указывались в подобных документах как районы сплошных грабежей и разбоев. Были обойдены они и в данной «Инструкции». Населяющие эти округа народы (в частности осетины, кабардинцы и балкарцы) находились в таких же социально-экономических и политических условиях, а посягательств на чужое имущество, разбоев и грабежей было значительно меньше. Объяснить этот феномен могут помочь, на наш взгляд, публицистика, историко-этнографические исследования тех лет, деловая переписка администрации, ее доклады в центральные ведомства империи, а также дневники и путевые записки государственных служащих и путешественников, в которых даются характеристики здешних народов. Из них следует, что эти народы двух вышеуказанных округов больше продвинулись в своем общем развитии и обладают несколько другой психологией и ментальностью, наиболее приоритетными ориентирами которых стали просвещение и общечеловеческая культура.

Войсковой старшина (в казачьих войсках – подполковник) Вербицкий свою ответственную миссию начал с того, что обратился к населению с довольно пространным воззванием на русском и арабском языках. В нем говорилось: «Приказом по области я, войсковой старшина Вербицкий, назначен искоренить разбойничество в родном нам крае. Обращаюсь поэтому к чеченскому и ингушскому народам и всему туземному населению.

Вы – храбрые племена. Слава о вашем мужестве известна по всей земле: ваши деды и отцы храбро боролись за свою независимость, бились вы и под русскими знаменами во славу России. Но за последние годы между вами завелись люди, которые своей нечистой жизнью пачкают, грязными делами позорят вас. Эти отбросы ваших племен все свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши

честные лица. Имам Шамиль за разбой рубил им головы, а за воровство отсекал им лапы. Правительство наше решило положить конец всем творящимся ими безобразиям. Оно требует, чтобы каждый пахарь, кузнец, пастух и ремесленник, к какому бы племени он ни принадлежал, мог спокойно трудиться на свою и общую пользу.

Призываю честных людей сплотиться и перестать якшаться с ворами и разбойниками, изгнав их из своей среды и лишив их свободы святого гостеприимства».15

Однако борьба, которую вела кавказская администрация с абреками, была и на этот раз малоэффективной, не давала желаемых результатов, несмотря на самые ухищренные методы с ловушками, подкупами, подключением воинских частей, засадами. Летучие группы и отряды абреков были неуловимы: они оказывались там, где их не ждали, а, уходя от преследования, оказывались там, где не могли даже предположить, и так быстро, что позавидовал бы любой стратег, любой кавалерийский эскадрон.

За многие десятилетия были убиты или схвачены и отправлены в тюрьмы и на каторги не одна сотня абреков-разбойников, именитых и малоизвестных, но искоренить зло не удавалось. Царское правительство и Кавказская администрация все более убеждались, что с таким масштабным и уникальным по своей живучести явлением нужны решительные меры. Необходима фронтальность и активное участие всего общества: с одной стороны, широкая повседневная поддержка населения, с другой – административное и уголовное преследование родственников и всех тех, кто пособничает и укрывает абреков. Такое тотальное наступление связывалось с фатальным исходом этого всем изрядно поднадоевшего явления, которое одних ввергает после разбоя в нищету и разорение, других – лишает кормильца, а с третьими случается и то и другое.

К такому выводу подталкивала власти и задача, поставленная перед отрядом, – чтобы к наступлению теплого вре-

мени население могло с гарантией на безопасность приступить к полевым работам. Но она не была достигнута. Поставленная задача и время, отведенное для ее выполнения, были несоразмерны.

В середине декабря 1909 года, сочтя, что Временного охотничьего отряда крайне недостаточно «для содействия гражданской администрации Терской области в борьбе с разбойниками и по охране тишины и порядка», по распоряжению Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа во Владикавказе был сформирован Военный отряд, теперь уже со статусом постоянного подразделения, много превосходивший первый по численности своего личного состава, боевым качествам и снаряжению. В него вошли: все команды разведчиков 21 пехотной дивизии, команда 3 плastунского батальона, команды 253 Грозненского, 255 Аварского, 249 Майкопского и 250 Ахульгинского резервных батальонов, – последние четыре в составе 30 человек каждая, сотня 1 Кизляро-Гребенского полка и по одной команде из 31 Апшеронского, 82 Дагестанского, 83 Самурского и 84 Ширванского полков.16

Это был первоначальный состав отряда, в последующем по мере развития абреческого движения он разрастался и брал под свой контроль новые территории и населенные пункты.

Во главе указанного отряда Главнокомандующий войсками назначил командира 253 Грозненского резервного батальона полковника Веселовского. Во исполнение данного распоряжения начальник Терской области Михеев 19/20 декабря 1909 года издал приказ, которым обязал Веселовского незамедлительно принять от войскового старшины Вербицкого, начальника временного охотничьего отряда, все делопроизводство и весь инвентарь канцелярии управления. Согласно описи инвентарь Вербицкого, переданный штабу военного отряда, был очень скромным и состоял всего из: пишущей машинки «Ундервуд» – 1, столика – 1, табуреток – 2,

сумки походной для бумаг из непромокаемой парусины – 1, чернильницы – 1, штемпеля «Вр. Охотничий отряд» – 1, ручек – 1.

Некоторое время Вербицкий после передачи дел находился при Веселовском, но затем был назначен атаманом Кизлярского отдела.

Придавая большое значение прессе, штаб отряда обратился к редакторам-издателям газет «Терские ведомости» и «Терек» с тем, чтобы они работали в тесном контакте с отрядом, публиковали приказы и все, что касается его жизни и службы. Это предложение журналисты восприняли с большим воодушевлением и регулярно откликались на все события, связанные с жизнью военного отряда. В некоторых случаях оперативность газет была настолько высокой, что опережала срочные рапорты и донесения с мест начальству. Однажды такой случай в правлении Терского наказного атамана вызвал резко негативную реакцию. Начальнику военного отряда спешно была направлена телефонограмма. «Третьего июня 1910 года в 7 часов вечера и. д. начальника области была получена телеграмма, в коей Вы доносили о результате перестрелки с абреками. Те же сведения были напечатаны в номере газеты «Терек» от 4 июня, вышедшем накануне в 8 часов вечера и, следовательно, сделались достоянием печати раньше, чем стали известны начальнику области». Помощник начальника области потребовал «принять меры к недопущению этого в будущем».[17]

На 1910 год пришлась высокая преступность: в январе была ограблена грозненская станционная касса, в апреле абреки провели дерзкий налет на кизлярское казначейство, а в августе – на богатое хозяйство крупного землевладельца и овцевода Архипа Месяцева, которого ко всему еще взяли в плен, чтобы получить за него выкуп, и ряд других преступлений. У овцевода Месяцева были и целые табуны лошадей, которые не раз становились объектом нападения абреков и разбойников. Еще задолго до пленения в 1901 году у него уг-

нали 35 лошадей, которые так и не были найдены и возвращены хозяину.

Но самым громким и хитро задуманным разбоем был кизлярский. Для его осуществления Зелимхан сколотил шайку из 60 человек. В нем участвовали самые решительные и последовательные абреки – ингуш Саламбек Гороводжев, чеченец Аюб Томаев – атагинский, Магомет-Али из Хасав-юртовского округа, незадолго до этого бежавший из тюрьмы и пополнивший зелимхановские кадры, Нукка Домбаев, повешенный позже властями, Юсуп Датыхский, тот самый, которого вскоре Зелимхан сам казнит, как предателя, за то, что он сошелся с начальником Назрановского округа князем Андрониковым и находился у него на тайной службе.

Шайка состояла из трех отрядов – одного ингушского и двух чеченских. Первый был сформирован Саламбеком Гороводжевым из своих земляков Назрановского округа, второй – Аюбом Томаевым из чеченцев окрестностей Грозного. Третий отряд составляли Зелимхан и группа из нового набора молодых джигитов, готовых идти за своим вожаком на любые экспедиции, чтобы заслужить имя настоящего волка. Местом сбора выбрали Большие Атаги, родину Аюба.

Отряд Аюба, пройдя вдоль реки Аргун южнее Грозного, перешел у станции Гудермес железнодорожное полотно и в условленном месте соединился с частью Зелимхана, который вместе с Саламбеком двигался вдоль Терека со стороны Назрани. Объединенный отряд быстро пересек территорию Хасав-юртовского округа и подошел к Кизляру. Это был один из самых дерзких и демонстративных рейдов абреков в глубь противника, напоминавшего военную операцию с отвлекающим маневром.

Чтобы избежать каких-либо подозрений и обеспечить успех дела, Зелимхан прибег к хитрости. Он приказал всем участникам нападения нацепить на себя заранее заготовленные им синие погоны Терского казачьего войска с литерами К. Г. – Кизляро-Гребенского полка, а сам – полковничьи эпо-

леты. 9 апреля абреки по три всадника в ряду, имитируя построение регулярной кавалерии, с полковником Зелимханом во главе въехали в Кизляр. Встречные военные, ничего не подозревая, поравнявшись со смуглым, строго восседавшим на коне командиром, отдавали честь и продолжали путь. За ним таким же строгим конным строем следовала казачья сотня.

Зелимхан проявил себя и как военный стратег. На подступах к казначейству он разбил отряд на небольшие группы из 4 человек каждая, которые взяли под контроль все близлежащие улицы вокруг. А когда отряд подъехал к казначейству, главари шайки Саламбек Гороводжев, Аюб Томаев, сам Зелимхан и еще несколько человек быстро спешились и заскочили в здание, остальные организовали наружную охрану и держали наготове лошадей. Непрошенных гостей первым заметил кассир Копытко и, заподозрив неладное, запер на замок кладовую, а ключи метнул в окно на зеленую лужайку.

Чтобы никто не мог воспрепятствовать грабежу, абреки убивали всех, кого встречали на своем пути: это были не только казначеи, но и вкладчики, оказавшиеся в помещениях банка. Пальба шла вокруг казначейства и на близлежащих улицах. Так было задумано, чтобы посеять у всех страх. А в это время Зелимхан и его друзья сгребали в свои хурджины звонкие монеты. Вся операция длилась недолго, но жертвами ее стали 19 человек и четверо раненых. В числе первых был убит самим Зелимханом казначей Копытко за попытку припрятать ключи от хранилища денег. Абреки же до единого ушли целыми и невредимыми. Видавшие виды кадровые военные были вне себя от удивления удавшимся конным рейдом Зелимхана и его шайки в Кизляр.

О готовящемся нападении знали все: и атаман Кизлярского отдела, тот самый войсковой старшина Вербицкий, что был командиром военно-охотничьего отряда, и местная полиция, но поступавшим сведениям серьезного значения не придали, а начальника воинского гарнизона даже не поставили в известность. О том, что идет на Кизляр со своей шайкой «на

отмщений Вербицкого», предупредил и сам Зелимхан. В письме Доногуеву он также говорит, что «дал Вербицкому перед тем знать я еду Кизляр».

После этого случая терская администрация выразила крайнее недовольство бездействием Вербицкого, авторитет его сильно пошатнулся. Начальник области Михеев был возмущен таким поведением подполковника. Вскоре уличенный в продажности и новых злоупотреблениях служебным положением Вербицкий вместе с рядом других коррумпированных должностных лиц был предан суду и таким образом избежал встречи и мести абрека, которая могла закончиться более трагично.

Однако великолепно проведенное нападение без каких либо потерь со стороны шайки не оправдало надежд абреков. В своих хурджинах они унесли всего 5 тысяч рублей и то большей частью медью. Для Зелимхана этот разбой должен был стать последним, так как после него он намеревался переселиться в Турцию, где о его прошлом и настоящем никто не знал, а с хорошими деньгами можно было неплохо устроиться. Но после того, как абреки поделили награбленное между такой оравой, все планы Зелимхана рухнули: слишком мал оказался куш, доставшийся ему.

Примечательно, что в состав шайки входил и один терский казак, некий Орлов. Русский по происхождению он оказался там совершенно не случайно. Не желая отбывать воинскую службу, призывник Орлов покинул станицу и бежал к ингушам. Там он принял ислам, выучил их язык, женился на местной девушке и стал заниматься разбоем, как самым легким способом добывания средств к существованию. Он много еще промышлял разбоем, но потом все-таки попался. Ему припомнили и кизлярское дело. Вместе с пятью ингушами, которым инкриминировали этот разбой, в 1912 году его приговорили к смертной казни.

В области очень много расплодилось абреческих шаек и почти ежедневно происходили происшествия, связанные с

насильственным похищением чужого имущества, убийством, нападением на гражданские объекты. Прошел слух и о том, что шайка разбойников во главе с Зелимханом намечает новое нападение, теперь уже на тюрьму, где содержатся его соратники Дадаша Карамурзаев и Магомат Газиявов-Ахмаров, пленившие с Зелимханом Месяцева. Все сведения проверялись, но не придавать им значения с первого дня, было нельзя.

Полковник Веселовский трезво оценивал обстановку и сообразно с ней управлял отрядом. С округов и отделов к нему поступали сведения о состоянии дел и мерах борьбы с абречеством. Поступил такой рапорт и от Вербицкого: «Мои меры – двинуть войска в Чечню и занять там мелкими командами все притоны разбойников, пользуясь для передвижения отрядов подводами и лошадьми чеченцев, постоянно, неожиданно, быстро и на большие расстояния передвигать команды разведчиков и казаков, а по аулам ставить просто пехоту. Тут нужно думать о спокойствии и «успокоении» края, а не о маневрах и обучении. У нас война».18

Одним из первых подтверждений, что это так, были рапорты о столкновении разведывательных команд военного отряда с абреками. Одно из них произошло в июне 1910 года. Абреки с помощью тщательно продуманных операций, проведенных одну за другой, захватили 200 лошадей и 7 быков, принадлежавших разным селам Грозненского и Назрановского округов. Получив срочные донесения о случившемся, начальник Грозненского округа, вызвал для содействия команду из 40 человек нижних чинов Ахульгинского полка, квартировавшего в Шатое, и немедленно отправился на место происшествия. Прибыв в сел. Галанчож утром 23 июня, он произвел допрос свидетелей, а также корнета Смирнова, старшину Галанчожа Чока Бехова, и установил обстоятельства.

Начальник 4 участка Грозненского округа корнет Смирнов, узнав о том, что в окрестностях хут. Кулы скрывается

огромный табун лошадей с быками, в числе которых есть и кони Зелимхана и Аюба, решил спешно отправиться к этому хутору, арестовать воров и весь похищенный скот, а затем разыскать их законных владельцев. Для подмоги себе он потребовал команду разведчиков Ширванского полка, стоявшего в сел. Ушкалой. Но верховых оказалось только 6 солдат, к ним он присоединил еще 4 своих милиционеров и отправился с ними на хут. Кулы. Но «на хуторе оказалось только 7 быков «плоскостных» и 38 уворованных лошадей, в числе которых были лошади абреков Зелимхана и Аюба Томаева (серая в яблоках)». Начальник участка Смирнов арестовал пастухов жителей хут. Кирибичи Джанарали Бесанаева, Писара Хажаева – «родного брата Дуба и Бейсары, содержащихся в Грозненской тюрьме по подозрению в участии ограбления кизлярского казначейства, и ингуша, жителя Назрановского округа Алхаста Ванкиева. Затем разъезд направился к сел. Мереджей, где было задержано еще 24 лошади.[19]

Из Мереджея разъезд прибыл в сел. Галанчож, где по предъявлении надлежащих документов, хозяевам выдавался их скот. Но дело это оказалось непростым, так как у одних коней умышленно были искажены клейма, а у других их не было совсем. Чтобы уберечь табун, начальник участка сдал его на хранение по описи помощникам старшин. Однако ночью лошадь, которая по предположению принадлежала абреку Аюбу, была украдена. Во избежание подобных попыток в дальнейшем, табун отогнали к озеру у подножия гор и сдали под охрану солдат.

Весть об аресте скота быстро разнеслась по всем окрестностям и к сел. Галанчож стал отовсюду стекаться народ. Собралось более 100 человек. Начальник участка Смирнов, подпоручик Константинов и трое арестованных под конвоем милиционеров направились в сторону горы к озеру, где пасся табун, а за ними последовали все прибывающие люди. С начальником участка были и местные старшины. Видя, что

толпа подступает к табуну, Смирнов приказал толпе остановиться, а от подпоручика потребовал принять меры, чтобы не выхватывали лошадей без выданных разрешительных удостоверений, а сам со старшиной Чока Бехоевым начал проверять поданные ему свидетельства. Несколько лошадей, бесспорность которых была очевидной, были выданы хозяевам. Толпа наседала, окружила начальника участка и пыталась прорваться к табуну. В это время перед табуном оказались два верховых чеченца, пытавшихся увести двух лошадей. Смирнов приказал милиционеру Дзурабову арестовать их и отвести к другим арестованным.

Брат одного из только что арестованных Гелага Бесанаев вышел из толпы и стал ходить вокруг табуна, выжидая момента. Ефрейтор Бахурцев стал отгонять его. В ответ Бесанаев ударил его плетью. Бахурцев тут же нанес ему удар прикладом. Младший офицер подпоручик Константинов, заметив происходящее, подъехал к Бесанаеву и ударил его нагайкой. Тот в свою очередь отстегал нагайкой самого подпоручика. Вышедший из себя Константинов достал револьвер и пытался произвести несколько выстрелов из него, но он дал осечки. Бесанаев воспрял духом, обнажил кинжал и грозно шагнул в сторону противника. Опасаясь за Константинова, старшины сел бросились на выручку и окружили Бесанаева. Но тот прорвался сквозь них и нанес Константинову удар кинжалом в левую руку. Стоявший недалеко рядовой Рыжков, увидев такое, выстрелом из винтовки парализовал правую руку самого Бесанаева. Несмотря на ранение, Бесанаев нанес еще два удара кинжалом все по той же руке Константинова. В это время в стороне раздался чей-то выстрел.

Галанчожский старшина Чока Бехоев, встревоженный такой пальбой и возбужденной толпой, поспешил на выручку начальника участка. «Он считал его своим гостем и согласно правилам шариата – «защищать своего гостя собственным телом», заслонил его собой. Между тем от подпоручика Константинова Гелага Бесанаев бросился к участковому, но не

имея возможности дотянуться до него, бросил ему в спину кинжал, который причинив корнету Смирнову резаную рану длиной в два вершка и глубиной до полувершка, отскочил».20 В момент, когда он нападал на начальника участка, солдаты произвели по нему несколько выстрелов. Несмотря на то, что Бесанаев был ранен, он подхватил отскочивший от Смирнова кинжал и бросился на стрелявших солдат. Находившийся в их рядах рядовой Рыжков выстрелил в Бесанаева прямо в упор. Теперь бой завязался с Рыжковым. Бесанаев ударил Рыжкова кинжалом по голове. Тот упал, и тогда Бесанаев вонзил кинжал ему в грудь.

Еще до поранения Рыжкова солдаты выстрелили в Бесанаева и ранили его в рот, грудь и живот. Теперь он бросился на подпоручика Константинова, но на миг остановился, поднял руки вверх, выкрикивая: «Алла! Алла!». В это время рядовой Гонтуев выстрелил ему прямо в сердце. Пуля прошла навылет и смертельно ранила стоявшую за ним лошадь. После этого солдаты сделали несколько выстрелов в наседавшую толпу, которая бросилась врассыпную и больше не появлялась. Напуганные залпами лошади сорвались с места и тоже понеслись. Воспользовавшись суматохой, арестованные чеченцы, все пятеро, бежали и растворились в толпе. Нападение на разъезд было пресечено. Среди нападавших, несомненно, были и абреки. Возможно, к табуну имели отношение Зелимхан и Аюб. Об этом свидетельствует то, что в табуне находились их лошади, выкраденные потом сподвижниками.

Спецотряд выполнил возложенные на него задачи. Последовательная борьба и военная оперативность за более чем три с половиной года постепенно сковали действия абреков, рассеяли и уничтожили самые известные шайки, а осенью 1913 года убили и самого Зелимхана, служившего знаменем кавказского абречества. С устранением Зелимхана был ликвидирован и военный отряд.

Но это, забегая вперед. А пока отряд исправно исполнял свои охранно-карательные обязанности. Исходя из ведомо-

сти о его деятельности за полугодие с 19 декабря 1909 по 19 июня 1910 года, по вызову центральной администрации с разрешением применять оружие команда выходила 61 раз, из них в пешем порядке – 36, в конном – 25. По собственному почину – 118 раз, из них в пешем – 86 и конном – 32; всего – 179 раз. Больше всего вызовы пришлись на Сунженский отдел – 11 раз, Грозненский и Назрановский округа – 31 и 90 соответственно. Меньше всего воинские части направлялись в Нальчикский округ – 3, из отделов в Моздокский – 2, а Пятигорский отдел вообще не вызывал.[21]

Кизлярский отдел и Хасав-юртовский округ оказались в зоне средней активности разбойников. Разгул криминала не исключает влияния на него сезонности, природно-климатических и других условий, он больше всего приходится на теплое время года. Но нередко остается значительным и в зимнее время. Так, за две недели с 1 по 15 февраля в зимних условиях воинские части выходили для борьбы с разбоями и наведения порядка 124 раза, из них – в Назрановский округ – 45 раз, во Владикавказ – 14, несмотря на то, что последний был центром всей Терской области и там находилась резиденция самого начальника, атамана Терского казачьего округа.[22]

Одной из мер в борьбе с грабежами и разбоями было лишение права ношения оружия. Причем, это касалось только местного населения, и наибольшее распространение оно получило на Северном Кавказе, где оружие было в ходу больше, чем где-либо. Власти с помощью казаков, милиции и армии обезоруживали горское население всеми возможными способами и всюду, где только происходили встречи с горцами: в городах, селах, особенно на дорогах и близ казачьих станиц. Подобные акции проходили непросто, они сопровождались жестоким сопротивлением со стороны владельцев оружия, так как для горца, как и кинжал, ружье или пистолет были неотъемлемой вещью к черкеске в их повседневной жизни, полной риска: они обеспечивали ему безопасность, успех на охоте, защиту жилища, хозяйства, а также от кровников.

Самоуправство чиновников и грубое наведение «порядка», походившие больше на оккупационные действия, не только не подавили антирусские настроения у отдельной части населения, но заметно подогревали их. Обезоруживание воспринималось ими, как посягательство на жизнь и свободу. В архивах отложилась не одна сотня документов, свидетельствующих об этом. Вот один из них. Он приводится целиком, как показательный. В рапорте командира 6 сотни 1 Кизляро-Гребенского генерала Ермолова казачьего полка сотника Попова от 13 июля 1910 года говорится: «Сегодня в 5 часов утра с 8-ю казаками и начальником участка капитаном князем Джаваховым, по требованию последнего выезжал по направлению к селению Долаковскому для задержания злоумышленников, которые по полученным негласным сведениям, должны были ехать к нам навстречу. По дороге мы встретили двух туземцев, ехавших на фургоне, у которых с трудом были отобраны трехлинейная винтовка и 30 боевых патронов к ней, а также берданка с таким же количеством патронов. Арестовав одного из них, мы отправили его в ставку начальника участка с милиционером, а сами поехали дальше.

Проехав версты две, мы заметили одного верхового туземца, скакавшего наперерез арестованному с целью перехватить и отбить последнего у милиционера. Я послал урядника Солнышкина и казака Селенкова навстречу скакавшему туземцу, чтобы перехватить его, как вдруг услышал выстрел, произведенный со стороны туземца, и поскакал туда со всеми казаками. Между тем стрельба продолжалась. Я выскочил на гору и увидел убегавшего от нас по кукурузе туземца и взад по нашему направлению стрелявшего. Я приказал дать по нему залп, после которого тот упал с лошади в кукурузу, а лошадь побежала, и он из кукурузы произвел еще несколько выстрелов, а потом стрельба прекратилась, и нам его не стало видно.

Предполагая, что он еще жив, я приказал тут же находившемуся на работе ингушу, идти уговорить туземца сдаться, так как перед этим видели, как стрелявший туземец стоял и

разговаривал с ингушом. Тот отказался, но я силой заставил его исполнить мое приказание, и он пошел. Но когда он прошел шагов двадцать, то со стороны туземца еще раздалось два выстрела. Произвели и мы несколько выстрелов.

К этому времени стала валить толпа вооруженных ингушей из сел. Верхний Ачалук, которой я приказал разыскать стрелявшего в кукурузе, причем в таковой и был найден стрелявший туземец убитым, винтовка же последнего тут же толпой была скрыта. С большим трудом, с наведенными винтовками в толпу, в которой уже к этому времени насчитывалось до 200 верховых человек, вооруженных кинжалами, а некоторые винтовками и кремневым оружием, удалось отогнать от себя эту разъяренную толпу, готовую с момента на момент броситься на нас. Я приехал в сел. Верхний Ачалук. Находя после этого случая весьма рискованным отправлять в Назрань для связи разъезд в 4-5 человек, а также находя, что вверенная мне команда в числе 17 человек слишком мала для несения службы в Сагопше, прошу ходатайства о прекращении высылки такого малого разъезда в Назрань и о доведении вверенной мне команды до 30 человек, так как слишком заметно враждебное отношение к нам всех ингушей.

Пока пишу я этот рапорт, а начальник участка приказывает старшине доставить фуража для лошадей и провиант для людей, ингуши всего Верхнего Ачалука собрались против ставки начальника участка и стали угрожать неистовыми криками и жестами рук по нашему направлению; больших трудов стоит разгонять ее, не употребляя оружия. Ни фуража, ни провианта жители не дают, почему вполне возможно вооруженное столкновение с верхне-ачалуковцами. Подлинный подписал сотник Попов».[23]

Запрет на ношение оружия налагался и на целые села. Для этого не нужен был какой-то особый повод. Администрация исходила из многолетнего опыта наблюдений, и села, зарекомендовавшие себя как неспокойные, при первом же отступлении от закона, попадали в этот разряд. Так, начиная

с приказа по Терской области, изданного еще в 1893 году тогдашним начальником Терской области генерал-лейтенантом Семеном Васильевичем Кахановым, по 1909 год права ношения «всякого рода оружия» были лишены 66 селений. Причем, особенно отличились Хасав-юртовский, Назрановский, Грозненский и Веденский округа, где по одному приказу Начальника области прошли сразу от двух до пяти населенных пунктов.[24] Привести в действие приказ было совсем непросто, всякая подобная попытка натыкалась на дружное сопротивление общества и грозило перерасти в вооруженный бунт. Этнический монолит: один за всех, все – за одного, вынесенный из глубокой древности, делал эти народы неприступными для местной администрации. Оставалось одно – разоружение каждого по отдельности или группами по мере встреч и перехватов казачьими или армейскими нарядами. На тотальное разоружение не хватало политической воли, слишком велик был страх вызвать новую Кавказскую войну.

В борьбе с абречеством и разбоями кавказская администрация широко использовала агентурную сеть, поощряла доносительство, оплачивая по 50 рублей за каждое отобранное по наводке незаконное оружие. Такое сотрудничество давало неплохие результаты, а отдельные люди зарабатывали на этом хорошие деньги. По доносу одного только Магомета Саралиева из Экажево было отобрано у жителей сел Барсуковского, Сурхохи и Гамурзиевского 6 берданок, 1 трехлинейная винтовка и револьвер казенного образца. Заработок составил 400 рублей.[25]

Терская администрация постоянно занималась вербовкой агентов, среди которых было немало кровников Зелимхана. С их помощью ей удавалось проникать в замыслы Зелимхана. Так, 22 сентября 1909 года начальником Грозненского округа было получено сообщение о намерении Зелимхана взять в плен кого-либо из богатых людей в Грозном. А 30 сентября планировалось нападение на нефтепромышленника Максимова. И то и другое были сорваны.[26]

В городе Шуше около 60 революционно настроенных студентов, преимущественно армяне, постановили привлечь Зелимхана для достижения своих целей. Для этого в Чечню были командированы 5 студентов. Они долго добивались встречи с Зелимханом. Наконец они вышли на жителя сел. Шали Шахида Борщикова, который устроил им желаемое свидание. Случилось это 19 апреля, когда в селении по случаю приезда студентов организовали совещание с участием 22 человек. На него попали также лазутчики – один из сел. Анди, другой Баммат Гирей-Хаджи, а также ногаец. Студенты привезли для Зелимхана бомбы, их заказал, якобы, сам Зелимхан. На совещании студенты говорили, что скоро ожидается война с Китаем, и как только она начнется, вся революционная Россия поднимется, и тогда чтобы Зелимхан поддержал революцию.

В знак своей верности Зелимхану студенты дали своеобразное обещание. Один из них бросит бомбу в генерала Степанова, исполняющего обязанности начальника Терской области, и в ротмистра Зайнутдина Доногуева. Для этого он сегодня же отбудет в Грозный. Другой студент бросит бомбу в магазин господина, с которого Зелимхан требует 7 тысяч рублей, если он не внесет деньги в будущий четверг. Третий обещал взорвать мосты, когда будут проходить войсковые части, вызванные по ложной тревоге. Четвертый и пятый студенты обязались доставить точные сведения Зелимхану когда будут идти поезда с большими деньгами, и на условленном месте остановить их с помощью тормоза Вестингауза. Первым делом Зелимхан должен был ограбить почту, которая идет от Гудермеса в Шелковскую станицу и дальше на промыслы. Начальник станции Гудермес в сговоре с Зелимханом и он обещает сообщить ему, когда будет проходить поезд. Назвавшиеся в помощники студенты решили подъехать ночью к колодцу, что около почтовой дороги. На другой день напасть на почту, и в этот же день уйти в горы.[27]

Студент, который должен был совершить покушение на

Степанова, отправился в Грозный, где в то время находился генерал. Вслед за ним приехал и ногаец, но приехал он туда для того, чтобы предупредить и выдать студента властям. Ногаец посоветовал убрать сотню из Гудермеса, и тогда, почувствовав безопасность, непременно будет нападение на почту, где их можно потом встретить другими силами. В шайке Зелимхана находился брат ногайца. Он сообщил, что Зелимхан отказался от мысли брать кого-либо в плен, но будет нападать на почту и казначейства.

Студенты, по всей видимости, рассчитывали, что он включится в их борьбу и будет действовать по заданию центра. Но больше всего им нужна была финансовая подмога отчаянного абрека, для чего предложили идею и свою помощь в налете на почтовый поезд.

Но какой из Зелимхана революционер? У него свои счеты с администрацией и кровниками и свои дороги к ним. На тот период его волновал чехкиринский пристав. В письме на арабском языке, найденном в доме адресата, и, повидимому, выполненном кем-то по просьбе Зелимхана (он был почти безграмотен), говорится: «Дорогому моему брату дубаюртовцу Джабраилу Маашеву. Салам и маршула (по-чеченски привет и будь здоров – авт.) тебе и твоим родственникам. Джабраил, что было тебе поручено относительно Чехкиринского (слободы Воздвиженской) пристава о его выезде куда-нибудь не оставь без внимания. Прошлый раз, когда я был на плоскости переданные тебе деньги для передачи автуринцу Ряжихажи, находившемуся в Грозненской тюрьме, передал ли или нет, известие об этом передай через зазергановца Исрапила в селение Таузень. О выезде Чехкиринского пристава немедленно сообщи Исрапилу, тогда мне будет известно. Джабраил не оставь без внимания о наблюдении за выездом пристава. Я передал караульщику Омару, чтобы он не препятствовал тебе ездить в лес. Сообщи, передал ли ты ружье, которое я тебе поручил передать. На Аргунском мосту есть ли тавлины или нет, сообщи об этом. На все вопросы напиши ответ через

Исрапила. Письмо это пишет скрывающийся Зелимхан. Джабраил, ты сам должен знать, кто тебе пишет».[28]

Что стало с приставом, о передвижении которого с такой настойчивостью требовал сведения Зелимхан, скрывавшийся от властей и своих кровников, неизвестно, в архивах никаких следов не обнаружено. Но можно полагать, зная беспощадность абрека, что встреча их состоялась, и исход ее был трагический. К многочисленным кровникам Зелимхана это добавило еще.

Между тем Зелимхана больше интересовали деньги, в которых нуждались он сам и его семья. Вынашивая план очередного разбоя, выбор Зелимхана пал на крупного овцевода – тавричанина Архипа Месяцева. 30 августа 1910 года Зелимхан во главе шайки из 15 человек в 40 верстах от Хасав-юрта в глухих кизлярских степях, где находилось имение намеченной жертвы, взял Месяцева в плен прямо у него дома вместе с управляющим Фроловым. В этой операции с ним участвовали Гушмазуко, Солтамурад, Аюб, Саламбек, Эски, Зока и его агенты-осведомители жители селения Кий Телик Идигов, Шишик Алдагов и другие. Во главе всадников опять, как в кизлярском случае, ехал офицер теперь уже в мундире есаула Терского казачьего войска. Это был Зелимхан, который не раз еще будет переодеваться в мундир царского офицера (одновременно наряжая шайку в солдатскую или казачью форму), чтобы ввести в заблуждение окружающих во время очередного разбойного налета.

Архипа охватила тревога. Овцевод приказал жене и детям получше спрятаться, а обслуге вооружиться и быть готовыми к любому повороту событий. Однако это не помогло. Решительность и твердость нежданного офицера сломили всякую волю охраны имения, и Зелимхан с Саламбеком беспрепятственно вошли в усадьбу овцевода, где в углу одной из комнат стоял с пистолетом в руках хозяин имения.

– Не делай глупости! Брось оружие! – приказал есаул Зелимхан. – Поговорить надо.

Месяцев, поняв, с кем имеет дело и что исход поединка в любом случае будет не в его пользу, подчинился. Потом они прошли в кабинет Месяцева. Чтобы не было никакой утечки информации, Зелимхан приказал взять под охрану дом, а также никого не выпускать из него. Принятые меры придавали уверенность Зелимхану, но разговор был все же короткий.

– Я – Зелимхан, – признался человек в офицерском мундире, среднего роста, с подстриженной бородкой и косивший на один глаз. – Так вот, ты человек богатый, тебе люди много добра и денег заработали. Аллах говорит, что ты должен поделиться. Если хочешь остаться живой как есть, заплати мне дань 15 тысяч рублей.

– Откуда их взять? Да разве держат такие деньги в доме? – взмолился овцевод.

– Где хозяйка? – возмутился Зелимхан, надеясь выудить всю правду у нее.

– Ее нет дома, – лукавил Архип. – Она в Шали.

Не нравилось все это Зелимхану, и он сказал тогда, что пленит Архипа, а он должен написать ей письмо, чтобы привезла ему указанные деньги, не то муж никогда не вернется домой. В конце письма было указано место передачи денег и предельный срок.

На следующий день Пржевальский, остававшийся во Владикавказе за начальника области, направил в Моздок находящемуся там генерал-губернатору Михееву телеграмму: «Котляревский телеграфирует, что вчера полдня шайка Зелимхана взяла плен Фролова и Месяцева ограбила золотых дел мастера захватила семь лошадей и потребовала 15 тысяч выкупа девятидневный срок ночью скрылась направлению Веденского округа».[29] Примерно такого же содержания 31 августа Пржевальский направил телеграммы и начальникам Веденского и Грозненского округов, но с тем добавлением, что просил принять меры по розыску и задержанию шайки. Местная администрация, узнав о случившемся, тут же, не дожидаясь указаний сверху, провела облавы, чтобы с полич-

ным захватить грабителей, освободить пленных, отобрать у них ворованных и принадлежащих им самим лошадей. Из Хасав-юрта в погоню отправился воинский отряд, напал на след Зелимхана и почти настигал абреков, но помешали местные чеченцы. Они посредством обмана направили отряд в другую сторону, и Зелимхану с друзьями удалось рассеяться и скрыться в горах.

В числе преследователей были также кровник Шугаип и его два товарища. Они не поддались обману, зная повадки своих соплеменников, и с несколькими казаками пошли по действительному следу. Настигнув группу Зелимхана во время отдыха в лесу, они в кинжальном рукопашном бою с применением оружия убили отца и брата – Гушмазуко и Солтамурада – и ранили самого Зелимхана, спасшегося бегством, бросив оружие и папаху.

Вскоре наступило и время расчета. Деньги должен был получить Аюб на станции Самашкинской. Когда их доставили, Аюб отправился в явку Зелимхана и сообщил ему, что деньги за Месяцева привезли и требуют его выдачи. Но Зелимхан отказал. Он просил передать, что после потери своих родных выкуп увеличен до 18 тысяч. Семье овцевода ничего не оставалось, как согласиться, и на следующий день сделка состоялась. Местом передачи повышенной суммы денег была теперь выбрана станция Слепцовская, куда их в полной мере привез сын овцевода Проня.

Захват пленников и хороший выкуп за них пришлись по душе Зелимхану. Этому он научился у Османа Мутуева, когда после побега из Грозненской тюрьмы они вместе пленили на Керкетском перевале инженера Байздренко, купца Хренова и получили за них две тысячи выкупа. Память об этом никогда не покидала его и, когда организовал шайку, он ввел пленение в моду. В последующем он также хотел поступить на Керкетском перевале с подполковником Чикалиным. Но тогда у него случилась промашка – пленник бежал. Пленение с целью выкупа всегда дело более хлопотное: захваченных

надо кормить, где-то содержать, прятать от сыщиков и посторонних людей, ставить охрану или самому не спускать с них глаз. Убить всегда можно. Но убийство не приносит деньги, так как их при нем может не оказаться. Поэтому лучше пленить человека, а потом за него потребовать деньги, да таких, каких он стоит. Это дело куда вернее, признавался себе Зелимхан, и твердо следовал этому принципу.

В это время в Назрановском округе произошла смена власти. Его новым начальником (исполняющим обязанности) стал Андроников Георгий Александрович, происходивший из грузинских князей Тифлисской губернии. Как видно из послужного списка он воспитывался в Николаевском кавалерийском училище, который успешно окончил по первому разряду. Был женат на дочери отставного капитана девице Екатерине Слевицкой, от которой имел двух дочерей. Андроников увлекался фехтованием, преуспевал в верховой езде, за что на больших соревнованиях неоднократно получал награды и денежные премии. А в 1902 году с Высочайшего соизволения был командирован в Италию в гор. Турин для участия в международном конном состязании. Несколько раз был командирован в дальнюю поездку разведчиков. Помимо всего он был очень инициативен на работе. «Загоревшись желанием во что бы то ни стало изловить дерзкого абрека, писал о нем начальник области Главнокомандующему кавказскими войсками, он прежде всего постарался выяснить местопребывание его семьи, будучи уверен, что с ней несомненно живет и сам Зелимхан. Проверив свои предположения, благодаря умению привлекать людей и располагать их к себе, Андроников доложил об этом начальнику области. Последнему идея Андроникова показалась вполне реалистичной, и он сформировал особый отряд. Общее руководство было поручено осуществлять Андроникову. Одновременно, чтобы принудить Зелимхана сдаться, было решено арестовать его семью и этапировать ее в одну из отдаленных губерний России – в Енисейскую.

В самом начале задуманной операции ставка снова стала делаться на разведчиков. Поступавшие агентурные сведения тут же тщательно, на сколько было возможно, проверялись и перепроверялись, тем более что большинство местного населения оказывало сильное противодействие. Данные лазутчиков командира 6 сотни Дагестанского конного полка Доногуева и исполняющего дела начальника Назрановского округа Андроникова о местонахождении семьи Зелимхана и его самого «вполне сходились». Проанализировав их еще раз, Доногуев и Андроников составили план действия, подробности которого были известны помимо них только начальнику Терской области Михееву, наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову, командиру сотни постоянной милиции капитану Шадиеву и начальнику 3 участка штабс-капитану Беймурзаеву.

План держался в таком строжайшем секрете, что даже начальники команд, отдельных взводов, не знали, зачем и куда они выступают. Каждому из них указывалось только направление и название одного из аулов, по прибытии в который они должны были распечатать пакет с сургучной печатью и исполнять то, что предписано в нем. Такие меры предосторожности были вызваны тем, что, как отмечал Доногуев, «агентура Зелимхана стоит гораздо выше, чем наша».

По результатам последней разведки семья Зелимхана находилась на горе Черх-Корт Тионетского уезда. Решено было блокировать этот район. 12 сентября все команды были приведены в действие. Пехотными частями из отряда полковника Веселовского заперли все выходы со стороны Терской области, а два выхода со стороны Тионетского уезда конно-дагестанцами под командой поручика Саидова. Передвигаться приходилось по сильно пересеченной местности, больше пешком и гуськом, в ожидании, что на каждом шагу их могут встретить огневым залпом из засады.

15 сентября 1910 года Доногуев и Андроников повели наступление с северной стороны, имея во главе колонны абре-

ка, который согласился показать жилище Зелимхана. Оно находилось на северо-западе Черх-Корта на высоте 3-4 верст. Но к приходу войск в жилище уже никого не было: «Зелимхан бежал и скрылся в горах, оставив семью со всем имуществом». Рядом находились лошади, корова и разбросанные предметы домашнего обихода. Отряд сжег жилище, захватил все трофеи, двинулся дальше по предполагаемому следу и вышел на снежную гору. Близко к полуночи корнет Бейбулатов и «его люди» обнаружили костер на неприступной скале. Это был бивак Зелимхана.

16 сентября на рассвете охотники начали штурм высоты. Отряд дагестанцев под командой взводного урядника Ихлаза Арсланбекова, следуя за абреком-проводником, настиг семью Зелимхана в одной из пещер и доставил на пост, расположенный на берегу реки Ассы на западном склоне Черх-Корта. Два следующих дня 17 и 18 сентября были потрачены на поиски самого Зелимхана, бежавшего и на этот раз, но они были безуспешными: ему удалось незамеченным прорваться через все окружение. Вместе с ним ушли его младший брат Бийсултан и житель сел. Нельх Эльберт Андоркаев. Затем по приказанию Андроникова саперная команда поручика Афанасьева взорвала остатки сакли Зелимхана и три дома, принадлежавшие нельхинцам-укрывателям Азамату Астемирову, Эльберту Андоркаеву и Дауту Долакову, после чего сотня, захватив с собой семью Зелимхана с вещами, начала возвращаться назад и взяла курс на сел. Эгикель Хамхинского общества.

Все считали, что абрек так просто семью не сдаст, что он где-то рядом и обязательно попытается отбить ее. Князь Андроников, будучи убежден в этом, решил обратный путь держать через Ассиновское ущелье, где ожидалась засада Зелимхана, надеясь, во время его попытки отбить семью, взять его живым или убить. С учетом этого он составил план дальнейших действий: 19 сентября переночевать в сел. Эгикель, а утром следующего дня двинуться к хутору Ерш, занять Ас-

синовское ущелье, а чтобы Зелимхан не ускользнул совсем, взять под контроль и высоты ущелья.

Как и было задумано, утром 20 сентября отряд выступил из сел. Егикель по единственной горной тропе к Ассиновскому ущелью и хутору Ерш. Зная повадки абреков, некоторые местные жители предупредили отряд быть начеку. «Иной встречи с Зелимханом, – отмечал потом в своих показаниях ротмистр Доногуев, – мы и не предполагали, как обыкновенно и встречаешься с абреками, засевшими в скалах, землянках и домах, зачастую расположенных на окраинах аулов. 14 числа нам было точно известно, что при Зелимхане есть житель сел. Нельх – Даут Долаков, 14-летний брат его Бийсултан и сам Зелимхан, но никак не ожидали, что жители количеством до 30 человек, вооруженных всевозможными ружьями могут нам сделать засаду в 5-6 местах по обеим недоступным склонам гор Ассиновского ущелья.[30]

Перед входом в ущелье Андроников остановил отряд, еще раз проинструктировал его, а Доногуев потребовал, чтобы офицеры находились при своих взводах и со своими людьми и были в полной готовности ко всяким случайностям. В это время разведка донесла, что Зелимхан находится поблизости, в окрестностях Цоринского и Хамхинского обществ и внимательно следит за отрядом, имея намерение отбить свою семью и имущество.

Согласно выработанному плану движения сначала на тропу вышел головной отряд из 10 человек под командой юнкера Темруко Гусейнова, от которого тут же был выслан вперед дозор. Но независимо от этого Беймурзаев с 5 стражниками по собственной инициативе выехал раньше дозора и все время находился впереди для предупреждения отряда в случае засады. Непосредственно за головным отрядом ехал капитан Шадиев со своими милиционерами, затем следовала посаженная на лошадей семья Зелимхана под конвоем всадников сотни. Конвой двигался гуськом справа по одному, так как иное движение по узкой тропе было невозможно. Справа

и слева вдоль тропы тянулись скалы, покрытые лесом, и никаких горных троп на вершинах скал не было, в связи с чем высылка боковых дозоров была исключена. Однако наличие большого риска вынудило отряд выделить 10 ходоков и лазунов по горам из всадников урядника Ихлаза Арсланбекова, которые должны были при обнаружении Зелимхана тотчас же искать обход, чтобы выйти злоумышленникам во фланг или в тыл. Остальным было приказано, чтобы в случае перестрелки первые номера передали лошадей вторым, а сами как можно скорей подключились к бою. От господ офицеров снова потребовали, чтобы находились на своих местах, а поручику Улубиеву было приказано следовать замыкающим колонну в арьергарде.

В таком порядке 20 сентября сотня двинулась вниз по ущелью реки Ассы, имея только узкую, едва проходимую тропу. Поскольку она вьется по обеим берегам бурной реки, нужно было попеременно переходить с одного берега на другой «через качающиеся узкие мосты кавказского образца». Следуя таким образом по ущелью, отряд без всяких происшествий добрался до второго моста. Впереди ехавшие милиционеры и дозор спокойно преодолели его.

Перед мостом течение Ассы и тропа делали зигзаг. Это позволило абрекам устроить засады в нескольких местах, благодаря чему стрелять можно было и спереди в упор и с боков.

После дозорных к мосту подошла головная колонна основных сил с семьей Зелимхана. Первым на него въехал Андроников. Доногуев остался на месте, дожидаясь, пока Андроников преодолеет мост. Но как только князь достиг его середины, с противоположного берега раздался выстрел. Это стрелял Зелимхан и не в кого угодно, а в самого главного. «Терские ведомости» сообщали потом своим читателям, что князя Андроникова убил Зелимхан. За этим выстрелом тут же последовали еще три, после чего, как отмечали в своих показаниях Доногуев, Бекмурзаев и другие, «был открыт убийственный огонь из засад».

Первыми же выстрелами был ранен и Доногуев. Зелимхан и его шайка рассчитывали посеять панику, поразив первых лиц в команде. Но этого не произошло. Теряя сознание и еле держась в седле, Доногуев приказал открыть огонь. Один из подоспевших всадников успел снять командира с лошади, прежде чем он потерял сознание. Вскоре Доногуев пришел в себя и продолжил руководить боем, одновременно стреляя из нагана по абрекам. Рядом с ним отстреливался его вестовой Даньял Эльдар, но вскоре был сражен пулей в голову.

Превозмогая боль и головокружение, Доногуев взял винтовку вестового и начал отстреливаться. В какой-то миг пуля попала прямо в ствол винтовки и погнула его. Почти в тот же момент почувствовал сильный удар в плечо, после чего окончательно потерял силы. Но к счастью в это время подоспела подмога, основные части отряда обрушили залпы огня в расположение абреков, и вскоре их огневые точки замолкли. Прекращению огня способствовал также обход абреков, организованный прапорщиком Измайловым. Он и 4 всадника, сняв обувь, с большим трудом поднялись на скалу, вышли им в тыл и открыли огонь. Абреки не ожидали такого, обстреливаемые со всех сторон, бежали. Ушел и Зелимхан, которого хотели взять на дорогую приманку.

В Ассиновском столкновении участвовало около 30 абреков. В этом сходятся все показания. Беймурзаев пишет, что, «судя по выстрелам из засад, абреков было человек 30. Полагаю, что все эти абреки не кто иные, как жители сел Нельх, Кеки и других аулов Назрановского округа». Отмечая такое же число абреков, Доногуев заключает: «Думал, если встречу Зелимхана, то с одним или двумя товарищами, а никак не с таким количеством жителей, как впоследствии выяснилось».31

Весь остаток дня до самого вечера отряд занимался сбором убитых, оказанием первой помощи раненым и доставкой их на хутор Ерш. Отряд понес большие потери. В Ведомостях о вознаграждении семьям убитых и раненым на основании закона от 18 марта 1909 года говорится: «После 5-часовой

беспрерывной перестрелки оказались убитыми: начальник округа ротмистр князь Андроников, поручик 3 Кавказского саперного батальона Афанасьев, один милиционер 4 сотни Терской постоянной милиции Цыганков, проводники – житель Цоринского общества Мишхиев и житель Хамхинского общества Чоплоев. Ранены: командир 6 сотни Дагестанского конного полка ротмистр Доногуев четырьмя пулями, 5 всадников его сотни, милиционер 4 сотни Терской постоянной милиции Козлов. Лошадей убито 10, ранено 4. Кроме этого убиты лошади переводчика прапорщика Кадиева и лазутчика Юсупа Долакова. Из абреков, по заявлению некоторых участников перестрелки, убит 1 и ранен 1, причем оба унесены товарищами.»32

Сумма вознаграждения была определена в 4000 рублей. Подсчитали и стоимость потерь в лошадях. Все эти деньги предполагалось взыскать с жителей Назрановского округа. Начальник Терской области обратился к наместнику утвердить такое решение, на что последовал ответ: «Главнокомандующий войсками счел наиболее удобным взыскать эти деньги с виновных или же отнести на штрафные суммы Терской области (4000 руб.). Увеличивать же для вышеуказанной надобности сумму штрафа, определенного ко взысканию с ингушей Назрановского округа, на 2060 рублей, составляющие стоимость утраченных лошадей, ... считает излишним».33 По особому ходатайству начальника области вдове Андрониковой с четырьмя детьми была установлена пенсия из государственного казначейства по 2252 рубля в год.

Армия и ее офицерский состав находились под постоянным контролем царя. Офицеры не только высших, но и низших званий были на особом учете. На имя Его Императорского Величества поступали донесения не только об их заслугах перед Отечеством, получении генеральских чинов, но и о погибших при выполнении боевого задания даже в мирное время. Немедленно докладывалось «вверх» и в случае каких либо трагических происшествий. Вот один из таких приме-

ров. «9 числа августа 1902 года начальник 2 участка капитан Высоцкий за занятиями в участковой канцелярии… убит из огнестрельного оружия двумя выстрелами, произведенными с улицы в окно». Об этом начальником Владикавказского округа Вырубовым было срочно сообщено не только начальнику Терской области, но и Государю Николаю II.[34] Надо полагать, что не каждое донесение такого рода ложилось прямо на царский стол, но то, что в его канцелярии был заведен такой порядок, говорит о многом.

Неудачу с вызволением семьи Зелимхан переживал тяжело. Он понимал, что лишился ее надолго, а может и навсегда. Ожидание смерти и предательства, сознание постоянной охоты за ним властей и кровников все более удручали его. Несмотря на твердый мужской характер, иногда он впадал в состояние жуткой депрессии. Но проходило время, в нем возрождался дух мести, и он снова становился тем, кем был. В минуты такого малодушия и отчаяния он мог поступиться и своими принципами.

Близкие Зелимхана видели, что он устал от жизни загнанного зверя и пытались ему помочь. Особенно старалась двоюродная сестра Деши Заракаева. В такие минуты она не раз советовала и уговаривала Зелимхана оставить абречество и разбои и попросить начальство, чтобы простили его и разрешили жить мирно. В какой-то момент он поверил, что это возможно, если начальство благосклонно отнесется к нему и пойдет на мировую: ведь от постоянной тревоги и кровавого террора устали все. Зелимхан понимал, что как лидер абречества, он подавал великий пример успешного разбойника, и с его уходом разбои совсем не прекратятся, но их станет значительно меньше. Поэтому начальство может пойти на это ради всеобщего мира в крае.

Однако природный ум Зелимхана подсказывал ему другое – не делать этого, ибо ничего не даст. Но искушение было так велико, что он все же обратился к главе Терской области генералу Михееву с ходатайством о помиловании и обеща-

нием никогда и никому не причинять более зла и зажить тихой мирной жизнью.

Письмо знаменитого абрека стало неожиданностью для всей администрации. В тот же день канцелярия Терского казачьего войска с коротким пояснительным сопровождением своего Атамана направила его Наместнику в штаб Главнокомандующего Кавказскими войсками. Не дождавшись каких либо особых указаний на этот счет со стороны Воронцова-Дашкова, Михеев с нарочным доставил его копию во владикавказскую газету «Терек». По мнению генерала общество обязательно должно было знать о происшедших вдруг переменах в настроении и сокровенных движениях души главного террориста края. Редактор-издатель Сергей Казаров, большой любитель таких сенсаций, опубликовал это письмо буквально на следующий день. Читатели были в восторге от него: ведь Зелимхан и его похождения были постоянно у всех на устах.

«Несколько времени назад, – сообщала газета, – вр. генерал-губернатором г.-л. Михеевым было получено от знаменитого абрека Зелимхана письмо, написанное на арабском языке.

Выражая желание сдаться в руки властей, Зелимхан в письме указывал, что он стал абреком благодаря несправедливости отдельных представителей окружной администрации, потому что видел вокруг себя зло. Вместе с тем он просил генерала Михеева взглянуть на его дело беспристрастно и помиловать его».

Вслед за газетой генерал-губернатор разослал всем начальникам округов области, за исключением Нальчикского, следующий циркуляр:

Я получил от абрека Зелимхана Гушмазукаева письмо, в котором он, описывая причины, побудившие его стать абреком, просит меня расследовать и убедиться в правдивости его слов и затем «во имя Бога и царя» помиловать его.

Предлагаю объявить всем муллам и кадиям, для оповеще-

ния населения в мечетях, что письмо Зелимхана я прочел и со своей стороны отвечаю:

...Мне известно и без указаний Зелимхана, что на царскую службу иногда принимаются люди нехорошие, с порочными и противными духу закона наклонностями. Мне также хорошо известно, что от этого страдает служба и справедливость и что с этим злом надо бороться беспощадно. Но зачем Зелимхан говорит о них, когда он первый отступил от закона, когда он больше нарушил его больше, чем кто-либо, сделавшись абреком.

Всякий виновный в нарушении закона преследуется по закону же, а не тем путем, который избрал себе Зелимхан, не путем произвольного насилия и убийства, которых никогда не одобрит ни Бог, ни государство, ни человеческая совесть. Пусть Зелимхан знает, что я как представитель закона и порядка в области считаю его, Зелимхана, самым крупным нарушителем закона и виновником перед Богом и царем, а потому заслуживающим понести тяжелую кару...

Относительно же его просьбы о помиловании добавляю, что, во-первых, миловать я не в праве. Это не в моей власти. Эта власть принадлежит только царю. Во-вторых, меня крайне удивляет, что Зелимхан говорит о помиловании.

Где же его уважение к закону, если он же склоняет меня на беззаконие, то есть призывает к помилованию, тогда как я во имя закона обязан судить его.

Закон, конечно, примет во внимание чистосердечное признание, но во всяком случае Зелимхану следует помнить, что раз он имел мужество судить и наказывать других, пусть имеет мужество и отдаться в руки правосудия».

Теплившаяся искра надежды на помилование была настолько мала, что Зелимхан другого и не ожидал. А раз так, то все остается, как было. Борьба до победного конца. Борьба для абрека неравная, но другого выбора нет. За Зелимханом будет продолжена охота как за невиданным преступником, но и ему пусть никто из них не попадается.

Ответ начальника области, наказного атамана Терского казачьего войска заставил Зелимхана лишний раз пожалеть о своем малодушном поступке и окончательно убедиться в том, что назад у него дороги нет, там ждет его позорная смерть, а потому, как вечный абрек, будет и дальше вести войну, но теперь уже и с теми, кто захочет на его жизни заработать хорошие деньги или сделать себе карьеру.

Известный осетинский общественный деятель Ахмет Цаликов по этому случаю писал: «Зелимхан, как и ему подобные, считают себя жертвою административной несправедливости, но Зелимхан не верит, чтобы путем российского закона справедливость могла восторжествовать, – и он хочет восстановить нарушенную справедливость теми средствами, которыми сам располагает.

А такое средство: самому лично покарать зло (!), поступая в этом случае согласно веками выработанному социально-бытовому укладу горцев.

Ясно, что и генерал Михеев и разбойник Зелимхан в конечном счете апеллируют к справедливости и исходят из нея, но они говорят на разных языках и понимать друг друга не могут.

Если бы русская власть на Кавказе взяла на себя труд разобраться в социальной природе кавказского разбойничества или даже поняла бы психологию кавказского разбойника, – то она решительно раз навсегда, отказалась бы от каких бы то ни было репрессивных мер по отношению к туземному населению, – мер, обрушивающихся исключительно на мирное трудовое горское население, так как абреки оказываются всегда за пределами досягаемости, и она бы выдвинула на первый план меры социально-правового, экономического и культурно-просветительного характера».[35]

Письму Зелимхана не придали никакого значения и в Главном штабе Кавказского войска, так как сочли его мистификацией, поскольку «оно написано литеретурным слогом, а Зелимхан – человек, владеющий весьма слабо русской грамо-

той». В ответ на это тифлисский корреспондент, пожелавший остаться инкогнито, 25. 12.1910 года в газете «Голос курортов поместил статью «Зелимхан как «литератор». «Голос курортов» издавался в Пятигорске со 11-ой половины 1910 года под редакцией Ф. И. Казманова. Полемизируя с Кавказским военным штабом, корреспондент допускает «вполне возможным, что письмо это было прислано Зелимханом. Правда, – указывает он, – Зелимхан положительно нигде не учился: не только в среднем, но даже и в начальном училище. Сам, лично, написать письмо он, конечно, не мог. Но разве оно не могло быть написано кем-либо другим по просьбе Зелимхана?

Не нужно забывать, – пишет он далее, – что Зелимхан прибегает к посредству писем уже не в первый раз». В качестве примера автор корреспонденции приводит письмо бывшему начальнику Веденского округа полковнику Галаеву «с угрозой убить его, если последний не откажется преследовать его. Угроза эта, как известно, была потом приведена в исполнение. И письмо это было грамотно, – утверждает автор. – Такое же грамотное письмо было оставлено им в кизлярском казначействе после его погрома. Подобные же письма, наконец, были подбрасываемы им и разным другим начальствующим лицам. Причем все угрозы, заключавшиеся в письмах, точно были приводимы Зелимханом в исполнение».

Анонимный автор, выражая свое несогласие с тем, что ни наместник, ни штаб его войска не придали никакого значения заявлению Зелимхана о желании его сдаться властям и оставили его, как тогда выражались, без последствий, только потому, что сочли Зелимхана неспособным на такие грамотные письма, а значит оно могло быть подброшено кем-либо, в заключение пишет: «Если все эти письма могли быть рассылаемы Зелимханом, то почему он не может считаться автором и этого письма, которое было получено наместником?».[36]

Кто знает, откажись власти тогда от казенного подхода к этому делу, прими всерьез нелегко давшееся решение абрека, судьба Зелимхана и положение в области могли карди-

нально измениться в сторону смягчения и либерализации обстановки. Зелимхан знал, что он должен понести наказание за все содеянное, и он был готов уже к нему, рассчитывая на какое-то помилование, которое позволит ему остаться в живых, а впоследствии по отбытии наказания зажить свободной мирной жизнью. За Зелимханом, как главной фигурой, вышедшей из игры, несомненно потянулась бы целая цепочка добровольных сдач на условиях взаимных уступок власти и абреков. Высокая кавказская администрация из-за своей прямолинейности и закоснелости бездарно упустила этот шанс на успех, из-за чего еще многие годы областьтрясло и напоминала взбудораженный улей.

В ответ на Ассиновские события последовала жесткая реакция как в терской, так и в кавказской администрации. Приказом начальника Терской области все старшины сел Назрановского округа, расположенных по периметру движения отряда, были уволены с должности за укрывательство абрека. Не спасло даже то, что отдельные из них «прослужили правительству честно и беспорочно многие годы», «открыли массу преступлений, убили и изловили по несколько абреков». А 23 сентября 1910 года во Владикавказское городское полицейское управление военный отряд доставил семью Зелимхана, его жену Бици Дударовну, 30 лет, сыновей – Магомада 6 лет, Умара-Али 2 года и дочерей – Мусильмат 10 лет и Онимат 7 лет, а также семью убитого брата Солтамурада, состоящую из его жены Дезик Хумаговны 20 лет и сына Лома-Али 2 года, которые были заключены в областную тюрьму. Почти 8 месяцев провела семья Зелимхана в тюрьме, а 14 мая 1911 года с этапом отправлена в Енисейскую губернию в распоряжение ее губернатора.

Следующей мерой была организация воинских постоев в «отличившихся» селах. Начальник области постановил направить по одной сотне в хутора Галашки, Датых, Алкун, Сарали-Опиева и Мужичи. Вместе с тем было предписано как пищевое и фуражное довольствие, так и все необходимые

средства по передвижению войсковых частей в пределах Назрановского округа производить в экзекуционном порядке с возложением расхода на весь ингушский народ. Кроме того, в охоте за абреками сотня ротмистра Долидзе провела в Ассиновском ущелье более трех недель с 27 декабря 1910 года по 20 января 1911 года. За это время сотня в составе 96 всадников, «совершенно износилась за поход: особенно изорвались в горных переходах». И Долидзе поставил вопрос, чтобы все расходы по восстановлению обмундирования – 39 пар сапог по 7 рублей, 57 пар чувяков и черек по 2 руб. 50 коп., 57 пар наговиц по 3 руб., 96 шаровар по 4 руб., 96 черкесок по 7 руб. 50 коп. и столько же бешметов по 5 рублей – также возложить на жителей Назрановского округа. Выплаты должны были производиться из казенных денег, которые «складываются» из налогов, штрафов и других поступлений от населения. Точно такие же рапорты подали все другие части, побывавшие в Ассиновском лесу: командир разведчиков 81 пехотного Апшеронского полка штабс-капитан Вакулевский, командир 3 сотни Дагестанского полка ротмистр Котиев и другие.

К таким мерам прибегла и местная администрация. Это было то, что находилось в пределах ее полномочий. Считая указанных требований недостаточными, она обратилась к наместнику с целым рядом новых предложений, посылая их вдогонку друг за другом, – сперва второго, а затем восьмого октября 1910 года. На основании настойчивых ходатайств начальника Терской области Главнокомандующий кавказскими войсками направил адресату во Владикавказ для исполнения специальную резолюцию. Чтобы полнее представить меру понесенной ответственности ингушами за широкий размах абречества и за нападение на военный отряд в Ассиновском ущелье, приведем ее полностью:

«Преступность ингушей – жителей Назрановского округа, повальное воровство, кражи, грабежи и разбои, особенно сильно развившиеся в среде этого народа, буквально не дают возможности мирно трудиться мирному поселянину, особен-

но же соседям ингушей – казакам и осетинам. Наглость и дерзость этого племени за последнее время достигли невероятных размеров и бороться с этим злом мерами культурного характера, при наличии чрезмерно низкой ступени развития ингушей, очевидно невозможно.

Благодаря такому положению вещей, я нахожу, что престиж русской административной власти среди полудикого ингушского народа падает с каждым днем, понятие о законности утрачивается, человеческая жизнь совершенно обесценивается и чужая собственность не признается вовсе. Мало того, ингуши, очевидно, не останавливаются и перед тем, чтобы открыто выступить против правительственной власти, желающей охранить как их личную, так и общественную безопасность.

Это подтверждается тем, что 20 прошлого сентября они вместо содействия, которое должны были оказать воинскому отряду, посланному для поимки главаря разбойничьей шайки абрека Зелимхана, сами примкнули к этой шайке и напали на отряд в Ассиновском ущелье, где, обстреляв войска, первым же выстрелом убили своего начальника округа ротмистра князя Андроникова.

Возмутительно беззаконные действия ингушей должны, наконец, получить полное заслуженное возмездие и потому я решил по всей полноте предоставленной мне Государем Императором власти принять против них чрезвычайные меры наказания.

Предложенные Вашим Превосходительством, в докладе от 2 сентября сего года за № 19074, меры воздействия на преступный ингушский народ я вполне одобряю и предписываю Вам:

1. Всех жителей поселков Нельх и Кек (согласно рапорту Вашему от 2 ноября с. г. в составе 49 дымов – 107 мужчин, 86 женщин и 136 детей), среди которых в продолжение полутора лет укрывались семьи детей абреков Зелимхана и Солтамурада, выселить вместе с означенными семьями в Сибирь.

2. Хутора, расположенные по Ассиновскому ущелью, в которых был оказан приют Зелимхану, и жители которых принимали участие в нападении на войска, уничтожить, расселив жителей к местам их приписки.

3. Немедленно взыскать с ингушей Назрановского округа штрафа в размере 20.000 рублей, кои и выдать в вознаграждение семействам убитых чинов отряда и частных лиц семействам: ротмистра князя Андроникова десять тысяч рублей, поручика Афанасьева – три тысяче рублей, убитых пяти нижних чинов и одного туземца – по одной тысяче рублей за каждого, и в пособие раненым ротмистру Доногуеву – одну тысячу рублей, шести нижним чинам и одному туземцу – по сто рублей каждому.

4. Лишить общества Назрановского округа права выбора старшин и назначить туда правительственных.»37

5. Предложить, через начальника области, сельским обществам составить приговора на учреждение в них 25-ти должностей полицейских урядников за счет самого населения.

6. Семьи абреков Зелимхана и Солтамурада выселить в Сибирь вместе с жителями поселков Нельх и Кек. Об этом также донести ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и сообщить Председателю Совета Министров и Военному Министру».

Предписание наместника показало, сколь высокомерно кавказская администрация держалась по отношению к местному населению. А столь оскорбительная характеристика ингушского народа не могла дать положительных результатов в деле установления общественного порядка в крае, напротив, она еще более провоцировала его на неприятие русской власти, на непослушание и сопротивление.

О чрезвычайных мерах наказания ингушей наместник донес царю и вошел в сношение с Председателем Совета Министров, Военным Министром, Главнокомандующим Землеустройством и Земледелием и сенатором Никольским с просьбой оказать содействие к скорейшему осуществлению

предпринятых им чрезвычайных мер наказания. В письме Председателю Совета Министров он высказал, что наиболее подходящим местом для поселения указанных выселенцев признает Амурскую область, где можно устроить их оседлость путем отвода им свободных земельных участков. А начальнику Терской области он приказал «теперь же выселить из поселков Нельх и Кек всех жителей мужского пола в возрасте от 16 лет и старше», перевезти их во Владикавказ и содержать под охраной военного караула.

Последние успехи и поддержка Главнокомандующего вдохновили генерала Михеева на окончательное подавление активности ингушских абреков. Но решить эту задачу будет крайне сложно, пока живет и на свободе гуляет их сагопшинский главарь Саламбек Гороводжев, ближайший соратник Зелимхана и его начальник штаба. Газеты о нем писали: «С именем Саламбека связаны самые дерзкие разбои Зелимхана; в то время как Зелимхан одухотворял шайку своей религиозно-политической популярностью, Саламбек производил на шайку магическое действие своей неустрашимостью и своей безумной отвагой. За ним абреки шли почти на верную смерть, в самый центр города, отдаваясь прямо в руки войск. Кроме как храбростью Саламбек отличался необычайной силой воли, свойством не теряться в минуты опасности и, главное, – беспощадностью. Безумная храбрость Саламбека – это идеал, которого желал бы достигнуть каждый абрек. Словом, Зелимхан и Саламбек взаимно друг друга дополняли».

Ни поймать такого абрека, ни убить не получалось. Вызвал генерал Михеев выборных старшин с грешками, которые по предписанию наместника должны быть сняты со своих должностей и заменены правительственными за пособничество абрекам и за то, что не уберегли пристава Андроникова, ими же запрошенного на эту должность, за передачу патронов Зелимхану, за неуплату недоимок и многое другое, и приказал доставить ему абрека Гороводжева живым или мертвым,

иначе Сагопша постигнет участь Нельха и Кека. И отвел им срок на доставку абрека – две недели.

Уже на второй день весь Назрановский округ знал об угрозе начальника области. Забеспокоились старики сел. Сагопш, женщины с малыми детьми. Собрали сход. Что делать? Как выдать такого абрека, который подстать Зелимхану? Свой ведь он, сагопшинский. Ничего не могли придумать старейшины и авторитеты села: как сказать жене и родственникам Саламбека, чтобы отдали его властям, ведь повесят они его. Если бы тюрьма грозила или расстрел, а то, ведь, как собаку, вздернут. Только так поступают с абреками.

Пока думали-гадали сагопшинские мудрецы, как быть, нашлись люди, которые передали Саламбеку обо всем, что ожидало Сагопш и его семью, Задумался Саламбек. У абрека одна судьба: рано или поздно он будет или убит, или пойман и повешен. Решение Михеева тоже не оставило для него выбора. Чтобы спасти село и своих детей, он должен сдаться. Пойти под расстрел он еще может, но быть повешенным не хотел, боялся позорной смерти. Питая надежду, что в случае добровольной сдачи власти уважат его просьбу и расстреляют, но не учинят позорной казни через повешание, поздно ночью явился в дом и наказал жене, чтобы с наступлением утра она с братом отправилась к адвокату Баширу и попросила его съездить во Владикавказ к Михееву. Пусть он передаст русскому генералу, что абрек Саламбек сам явится и сдастся властям, но при условии, что его не повесят, а расстреляют.

– Генерал сам суда не вершит и не расстреливает, – пояснил Михеев Баширу, но пообещал сделать для этого все, что в его силах.

Поверив высокому обещанию, абрек явился с повинной и сдался правосудию. Но закон есть закон: на абрека Гороводжева завели уголовное дело и передали в военно-полевой суд. На Северном Кавказе и даже за его пределами это был второй по знаменитости абрек, и суд без каких-либо колебаний вынес решение: подсудимый не военный, чтобы

его расстреливать, а злостный абрек, разбойник, который должен быть только повешен. И приговор суда привели в исполнение.

Все это похоже на легенду, ибо ни один абрек, ни один разбойник, испытывая угрызения совести и вину за содеянное, добровольно не принес себя в жертву Фемиде отвергнутой им власти, так как ясно сознавали, что для них предусмотрено одно позорное наказание – казнь через повешение.

Такова одна из народных версий гибели Саламбека Гороводжева. Но так сложилась его судьба или иначе, неизвестно. Сведения, подтверждающие факт его добровольной сдачи себя властям, в архивах не имеются. Однако в ингушском народе, у которого Саламбек пользуется большим уважением и любовью, живет и другая легенда, не нашедшая подкрепления в документах, о том, что, как пишет один из его ингушских исследователей, «голова Сулумбека Горовожева была царским правительством оценена в десять тысяч рублей».

Во-первых, вряд ли этим занималось царское правительство, подменяя наместника и терскую администрацию. Не делало оно такого даже в отношении Зелимхана. Во-вторых, автор так завысил стоимость этого абрека, что он на две тысячи стал дороже самого Зелимхана, у которого тот ходил в соратниках. Много встречается и других нестыковок. Например, говоря о времени его гибели, автор указывает не 1910, как это было, а относит на несколько лет позже – к 1913 году. Вероятно, он что то путает, ибо в сентябре 1913 года не стало самого Зелимхана – последнего из абреческих знаменитостей. Убит или повешен был Саламбек Гороводжев неизвестно. Ни один из этих фактов не имеет документального подтверждения. Поэтому ни подтвердить, ни опровергнуть нет никакой возможности. Скорее всего, он погиб в бою, так же, как и другие сподвижники Зелимхана Аюб Томаев и Абубакар Хасуев. Так считает и Ахмед Цаликов (См. «Избранное», Владикавказ, «Ир», 2002, с.221). В апреле 1911 года на это указал и начальник Терской области Михеев (см. ниже) в отчете за

1910 год наместнику Кавказа. Его имя там называется в числе 28 других абреков, уничтоженных за последний период.

Все эти уголовно-административные карательные меры властей только прибавили дерзости Зелимхану. Он полностью перешел в нагорную часть Назрановского округа, поселился в старинных сторожевых башнях и оттуда совершал новые налеты «как на должностных лиц администрации, так и на мелкие воинские команды», посылаемые с целью разведки его местопребывания. Указанные башни, как самые удобные пристанища абреков, стали представлять собой большую опасность, и начальник Терской области обратился к Главнокомандующему с просьбой отпустить «из подлежащего артиллерийского склада 100 штук пироксилиновых шашек» и командировать подрывную команду из 10 солдат для уничтожения сторожевых башен в Ассиновском ущелье. Ходатайство граф Воронцов-Дашков удовлетворил.

Начальник военного отряда Веселовский для операции против Зелимхана и его сподвижников направил отряд в Большую Чечню, предвидя, что абреки большей частью будут скрываться в области гор и на хуторах в Веденском и Грозненском округах, где имеются боевые башни и помещения, удобные для обороны. Об этом он сообщил начальнику Терской области и просил при этом оставить в составе военного отряда саперную команду, оказавшую громадную услугу отряду при исполнении возложенной на нее задачи в Ассиновском ущелье, «ибо насколько легко ее откомандировать, настолько трудно обратное». Учитывая сложность предстоящей операции, такое согласие было дано.

Наместник Кавказа И.И. Воронцов-Дашков внимательно отслеживал ситуацию на Северном Кавказе и пришел к выводу, что необходима реорганизация имеющихся там сил.

В октябре 1910 года для достижения большего эффекта по решению Главнокомандующего конно-дагестанский полк и военный отряд были объединены. Вместо полковника Веселовского командиром усиленного военного отряда был

назначен полковник Маргания, командовавший до этого конно-дагестанским полком. Отряд продолжал оставаться в подчинении военного ведомства и был обязан «действовать решительно, справедливо, без колебаний, отнюдь не считаясь с возможными жертвами, если то нужно для общего блага». И далее в приказе генерал-лейтенанта Алексеева по 3-му Кавказскому армейскому корпусу, куда входил отряд, говорилось, что «собираемые ныне у полковника Маргании силы – большие для поставленной ему задачи; но, если явится надобность, то будет дана еще помощь сапер, пулеметов, артиллерии и пехоты».[38]

Из рапорта Маргании исполняющему дела начальника Терской области по поводу увеличения денежного содержания видно, что «при полк. Веселовском состав отряда был незначителен и главным образом отряд был сосредоточен на линии железной дороги; при мне же, – пишет Маргания, – отряд увеличился на четыре конные и две пешие сотни и отряд весь раскинут в разных частях вверенной Вам области, не исключая и горных районов».[39] На содержание канцелярии отпускалось 50 рублей в месяц, теперь в связи с ее увеличением Маргания просил 75 рублей.

Для военного отряда были выработаны новые правила. В инструкции начальникам разведчиков на линии железной дороги указывалось, что «главной задачей отряда, в состав которого вы теперь входите, служит еще борьба с разбойничеством и скотоконокрадством в Терской области, а также обезоружение чеченского и ингушского племени... При обысках... и при обезоружении необходимо приглашать старшину и понятых, требовать, чтобы прежде всего вынесли или вынули деньги и все ценное, а затем уже приступать к обыску. Иначе чинов отряда обязательно будут обвинять в грабеже и краже. Кинжалов не отбирать, если при них не будет другого запрещенного оружия. При исполнении чинами указанных обязанностей население должно беспрекословно следовать всем их требованиям под страхом употребления против не-

повинующихся оружия. Ни в каком случае безоружных разведчиков вне казарм не выпускать. Могут ходить только командами не менее 4-5 человек».[40]

Шестого декабря 1910 года в жизни начальника области Михеева произошло торжественное событие – был награжден орденом Белого орла. Как он сам признавался наместнику на Кавказе Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову, жизнь его «всегда отличалась отменным усердием и выдающейся энергией».

После захвата Месяцева Зелимхан ушел в тень. Но не надолго. Приближение холодов всегда подгоняет абреков. Зима не лучшее время для них: в обнаженном, сбросившем листву лесу трудно укрыться, а снег выдает след. Поэтому тройка лидеров – Зелимхан, Аюб Томаев и Абубакар Хасуев решили до этого совершить новую вылазку. Начальник 2-го участка Грозненского округа в секретном рапорте от 14 ноября 1910 года докладывал своему непосредственному шефу в округ, что, по сведениям его агента, эти три лица, «собрав шайку в 21-22 человека, направились для совершения крупного ограбления. Намечены пункты: Кизляр, Петровск, Моздок или Пятигорск. Точно неизвестно, так как держится в строжайшем секрете. Многие из них поехали верхом (в том числе Зелимхан), многие на арбах и фургонах, в виде покупателей. Есть предположение, что будут ехать по железной дороге. Оружие спрятано в вещах. Пунктом сбора для совещания выбрано кладбище возле селения Новые Атаги».[41]

Основанием для такого рапорта послужило сообщение анонима из числа местных жителей. «Разъясняю я вам, что я могу высказать своим письмом, потому что мне словесно нельзя высказать. Вот я вам упреждаю в том, что я знаю и слышу хотят абреки станцию разбить или же казначейство. Так я вам предупреждаю, чтоб оберегитеся. Я по-русски плохо знаю, разбирайте».[42]

Сообщение агента для принятия срочных надлежащих

мер было передано всем начальникам округов, военному отряду, атаманам отделов, а также в жандармские и полицейские управления. Однако оперативность подвела. Шайка успела напасть на кизлярское казначейство (уже второй раз) и забрать все деньги, которыми оно располагало. А деньги эти были немалые. Теперь можно было затаиться на всю обеспеченную зиму. В составе этой шайки в походе на Кизляр участвовали и ингушские абреки, в частности, жители Назрановского округа: братья Аля и Иса Белхороевы, Года Гетиев (Цельгов), Арза Мирза Китиев (Аугаев) и Камберт Беков из сел. Сурхохи, Боки Анзоров, Инаус Поргиев, Саид Чеплоев и Мурцал Темирзиев из сел. Базоркино.[43]

В первое десятилетие XX века абречество получило такой размах на Северном Кавказе, что об этом заговорили в самых высоких кругах России. Особенно оно приобрело разгул в Терской области, несмотря на бескомпромиссные усилия Вербицкого, Добровольского и Галаева, нанесших абречеству значительный физический и моральный урон.

Тревогу забили не только миряне и пресса, но и депутаты Государственной думы. В декабре 1910 года 58 депутатов III созыва сделали запрос в Думу о мерах борьбы с разбоями и грабежами на Кавказе. Вопрос вызвал горячее обсуждение. И хотя непосредственно терская проблема как таковая не стояла в повестке дня Государственной думы, все выступления ораторов от самых разных партийных фракций в связи с тревожным депутатским запросом касались преимущественно этого региона как более всех наводненного абреками. Депутаты Маслов, Лисичкин и другие винили во всем этом наместника Кавказа, в частности Воронцова-Дашкова и Терскую администрацию за мягкотелость и попустительство.

Другая же группа депутатов в лице Эльдарханова, Гегечкори и других считала, что в основе повальных грабежей и разбоев на Кавказе и в частности в Терской области лежат экономические и социальные причины – гибельное малоземелье и безземелье горцев, отсутствие должного внимания к их

быту, просвещению и здравоохранению, беспросветная нужда, произвол и самоуправство чиновников. Прения нередко перебивались голосами с мест, окриками и даже бранью. Но, как показало время, Государственная дума, выступившая в роли шумного балагана, так и не добилась от правительства выделения хоть каких-то средств на благоустройство с таким рвением завоеванного края и улучшение условий жизни его населения.

Запрос депутатов в Думу вызвал большой резонанс в обществе и такой же интерес у кавказской прессы. В периодическую печать посыпались корреспонденции. Каждый автор предлагал свое решение проблемы. Отозвалась и пятигорская газета «Голос курортов». В номере за 25 декабря 1910 года редакция (редактор-издатель Ф.И. Казманов) поместила статью «К запросу о Зелим-хане» – записку Терского Общества любителей казачьей старины кавказскому наместнику. Подписавшийся под ней Совет Общества любителей казачьей старины не ошибся, когда указал, что внесенный в Государственную думу запрос 58 ее членов «о незакономерных действиях начальника Терской области несомненно вызовет прения по вопросу об отношениях русской власти к кавказским горцам вообще и к туземцам Терской области в частности».

Совет считал, что этот вопрос имеет чрезвычайно важное значение, так как от его правильного разрешения будет зависеть вся борьба с грабежами и разбоями, от которых одинаково страдают «все без различия части местного населения. Беспрерывно заливаемый кровью богатейший край обречен на экономическое и духовное прозябание, потому что здесь имущество и жизнь не обеспечены, человеческий труд не используется до конца, энергия отдельных лиц, общественных и правительственных учреждений поглощена постоянной борьбой с разбоями, которая тянется уже целое столетие, но, к сожалению, до сих пор не дала положительных результатов». Такое состояние края признавалось нетерпимым и

для того, чтобы положить ему конец, необходимы серьезные меры как административного, так и законодательного характера, выработанные на основе «близкого знания народа».

Чтобы аргументировать необходимость кардинальных преобразований в крае, Терское общество любителей казачьей старины решило с помощью своей записки познакомить «с положением и бытом местных туземцев». И в обществе, и в печати, указывало оно, существует твердое убеждение, что кавказские грабежи и разбои, как и всякая преступность вообще, порождаются бедностью туземного населения, «для экономического и культурного развития которого русская власть со времени покорения горцев решительно ничего не сделала». Общество любителей казачьей старины отметило также, что массовые разбои и грабежи возрастают в теплые месяцы года и участвуют в них далеко не бедняки. «Обращаясь к народу, – говорится в записке, – по поводу которого последовал запрос, т.е. к чеченскому племени вообще и его ингушской ветке в частности, можно отметить, что преступность среди этого племени, – вопреки научной теории, – сильно возрастает в периоды наименьшей нужды, а именно: в весенние, летние и осенние месяцы. Кроме того, все грабежи носят характер набегов, и чтобы принять в них участие, каждому участнику необходимо иметь хорошего верхового коня, усовершенствованное оружие и отличное походное снаряжение, вследствие чего грабежи составляют привилегию зажиточных горцев, совершенно недоступную бедняку».

Приводя и дальше отдельные факты экономического роста края, авторы записки пытаются навязать своекорыстную, по сути реакционную точку зрения, доказывая, что грабежи и разбои в крае пышно расцвели потому, что кавказские горцы стали жить в отличных условиях или, как сказали бы в народе, – бесятся с жиру. «История развития грабежей в Терской области, – писали они, – показывает, что они прогрессивно возрастают и по числу случаев, и по степени напряжения параллельно с экономическим развитием края.

Построив еще во время Кавказской войны Военно-Грузинскую и Военно-Осетинскую и чеченскую дороги, русская власть открыла горцам свободные сношения с плоскостью; стоявшие на рубеже ея крепости скоро превратились в торговые города, в которых горцы легко и выгодно стали сбывать свои продукты и приобретать предметы высокой культуры; затем вдоль всего предгорья пошла железная дорога, по линии которой возникли бойкие русские и туземные поселки, появились крупные склады товаров и заведения фабрично-заводской промышленности.

Под влиянием экономического оживления края расцветали ингушские и чеченские аулы: площади украсились дорогими каменными мечетями, турлук и солому в саклях заменяют кирпич и черепица, традиционную деревянную арбу вытесняют легкие линейки и брички, в редком доме нет самовара и швейной машины, в редком ауле не сбирается еженедельный базар. Насколько выросло благосостояние племен, можно видеть из того, что значительная часть лучших домов и торговых предприятий в русских городах принадлежит ингушам и чеченцам».

В заслугу русской власти членами общества ставилось и то, что она сразу же после Кавказской войны приступила к насаждению просвещения среди горцев, в результате чего из их среды в течение очень короткого времени вышла целая плеяда талантливой интеллигенции в самых различных областях жизни. Авторы записки сетовали, что, несмотря на это, «в русском обществе все-таки господствует предрассудок, что для культурного развития этого народа русскою властью до сих пор ничего не сделано».

Отвечая на вопрос, где же кроется причина столь распространенного заблуждения, которое служит помехой к правильному разрешению очень многих вопросов в интересах как русской, так и туземной стороны, указывают на тот самый предрассудок, который проистекает от незнания народа. На самом деле кавказская преступность зависит не столько от

экономических, сколько от бытовых условий, замечают они, намекая на менталитет и состояние души ингушей и чеченцев.

Характерная особенность разбоев в Терской области заключается в том, что здесь почти нет профессиональных разбойников, за исключением единичных абреков, посвятивших себя разбоям в силу своего нелегального положения. Здесь почти каждый горец при случае становится разбойником и невозможно установить границу, где кончается обыкновенный мирный поселянин и начинается разбойник. Народ, обычное право которого покоится на кровной мести, который охраняет это право поголовным ношением оружия, постоянно совершает преступления: каждую минуту кинжалы сверкают угрозой лишения жизни, каждый день увозятся и насилуются девицы, из-за каждого угла мстительная винтовка сторожит появление обидчика, чтобы смыть его кровью нанесенное им оскорбление, а если обидчик сильнее, то обиженный глухой ночью пробирается к его имуществу, поджигает сено, уродует скот, стреляет в окна. Все это карается по русским законам, зато по обычному праву составляет священный долг каждого горца.

Абрек с точки зрения горцев – герой. Служить известному абреку – большая честь для истинного горца, поэтому горская молодежь считает за счастье получить приглашение на участие в особенно крупном и рискованном набеге. Поэтому абреки не имеют постоянных шаек, как предводители разбойников на Западе: во всяком отдельном случае и в любом ауле они свободно находят нужное количество джигитов для своих экспедиций.

Совет общества считает, что эти особенности и взгляды «в наибольшей чистоте сохраняются у ингушей и чеченцев, почему борьба с разбоями этого племени равносильна борьбе с целым народом... Население по горькому опыту знает, что абрек сильнее власти, он может щедрее наградить от избытков первой удачной экспедиции, он может и сильнее покарать, не опасаясь никаких думских запросов».

Таков взгляд терских выборных представителей любителей казачьей старины на причины и криминальную обстановку в Терской области. Несмотря на порочность его отдельных положений, в записке делается правильный вывод: «Русская власть и русское законодательство не вправе оставаться простыми зрителями такого вопиющего порядка вещей. Приняв в свое державное обладание кавказские племена и, населив Кавказ русскими гражданами, Россия взяла на себя обязательство обеспечить тем и другим спокойную жизнь и развитие своего благосостояния. Как Божий день ясно, что здесь неприменимы общие правовые нормы, и всякий исключительный закон, если он будет разумно приноровлен к мировоззрению туземцев, явится той высшей правдой, которая спасает мир смелым разрывом с банальной справедливостью».

Завершив 1910 год громким ограблением кизлярской казны, Зелимхан и его ближайшее окружение вступили в 1911 год.

Вскоре в стане абреков произошла крупная ссора между Аюбом и Зелимханом. Причина банальная – неподеленные деньги. Аюб покинул шайку, порвал всякую связь с Зелимханом и стал скрываться у родственников в одном из хуторов на горе Дуба-юрт, а 1-го марта 1911 года погиб в перестрелке во время облавы на него.[44]

По этому случаю начальник военного отряда полковник Маргания в рапорте Его Императорскому Величеству докладывал, что «в ночь с 28 февраля под первое марта с. г. на рассвете полусотней 6-ой сотни 1 Кизляро-Гребенского полка под командой сотенного командира есаула Борисова, состоящей в военном отряде Терской области и квартирующей в селении Старые Атаги Грозненского округа, был убит житель этого же селения Аюб Томаев, известный абрек, сподвижник абрека Зелимхана, руководивший в его шайке всеми нападениями».[45]

Далее он подробно изложил обстоятельства дела. В 4 часа 30 минут утра 1 марта прибежал к командиру сотни еса-

улу Борисову казак, дежуривший у телефона при сельском правлении Старых Атагов, и доложил, что сейчас начальник 2 участка Грозненского округа корнет Смирнов из слободы Воздвиженской передал ему для доклада сотенному командиру, что он намерен сейчас же сделать обыск в сел. Старые Атаги и просит содействия командира сотни. Борисов тут же приказал поднять казаков. Не прошло и получаса, как явился и сам корнет Смирнов. Он заявил, что начальник Грозненского округа приказал ему арестовать братьев абрека Аюба и его мать и просил содействия Борисова. На обыск вместе с Борисовым вызвались идти подъесаул Кибиров, хорунжий Глебовский и ночевавший случайно у сотенного командира командир 5 сотни Дагестанского конного полка ротмистр Долидзе. В половине 6-го полусотня в составе 33 человек была уже на месте операции. Чеченец, шедший впереди проводником, указал на один из домов, сказав «Вот этот», а сам скрылся. Казаки быстро, бегом оцепили дома. В это время из окна самого маленького дома на задний двор выскочил человек и бросился к плетню и находившимся за ним кустам. Часть казаков во главе с Кибировым, Глебовским и Долидзе в числе около 20 человек, бросились за ним и, обложив его со всех сторон, стали преследовать.

Погоня была настолько энергичной, что убегавший не имел возможности остановиться и вести прицельный огонь Так он пробежал пять дворов, где двумя выстрелами был убит наповал. Как оказалось потом, до этого он был ранен несколькими пулями. Сам тоже сделал несколько выстрелов в казаков, но безрезультатно. Убитый был опознан соседями, матерью и братьями, и все они назвали Аюбом Томаевым. Убегая, Аюб бросил бывшие в руках бешмет и пальто, кожаные галоши с ног, а при нем нашли 3-хлинейную винтовку казачьего образца за № 14148, заряженную тремя патронами. Во время обыска дома, были еще обнаружены: записная книжка, паспорт за номером 1194, два письма и погоны пограничной стражи.

В донесении начальнику Терской области помимо сообщений, сделанных Е.И. В, указывалось, что в двух окруженных домах, кроме родственников Аюба, никого не оказалось, обыск домов не был сделан тщательно, из-за отсутствия полиции, а сам начальник 2 участка корнет Смирнов, как только услышал, что Аюб убит, сейчас же уехал для доклада начальнику Грозненского округа о случившемся по телефону. Затем, отметив доблесть полусотни есаула Борисова, указал, что со смертью Аюба Терская область избавилась от самого серьезного и предприимчивого абрека. Газета «Терек» незамедлительно дала это сенсационное сообщение, а полусотне в качестве поощрения выдали 200 рублей.

Такая щедрость властей имела основание: Аюб входил в десятку самых отважных абреков. Еще в период смут первой народной революции 1905-1907 годов Аюб за дерзкий грабеж был сослан в Сибирь на поселение. Вскоре он совершил побег и объявился в родных местах. Терская область тогда в самый пик революции в декабре 1905 года была объявлена на военном положении. Генерал-губернатор Колюбакин потребовал от земляков Аюба: или выдать опасного абрека, или уплатить штраф в размере 3000 рублей. Общество, не зная местонахождения Аюба, вступило в переговоры с родственниками, и последние изъявили согласие на его выдачу за 400 рублей. Эти деньги в самый короткий срок были внесены родственникам, и Аюб Томаев был передан обществу, а оно выдало его администрации. Аюба снова отправили в ссылку. Но не прошло и месяца, как он вновь бежал и примкнул к Зелимхану, в дружках которого уже был хаджиюртовец Абубакар Хасуев. «Он стал его правой рукой», – вспоминали земляки староатагинцы Тука Рукаев и Зибир Хабиров. – «Тогда наше общество во что бы то ни стало решило покончить с Томаевым и за поимку его или убийство назначило вознаграждение в 600 рублей, и деньги эти были сданы в депозит Управления Грозненского округа».[46]

Узнав об этом, Аюб решил терроризировать своих земляков и весь Веденский округ. Он подговорил Абубакара, и они вдвоем напали на Старые Атаги. На этот раз фортуна им изменила. Не успели они совершить грабеж, как попали под казачью облаву, устроенную участковым Смирновым. В перестрелке Абубакар был убит. Аюбу удалось бежать, но не надолго: как было сказано выше, он был убит около своего дома, застигнутый врасплох, во время очередной облавы.

Убрался подальше с этих мест и Зелимхан. Теперь уже без привычной надежной опоры, ближайших соратников. Помощник начальника Терского областного жандармского управления ротмистр Беллик сообщал начальнику Грозненского округа, что по полученным сведениям «абрек Зелимхан ввиду невозможности скрываться вследствие холода и преследования на плоскости ушел в Дагестанскую область и скрывается, по тем же сведениям, в доме старшины сел. Кинды Бесхана», [47] очень состоятельного человека.

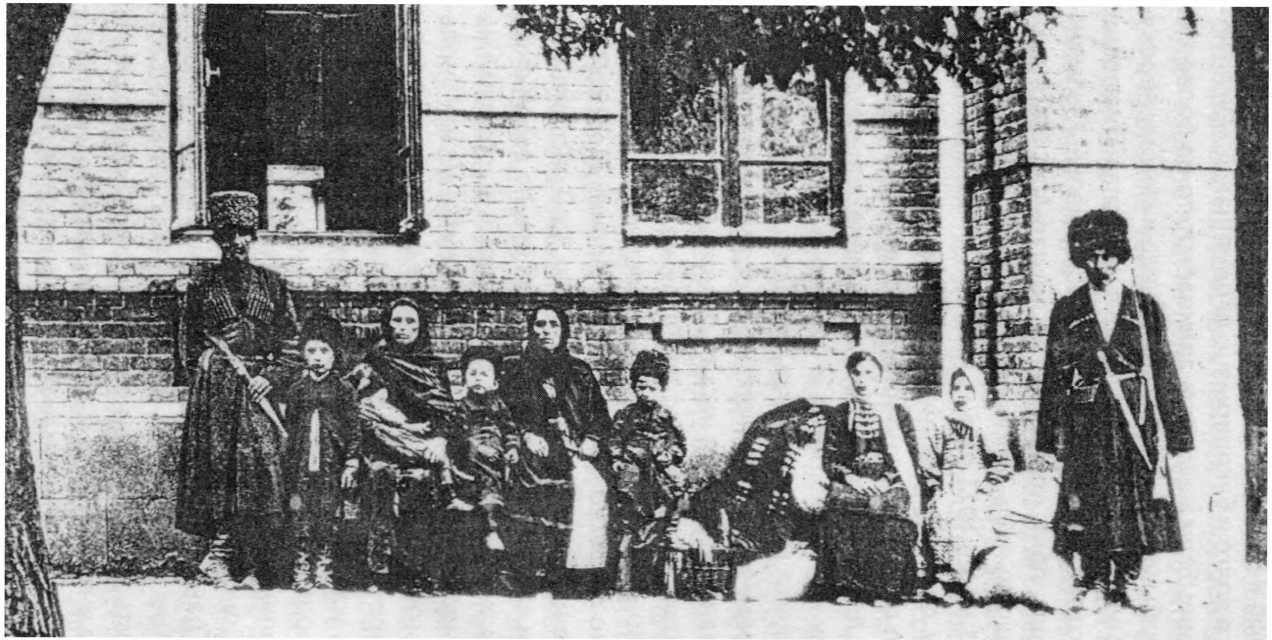
Зелимхан был прекрасный конспиратор. Он постоянно менял места своего пребывания и потому был неуловим. Не задержался он и в Дагестане. Вскоре по одному ему известным признакам он понял, «что место его пребывания... открыто». Инстинкт и интуиция его никогда не подводили, и он перебрался в Веденский округ, Там он остановился в сел. Новые Атаги. Село скорее напоминало хутор. В нем было всего несколько дворов, принадлежавших Абу-Умару Салгиреева, Хамиду Салтханову, Хамиду Шахгиреева и Магомаду Шалдуеву. Все эти дворы находились в одном «кубе». При остановке у одного из названных лиц, лошадь обязательно оставлялась у другого. В это время недалеко от сл. Шатой на хуторе Горгхчу, что в двух верстах от сл. Воздвиженской и в 29 верстах от села Вашендерой, находился больной брат Зелимхана. Этот хутор состоял из трех дворов и принадлежали братьям Тесаевым, у одного из которых и лежал больной.

Хорошо осведомленный об этом начальник Грозненского округа вошел с предложением к начальнику военного отряда Марганию: «Так как Зелимхан пробирается в сел. Новые Атаги по Агишинской дороге и так как в селении Вашендерой проживает отец Тесаевых – Теси, где также, вероятно, временами бывает Зелимхан, то, по мнению тайных сотрудников, в настоящее время, и при том немедленно, возможно захватить названного разбойника следующим порядком: ночью внезапно окружить на хуторе Горгхчу все три двора и одновременно с этой облавой окружить в с. Вашендерой дом отца братьев Тесаевых».[48]

Если эта облава результатов не даст, продолжал окружной начальник, будет ясно, что Зелимхан, узнав о приближении команды, бежал в лес, а по сему на следующий день необходимо занять спуск к дороге из с. Агюшты на Новые Атаги и одновременно оцепить в с. Новые Атаги дворы Салгиреева, Салтаханова, Шахгиреева и Шалдуева. Для успеха дела предлагалось план сохранить в абсолютной тайне и даже совершать его под каким-либо другим благовидным предлогом.

Теснимый частями военного отряда, Зелимхан все чаще стал подумывать о переезде в Турцию. В начале февраля 1911 года, проводя зимовку в Андийском округе Дагестана, он навестил святого Нажмудина, у которого «просил совета относительно ухода в Турцию, но последний, делая ссылку на то, что его там без семьи замучает тоска, а семью все же освободят, советовал не уходить и подождать еще некоторое время».[49]

Вскоре, когда из Дагестана перебирался в Чечню, Зелимхану передали, что семья его уже освобождена и поселена в Назрановском округе. Переодевшись в тавлина, он решил пройти туда и тайно навестить семью, для чего ему пришлось пересечь 3-й участок Грозненского округа. Убедившись, что произошла ошибка, семья все еще находится в ссылке, Зелимхан направился в Шатое, где местный кузнец подковал ему лошадь. Из-за постоянного преследования администра-



Семья Зелимхана.
Сидят: жена Зелимхана с двумя сыновьями: Магометом (старший) и Омаром (на руках); затем жена убитого брата абрека Солтамурада, Дзезик с двумя сыновьями. В конце дочери Зелимхана, Муслим-Амат и Онисата

Библиотека "Чеченинфо"

ции, ее агентов и частей военного отряда Зелимхан нигде не задерживался долго и беспрерывно перемещался. «Он не ночует в селениях. Если же и останавливается, то не более как на час- два, дабы успеть накормить лошадь и самому перекусить. Ходят с ним его брат и два ингуша из числа нападавших на военный отряд из засад в Ассиновском ущелье. Кто именно эти ингуши, пока неизвестно»[50] докладывал Марганию помощник начальника Терского областного жандармского управления 1 марта 1911 года.

Зелимхан строил различные планы на ближайшее время. Он думал ограбить какие-нибудь денежные учреждения или взять в плен богатого промышленника, овцевода или торговца. Ему не давало покоя и чувство мести казакам. Он хотел при случае вызвать отряды дагестанцев и гребенцов на заблаговременно устроенную им засаду. С этой целью он хотел обстрелять ночью эти части в пункте их расположения или подослать к ним «ложного шпиона», который указал бы мнимое место его нахождения. «Сим последним средством, – совершенно секретно докладывал начальнику Терской области пожелавший остаться неизвестным, – он рассчитывает нанести урон частям военного отряда, за что, по его мнению, подобно войсковому старшине Вербицкому, настоящий начальник отряда будет смещен и в промежутке между увольнением одного и назначением другого, пока последний будет входить в курс дела, он выиграет спокойствие. После этого он будет без устали в разных пунктах портить железные дороги, производя крушения поездов».[51]

В план Зелимхана входило и желание взять в плен семью ротмистра Доногуева, которая находилась в грозненской гостинице «Гранд-Отель», и даже обсуждался с товарищами план нападения на гостиницу. Все соратники охотно согласились исполнить это решение, но впоследствии было отклонено «одним из интеллигентных туземцев», который имел «громадное влияние на Зелимхана». Кто был этот интеллигент, установить не удалось. Кроме того, Зелимхан сам ожидал и

говорил всем соплеменникам, с которыми общался, что в скором времени из Дагестана прибудет большой шейх, который будет воевать против гяуров. Известие об этом было найдено в хурджине убитого Аюба, из его записки своему старому приятелю. Неизвестный автор предполагал также, что как в Дагестане, так и в Чечне могут находиться младотурецкие эмиссары, занимающиеся на всем Кавказе своей агитацией.

Постоянно сосущее желание добыть деньги не оставляли Зелимхана в покое, и при выборе объекта остановился на Моздокском казначействе. Для этого он стал собирать шайку примерно из 20-25 человек, преимущественно из сел Старо-юрт и Ново-юрт Надтеречного участка Грозненского округа. Время было назначено на начало месяца марта, считая рождение луны, а местом сбора – село Ново-юрт. В постоянной шайке у него, кроме брата, были еще два ингуша из числа участников нападения на отряд в Ассиновском ущелье, один кумык и один дагестанец. Все участники будущего набега получили приказание заняться «приисканием и подготовкой к набегу лошадей».

Чтобы отвлечь внимание администрации и военного отряда, Зелимхан распустил слух, что он намерен ограбить поезд и пленить семью Доногуева, а сам отправился в Ново-юрт, где он всегда пользовался особым гостеприимством. Сколоченная шайка, по сведениям начальника 2 участка Сунженского отдела, числом около 20 человек, выехала в Ставропольскую губернию. Ему известно также, что в шайке есть какой-то русский писарь. А «для того, чтобы шайка при посадке в поезд на одной какой-либо станции не вызвала подозрения, он разбил ее на двойки и разослал по станциям, где они посадились в поезд незаметно для людей. Станция высадки неизвестна. Возможно, что он остановится в Георгиевске, Пятигорске или Армавире. Эти пункты находятся в таких местах, где легко скрыться в горы и остаться невредимым».[52] На этом все обрывается, о дальнейших действиях шайки в архивах ничего не удалось обнаружить.

Любимая крепость Зелимхана Сандуели (Сандукели)

Остались неизвестными и последствия одного письма Зелимхана. 8 марта 1911 года Кизлярский пристав препроводил помощнику начальника Терского областного жандармского управления копию письма, полученного кизлярским купцом Артемием Мелькомовым от Зелимхана. На письме стоял штемпель г. Грозного и было следующего содержания: «Артем Мелькомов меня нужны деньги, а потому по получении письма прислать немедленно 1500 руб. человека найдешь сам. Когда я получу от тебя деньги пришлю тебе заметку о получении с приложением четыре печати один из них ваша Кизлярский. Если скоро не пришлешь, то ты будешь убит. Это я зделаю очень легко абрек Зелимхана».[53] Кроме печати Кизлярского окружного казначейства на письме были еще печать Андреевского сельского правления и две именных – бывшего казначея Копытко и самого Зелимхана. Чиновники предполагали, что это письмо было передано Зелимханом во время перехода из Дагестана в Назрановский округ кому-либо из приверженцев на плоскости, а этим последним уже письмо брошено в почтовый ящик в г. Грозном.

Угрозы на Мелькомова не подействовали, и тогда за получением «долга» Зелимхан в начале мая вознамерился сам ехать в Кизляр. В случае же, если и тогда ему по какой-либо причине не удастся получить ожидаемые деньги, «в коих очень нуждается», как говорил он, то намерен оттуда проехать к берегу моря к местным рыбопромышленникам, с которых и соберет необходимую сумму денег.

Если раньше Зелимхан после удачного ограбления субсидировал своих родственников, а иногда и бедных земляков, то в 1911 году потесненный и потерявший к этому времени лучших сподвижников, денежным обложениям стал подвергать и сородичей. Но продолжал больше требовать от виновных перед ним и его родом, как он считал, кровников. Забравшись в одну из пещер недоступной горы Чермоевской, в разгар лета стал рассылать оттуда требовательные письма: чтобы его кровники харачоевцы внесли ему 170 рублей, а

кровник из сел. Махкеты Маак Джамалудин – 300 рублей. Не пощадил и свое общество Харачой – он обязал их платить ему дань, а какую, не указано. Вероятно за то, что в родном селе оказалось слишком много кровников. А чтобы все его «должники» не думали, что потянут время и все это сойдет им с рук, потому что абрек собирается бежать за границу, он объявил для них, что «решил умереть на родной земле и никому свою позицию не уступит».[54]

Ассиновские события потребовали более результативной работы. Военный отряд при всей кажущейся деловитости не достигал желаемых результатов. Причина – ее оторванность от других сил, занятых решением этих же задач. 11 марта 1911 года исполняющий обязанности начальника Терской области г.-м. Степанов направил директивное письмо начальнику военного отряда. В нем говорилось: «Имея в виду, что усилившаяся деятельность администрации по уничтожению абреков и главным образом Зелимхана, с одной стороны, и таковая же усиленная деятельность военного отряда, с другой, нередко страдают отсутствием согласованности в своих действиях, начальник области нашел необходимым обратить на эту сторону дела серьезное внимание и теперь же озаботиться организацией этих действий, дабы, предупредив возможность каких бы то ни было трений и недоразумений, обеспечить задаче наибольший успех».[55]

Для устранения указанного диссонанса начальник Терской области ген.-лейт. Александр Степанович Михеев поручил своему заместителю генералу Николаю Ивановичу Степанову взять на себя лично обязанности по объединению действий администрации и отряда, а также непосредственное разрешение вопросов, «связанных с осуществлением возложенной на полицию и отряд задачи по поимке Зелимхана и других абреков».

Поставленные задачи требовали от Степанова переезда к местам наибольшего скопления абреков и дислокации частей военного отряда. И генерал прибыл в Грозный, где он

должен был оставаться до особого распоряжения. Степанову предоставлялись самые широкие полномочия. Он мог по собственному усмотрению менять свое местопребывание с целью необходимой конспирации, донося лишь об этом начальнику области Михееву для сведения.

Основным районом действий координатора были Грозненский, Веденский, Хасав-юртовский и Назрановский округа, а в случае необходимости в его сферу входили и все другие районы области. Степанов был уполномочен отдавать полиции и отряду любые указания, направленные на организацию совместных действий полиции и войска. Подробно изучив дела военного отряда, генерал-майор в письме начальнику отряда Марганию отмечал, что «действия воинских частей, входящих в состав военного отряда, против такого неуловимого неприятеля, как абреки вообще, а в особенности против Зелимхана, соблюдающего величайшую осторожность, сами по себе являются совершенно бессильными, хотя бы численность отряда была во много раз больше; и как бы искусны ни были распоряжения его частями, успех возможен лишь случайный, на который рассчитывать нельзя, тем более что население сплошь относится к абречеству благосклонно. Многие жители по тем или иным причинам укрывают абреков, и только меньшинство, наиболее благоразумные, готовы оказать начальству помощь в борьбе с этим страшным злом и народным бедствием».[56]

Таким образом, утверждал Степанов, части военного отряда, распределенные по району действия абреков, могут служить только как готовая сила для борьбы против абреков и предупреждению их замыслов. Но чтобы применить эту силу, необходимо добыть сведения об абреках и их планах, а они могут быть получены военным отрядом от тайных агентов непосредственно или от администрации. Степанов считал, что первый вследствие частых перемещений частей и отсутствия организованной связи с населением имеет меньшее значение, чем вторая, у которой имеется прочная ие-

рархическая организация, начиная от начальников округов и кончая сельскими старшинами и их помощниками. Однако, утверждал он, и по настоящее время конечный результат не достигнут.

Причину этого он видел в двух обстоятельствах. Первая и важнейшая заключается в том, отмечал он, что только немногие начальники участков проявляют в этом направлении достаточную энергию, большинство же относится с преступным равнодушием сами и не желают заставить старшин относиться к этому делу «как бы следовало по долгу службы». Степанов строго предупредил, что неумение или нежелание начальников участков выполнять эти обязанности, он сочтет за несоответствие своему назначению и войдет с предложением об удалении их с должности. «Что касается старшин, – продолжал Степанов, – то они сплошь относятся к абречеству не по долгу службы и присяги, а по адату, то есть даже с некоторым поощрением». В связи с этим Степанов предложил объявить им, что подобное отношение не может быть терпимо и в случае неисполнения ими своих обязанностей, будут немедленно отстраняться от должности, «не останавливаясь перед числом таковых, хотя бы пришлось сменить весь состав старшин».[57]

Вторую и также весьма важную причину неуспеха он видел в том, что отдельные чиновники администрации стремятся достичь успеха непременно лично, чтобы такую заслугу не мог иметь другой. Поэтому он подчеркивал, что «борьба с абречеством... имеет такое громадное общественное и служебное значение, что в этом деле, ради успеха его, долг службы велит поступиться личными интересами и честолюбием».[58] Степанов считал, что с устранением двух указанных причин обязательно будет достигнут желаемый результат, который приведет к спокойствию в крае и нормальному течению всякой службы.

Через агентуру власти постоянно вели наблюдение за передвижением абреков и в первую очередь Зелимхана. Но

главный абрек ловко путал карты администрации и воинских частей, подкидывая через своих доброжелателей, служивших ему одновременно и подручной агентурой, ложные сведения, а те во власти чрезмерного усердия верили каждому такому сигналу, принимали превентивные меры, но, как потом оказывалось, напрасно, и сокрушались от своего бессилия и промахов. Вот один из таких примеров. 8 апреля 1911 года командир 3 сотни Дагестанского конного полка ротмистр Котиев направил из сел. Урус-Мартан рапорт полковнику Марганию, в котором доносил, что 7 апреля начальнику 1 участка Марковичу стало известно из достоверных источников, что абрек Зелимхан ночью 7 же апреля должен прибыть в сел. Гойты или в сел. Урус-Мартан. Далее сообщалось, что Зелимхан будет двигаться юго-западнее Воздвиженска или Старых Атагов.

Проверка этого района показала, что там девять дорог. Понимая, что занять всех их силами только своей сотни он не сможет, Котиев послал экстренно-нарочного с письмом к начальнику военного отряда, изложив все подробности через передаточный пункт Алхан-Юрт, где располагается 2 сотня. Предполагая, что Маргания пожелает сам лично приехать, Котиев предупредил командира 2 сотни ротмистра Мусалаева «быть всей сотней начеку и выслать начальнику военного отряда на вокзал лошадей к поезду № 9. Однако эта сотня была вызвана самим Марганией, и намеченный план встречи изменился, но дать об этом знать начальнику отряда по телефону Котиев не решился, «дабы, – как он говорит, – не обнаружить плана».[59] Тогда Котиев со своей сотней, 8 стражниками и 8 кровниками Зелимхана Баканаевыми занял указанный район, приблизительно на протяжении 14 верст, и простоял там с 8 вечера до утра. Но, как он выразился, «безрезультатно и при самых отвратительных условиях»: была страшная грязь, стоял холод и слегка моросило.

Грозная фигура Зелимхана и его отряд побуждали власти к принятию срочных мер предосторожности. Напряженная

обстановка, сложившаяся на востоке Терской области в связи с злонамерениями этой шайки, заставила местную администрацию провести в Грозном 15 апреля 1911 года представительное совещание по поводу организации охраны города.. В его развернутом постановлении говорилось, что: 1) по сигналу «тревога» к месту происшествия должны выступить взводы дежурных частей, находящихся в полной готовности от пехоты и конницы; 2) чтобы дежурная барышня на почте немедленно уведомляла о тревоге; 3) чтобы станичное правление, получив сообщение о тревоге, тотчас же высылало в станичную церковь дежурного бить набат; звон в набат подается следующим образом: после ряда частых ударов (как при пожарах) подаются редкие удары, числом не более пяти, затем опять частые. Затем редкие и т. д.; 4) обеспечить телефонами начальника военного отряда, а также помещения 1 и 3 рот 82 Дагестанского полка. Кроме того, начальнику Грозненского округа было поручено возбудить ходатайство об отпуске оружия лицам, проживающим в Грозном, изъявившим желание явиться на тревогу и вполне благонадежным. Еще столько же пунктов значилось с различными строгими предписаниями мер и обязанностей чиновников, ответственных за регион и его спокойствие. Протокол подписали: председатель совещания – и. об. начальника гарнизона полк. Сулейманов, за командира 1 Кизляро-Гребенского полка войсковой старшина Аверьяхов, городской голова Грозного Катров, и. д. атамана Кизлярского отдела войсковой старшина Коцырев, начальник округа полк. Стрижев, пристав Грозного коллежский регистратор Кауфман.[60]

Несмотря ни на что, абреки продолжали свое дело: ходили в разведку, преследовали жертву, брали в заложники богатых, занимались рэкетом, мстили кровникам и администрации. С наступлением весны 1911 года шайка из семи человек ингушей Назрановского округа перешла через Темир-Хан-Шуринский округ на рыбные промыслы Воробьева, братьев Тушмаловых и других с целью осмотреть расположение тако-

вых, а затем напасть на них или захватить в плен кого-либо из богатых рыбопромышленников. Начальник Хасав-юртовского округа командировал туда начальника 1 участка с частью команды сотника Яицкова. Солдатам удалось задержать двух подозрительных лиц, из которых один был ингуш Алимурза Тариев, другой – шуршинец из Дагестана Юсуп Салих оглы. Во время допроса они показали, что поскольку везде по области расположены части войск и команды стражников ингуши проникли на промыслы через Дагестанскую область. Они не скрывали, что являются разведчиками шайки и явились сюда для того, чтобы изучить местность и выследить удобный момент для нападения.

А в это время в сел. Автуры проходило совещание абреков, на котором было решено напасть «на экономию Месяцева с целью убить его и его телохранителя Мудала, показавших на суде против лиц, осужденных судом по делу пленения Месяцева, и на Грозненскую ярмарку с целью ограбить выручку денег».[61] Здесь же обсуждался план нападения на магазин Ганжимова в Грозном или на кожевенный завод торгового дома «Кащенко». Для осуществления замыслов Зелимхан сколотил шайку до 28 человек.

Такой отряд мог внушить страх. Справиться с ним было совсем непросто и требовались большие силы. 3 мая начальник Грозненского округа с грифом «В.спешно. Совершенно секретно» направил сообщения об этом во все округа и отделы, в жандармские управления и полицию. На одном из них рукой Маргании была наложена резолюция: «Телеграммой. Яицкому. Немедленно командой возвращайтесь Хасав-Юрт. Григорьеву – Со взводом занять Ваше место Воздвиженском».[62]

Нападение абреков затягивалось. Причина не ясна, возможно, пережидали бдительность властей. А уже 13 мая от того же лица и также «В. спешно. Сов. секретно.» всем структурам гражданской и военной власти Терской области поступило новое сообщение «в дополнение к первому от 3 мая»,

что «по вновь полученным достоверным агентурным сведениям, абрек Зелимхан Гушмазукаев решил, если удастся, устроить нападение на почту, идущую из Гудермеса на Кизляр. Нападение предположено произвести через 3-4 дня, причем шайка к рассвету должна пройти горную полосу. Какую именно, точно установить не удалось, но, вероятно, ту, которая идет к Шали или ту, в которой прапорщик Цаголов устраивал засаду после ограбления Воздвиженской почты в 1909 году. Полк. Стрижев».[63]

Факт непрекращающихся грабежей и разбоев констатировал и начальник Веденского округа. Он отмечал, что «даже увеличиваются, и их так много, точно народ только и живет ими, точно это и есть тот идеал жизни, к которому мы должны стремиться от мала до велика. Сосед ворует и грабит своего же соседа, братская кровь льется из-за всякого пустяка, народ несет огромные жертвы и разорительные материальные убытки, и все же среди них не находится ни одного здравомыслящего человека, который мощно крикнул бы: «Остановитесь, безумные, довольно!».[64]

Существование такого порочного явления начальник округа относил прежде всего «за счет бездеятельности магометанского духовенства, большая половина которых в своих проповедях не учит народ добру, то есть тому главному догмату веры, который служит основанием религии и Закона Божьего».[65] Он сетовал, что почтенные старцы, имеющие большое влияние на народ в своих беседах не направляют его к культурному развитию и совершенствованию, не объясняют, что только мирным трудом можно завоевать свое благосостояние. Подверг критике и своих сослуживцев. Он отметил, что старшины сел небрежно относятся к делу борьбы с преступным элементом, зачастую совершенно бездействуют, а начальники участков не проявляют достаточно активного участия не только в искоренении, но и в уменьшении преступности в округе.

В связи с этим начальник округа подполковник князь

С.Г. Каралов, чтобы, положить конец этому крайне позорному явлению, по возможности сократить преступность в округе последовал примеру Грозного. 8 июня 1911 года для обсуждения способов борьбы с усилившимся злом он собрал в слободу Ведено большое число влиятельных лиц, в общей сложности более пятидесяти человек. Среди них были – кадий Аутахажиев, депутаты Горского суда Гази Магома Ольмисханов, Шепи Цуруев и Буп Гайбулатов; из 1участка: Касим Хажи Сайбатаев, корнет Магомад Шамилев, Махматхан Сайханов, Эльсамирза Чогаев; из 2 участка: Касум Хажи Ильясов, Кехурса Темиргиреев, Расу Мула Гайтупаев; из 3 участка: Сугаип Мула Гайсумов, Шамсудин Хажи Аутахаджиев, Ибрагим Гергизов, Демай Талхигов; из 4 участка: Ибрагим Юсупов, Юсуп Хажи Байбетыхажиев, Абдул Кадыр Хажи Берсанов, Темурко Хажи Лечиев и из 5 участка: Бета Келоматов, Лабадан Хажи Безерханов.

Приглашены были также начальники всех пяти участков округа и по два доверенных по выбору уполномоченных от каждого селения. Какие были выработаны мероприятия и намечены способы борьбы с подмявшим край под себя злом, установить не удалось. На этом текст документа обрывается. Но ясно одно, что население, изрядно страдающее от непрекращающихся грабежей и разбоев, выразило экстренную готовность активно подключиться к борьбе с ними.

После потери Саламбека Гороводжева, главного вдохновителя Зелимхана, и Аюба, организатора налетов, Зелимхан не впал в отчаяние, но дух его был заметно поколеблен. Отсюда – душевная неуравновешенность и двойственность. То он хочет уехать в Турцию, то представляет себя будущим имамом Чечни, который поднимет народ, подобно Шамилю, против России. Первый раз он хотел переселиться в Турцию сразу после ограбления Кизлярского казначейства. Но операция оказалась не очень удачной – слишком мала была сумма, которой завладели абреки – 5 тысяч рублей медяками, после дележа которой на каждого приходилось совсем ниче-

го. Потом осуществить мечту помешали арест и ссылка семьи в Сибирь: все это время он ждал свою семью и вынашивал мысль об ее освобождении.

Настроения покинуть родину были следствием душевной слабости, в результате чего хотелось покончить с изрядно надоевшей скитальческой жизнью и обрести наконец покой. Но когда к нему возвращался воинственный дух, он, сознавая свою знаменитость, представлял себя в другой роли – в роли имама Чечни, который, в случае войны России с кем-либо, может поднять народное восстание против нее. Вот что доносил командир 6 сотни Дагестанского полка начальнику военного отряда 5 июня 1911 года: «В последние два месяца, как только заговорили о войне России с Китаем и Турцией, Зелимхан начал вести усиленную агитацию среди населения нагорной Чечни относительно восстания. Всюду разъезжает и упрашивает, чтобы повстанцы шли бы за ним и что у него будет поддержка со стороны. Также за последнее время с Зелимханом имеют связь турецкие муллы и какие-то армяне. В особенности в данный момент Зелимхан занят главным образом этой мыслью. Но и не может забыть ту обиду, которую нанесли ему начальство отправлением его семьи в Сибирь. Во всем этом он обвиняет ротмистра Доногуева, коему во что бы то ни стало хочет отомстить».[66]

Что такое намерение имеется у Зелимхана, подтвердило «совершенно секретное» письмо из Грозненского жандармского управления тому же Маргании 23 июня: «Абрек Зелимхан в настоящее время укрывается в 4 участке Грозненского округа в горах в специально устроенной им землянке. Усиленно занимается пополнением боевых припасов, необходимых ему, по его словам, как будущему имаму, коим он намерен стать в случае войны России с Турцией. Говорит, что, якобы, в его распоряжении имеется более 1000 трехлинейных винтовок, предназначенных раздаче населению в случае той же войны. В самом непродолжительном времени предпола-

гает сделать выступление на плоскость, когда же именно неизвестно».[67]

Среднее и низшее звено терской администрации в лице начальников округов и участков и их помощников, а также сельские старшины имели свою разветвленную сеть шпионов и агентов, которым поручалось неустанно следить за абреками и главным образом за Зелимханом, за их местонахождением и ближайшими планами. Особо интересовали ночлежки и связи Зелимхана. Агентура выполняла важную работу, но она не всегда была продуктивной, поскольку выуженные сведения не всегда были достоверными, а зачастую и заранее вымышленными. На институт доносительства опирались и военные чиновники из казачьих отделов. Как военным людям им было гораздо труднее устанавливать широкие контакты с гражданским населением, но дело это было не совсем безнадежное: отдельные горцы, преследуя личную корысть, втайне от соплеменников помогали им и администрации.

Свою агентуру имел и Зелимхан. Это были родственники, соаульники, сочувствующие и неприявшие царский режим. Их так же, как и первых, было немало. В их обязанности входило вводить преследующую Зелимхана администрацию в заблуждение и дезориентировать, направлять ее по ложному пути и в любом случае выиграть время. Это помогало Зелимхану не только уходить от преследования, но внезапно оказаться и напасть там, где его не ждут.

Были и такие люди, которые вели двойную игру: работали и на администрацию, и на знаменитого абрека, извлекая свою пользу и там, и здесь. Косвенные подтверждения тому есть. Но они составляли единицы, так как это занятие требовало от человека особых способностей, и было слишком опасно, особенно со стороны загнанного в угол абрека, готового ради собственного спасения жестоко покарать любого предателя.

С именем Зелимхана, как отмечалось выше, связаны де-

сятки громких разбойных дел. Но самыми дерзкими из них являются налет на грозненский железнодорожный вокзал, попытка пленения миллионера Максимова, налет на кизлярское казначейство, разбои на Керкетском перевале и в Ассиновском ущелье. Но первым делом, принесшим Зелимхану славу непростого абрека, было пленение овцевода Месяцева.

Шайки формировались Зелимханом в зависимости от масштабности и сложности предстоящей операции. Они создавались только на время набега, затем после дележа добычи самораспускались, и каждая разбойничья группа уже действовала самостоятельно, пока опять не последует от Зелимхана сигнал на новое дело. Наиболее постоянный состав шайки обычно включал от 3-х до 5-ти человек. Такая небольшая группа обеспечивала внезапность налета, быстрый отход и превращение в невидимок. После убийства брата и отца Зелимхан еще придерживался этого принципа, но, боясь предательства, стал еще чаще держаться от всех особняком. Помощник начальника Терского жандармского управления, курировавший Грозненский и Хасав-юртовский округа и Кизлярский отдел, в одном из своих совершенно секретных рапортов начальнику военного отряда полковнику Марганию доносил, что «Зелимхан в большинстве скрывается один, отстранив от себя всех единомышленников. Встреча же бывает лишь по приглашению их Зелимханом».[68]

В 1911 году терская администрация подвела первые итоги своей противоабреческой деятельности и по наведению общественного порядка в крае. Результаты были обнадеживающими, хотя и не столь внушительными, как этого хотелось. Десятки абреков были убиты, среди них немало знаменитых, еще больше преданы суду, а главное успешная борьба оказала сильное положительное влияние на умы и сердца простых мирян, уверовавших, что худо-бедно власти справляются с этим злом.

В апреле того же года начальник Терской области докла-

дывал Главнокомандующему Кавказскими войсками в Тифлис о проделанной работе и своими соображениями по дальнейшему ходу дела. «Благодаря настойчивым преследованиям, розыскам со стороны полиции и отряда и в немалой степени развитию агентурной службы, осуществилась возможность задержания и уничтожения многих более или менее важных абреков, оказывавших в свое время значительное влияние на статистику преступлений в области. Таковыми являются: Ахмат Бергиев, Абубакар Хасуев, Саламбек Гороводжев, Межит Тасуев, Ваха, Мехты, Сулейман и Магомет Ведзижевы, Ногай Джаватханов, Шамсу Зубаиров, Вагап Гониев, Саад Багарчиев, Туган Шидаков, Соси Госаров, Олуп Казыров, Юсуг Долатов, Хамит Джантиев, Афанасий Лукожев».

На отпечатанном в канцелярии правления начальника области рапорте генерал-лейтенант Михеев надписал: «Вместо этого списка напечатать другой при сем прилагаемый». В новом списке уже значилось не 18, а 28 абреков, из которых еще четверо были убиты в перестрелках при задержании, это – Сунди Госаров, Мусса Козырев, Исак Халгавов и Аюб Томаев.

Далее начальник области отметил, что успешные действия полиции и отряда оказали сильное впечатление на жителей, и что если и впредь их действия будут таковыми, результаты указанной работы «окажутся самые желательные, тем более что недавнее переселение нельхинцев и кекинцев в Сибирь внушило окружающим твердую уверенность в том, что укрывательство не проходит безнаказанно для виновных, а полиция, между тем, все равно доберется, рано или поздно, до укрывающих».[69]

Эти успехи вызвали не только «лихорадочный интерес» со стороны сельских обществ, но и желание самим «изыскивать более реальные способы к охранению необходимого всем спокойствия и порядка». В подтверждение приводятся примеры. Так, весь Назрановский округ по своей инициативе постановил о сформировании стражи из 100 человек для охраны территории округа от проникновения в него злоумыш-

ленников и похищенного скота. Затем некоторые участки Грозненского округа через своих доверенных постановили выделить путем самообложения 3000 рублей в распоряжение администрации для улучшения службы по борьбе с Зелимханом и прочими абреками.

Затем начальник области целиком сосредоточил внимание на Зелимхане. «В настоящее время, – писал он, – остается непойманным один Зелимхан, самый крупный, самый важный и зловредный абрек, по отношению которого... все меры, к сожалению, остаются пока тщетными... Но все таки точно установлено одно: Зелимхан чувствует себя крайне обессиленным и стесненным и потому окружает себя такой бдительностью и осторожностью, к каким он не прибегал ни разу за всю свою прежнюю практику. Лишенный двух ближайших и верных сотрудников своих: Аюба Томаева и Абубакара Касуева, вынужденный считаться с неослабевающими действиями отряда, покрывшего сетью команд все подозрительные и удобные для Зелимхана места, наконец, далеко уже не уверенный в прежних услугах со стороны жителей, предавших на его глазах упомянутых Аюба и Абубакара, Зелимхан буквально зарывается от всякого постороннего взора, стараясь жить в самом строгом уединении, подальше от родства и знакомства. С целью гарантировать себя от опасных случайностей Зелимхан никогда не остается в одном каком либо месте более одного-двух часов, в последнее же время он буквально избегает населенных пунктов и, ютясь в глухих и неприступных горных лощинах, довольствуется не совсем удобным для него, но более безопасным и таинственным в глазах населения одиночеством».[70]

Начальник области отметил и самые разноречивые слухи, которые ходят вокруг имени Зелимхана. Одни, например, утверждают, что он в Турции, другие – называют Дагестанскую область, третьи – Грозный и даже Владикавказ, либо что он в том или другом ауле. Наконец, немалая часть населения уверена, что Зелимхана уже вообще нет в живых. Михеев докла-

дывал Главнокомандующему и о состоянии души абрека №1 последнее время и указывал, что он сильно злобствует и никогда не помирится с той ролью, какая ему выпала в качестве загнанного и обессиленного абрека. Помимо этого Зелимхана не оставляет мысль о судьбе его семьи, заключенной в тюрьму, которую должны выслать вместе с нельхинцами и кекинцами, и ждет того удобного случая, чтобы тем или иным выступлением сорвать на ком либо злобу и восстановить поколебленную славу.

Зима с обильными снегами и холодом создавала большие неудобства в борьбе с абречеством. С другой стороны и теплое время года создавало администрации свои трудности. Для абреков же весна и лето – самый благоприятный сезон, так как в это время значительно повышается их подвижность, а в зеленке легче укрыться от преследователей.

Со времен Кавказской войны прошло уже почти полстолетия, но в памяти она была еще очень жива. Царские власти не исключали, что при стечении определенных обстоятельств, воздействии на народ мулл и кадиев или враждебных сил извне может повториться что-то подобное. Поэтому, чтобы обезопасить себя, они регулярно конфисковывали у горцев оружие. И не только огнестрельное, но и холодное – кинжалы, несмотря на то, что они были неотъемлемым атрибутом кавказской черкески. Вот одна из таких описей оружия, конфискованного за время с 4 марта по 9 июня 1911 года и сданного на хранение в оружейный склад 82-го пехотного Дагестанского полка: кинжалов простых – 53, в черной оправе – 47, лезвие от кинжала – 1; нарезных винтовок – 4, гладкоствольных системы Бердана – 7, пехотная винтовка – 1, карабин системы Бердана – 5, дробовых и кремневых ружей – 5, трехлинейная винтовка – 2 (одна отобрана у Аюба Томаева с 15 патронами), одноствольный пистолет-ружье – 2, револьвер системы Нагана – 3, системы Смита и Вессона – 13, системы Людвиг Леве – 1, системы Лепажа – 1, пистолет двухствольный – 1, пистолет одноствольный – 8, револьвер пя-

тизарядный – 1, пистолет шестизарядный (Бульдог) – 1 и т. д., патронов – 59. Итого: огнестрельного оружия – 73, холодного (кинжалов) – 101 и 59 патронов.[71]

Но главная задача военного отряда заключалась в разгроме абречьих банд и прежде всего Зелимхана, так как все были убеждены, что с его уничтожением абречество если не исчезнет совсем, то хотя бы значительно ослабнет. Самый пораженный абречеством район – это Веденский и Грозненский округа. Поэтому все внимание военного отряда было направлено на этот регион. Начальник Веденского округа Каралов попросил помощи у находившегося ближе всех к нему 3-ей сотни Дагестанского полка, дислоцированного на тот момент в Грозном. В секретном предписании говорилось, что сотню необходимо поделить на две части: первую полусотню направить в сл. Ведено, а другую вместе с начальником 3-го участка – в сел. Махкеты, причем обе полусотни должны были производить обыски в селениях Агешти, Таузен и во всех хуторах по пути следования. Вся дорога до места назначения и выполнение поставленной задачи заняли немало-немного почти 12 дней – с вечера 7 июня до утра 18 числа. Но результаты были нулевые: ни Зелимхана, ни других абреков они не нашли, хотя те орудовали в это время совсем рядом.

Начальник области, следивший за развитием событий, был настроен решительно. 16 июня 1911 года он направил срочное предписание начальнику военного отряда: «Начальник Веденского округа шифровал телеграммой: Пребывание Зелимхана обнаружено районе Харачой Зиверхи Ахкеты Командируйте сотню полка».[72]

Контроль за исполнением этого приказа взял на себя заместитель начальника области генерал-майор Степанов. К названному приказу он приложил для полковника Маргании сопроводиловку с более четкими указаниями. «С получением сего немедленно командировать надежную сотню в распоряжение князя Каралова, направив ее в с. Шали, якобы для

смены 5-ой сотни. Князю Каралову телеграфировано: распоряжение сделано. Сотня выступает в с. Шали. Встречную направить скрытно куда необходимо».[73]

Лазутчики почти ежечасно доносили, что Зелимхан «оперирует южнее Ведено, приблизительно в 20-25 верстах». Для большей убедительности один старик мехкетинец 16 июня заявил начальнику округа, что «Зелимхан отдул его нагайкой и потребовал к 23-му июня (четвергу) 300 рублей». Другой, житель сел. Зиверхи, заявил, что «18 вечером Зелимхан угнал из общественного табуна 3-х лошадей и взял в плен самого табунщика – его племянника».[74] Зиверхинец говорил, что табунщик был взят в плен с целью убить его, якобы, за доносы на Зелимхана.

К вечеру 19 июня к начальнику округа неожиданно явился сам пленник. Он рассказал, что утром на рассвете этого дня Зелимхан освободил его с двумя лошадьми, а сам направился на восток, взяв с собою одну лучшую лошадь. Начальник округа и командир сотни ротмистр Котиев вечером провели более глубокое дознание. Табунщик и родственники давали очень сбивчивые показания, вследствие чего дознаватели пришли к выводу, что лошадь или продана Зелимхану и табунщик ищет оправдание перед его хозяином и начальством или же просто демонстрирует свою непричастность.

Они подтвердили, что Зелимхан действительно недалеко в труднодоступных местах. О дальнейших своих действиях ротмистр докладывал начальнику военного отряда: «Передвигаться верхами по пересеченной и лесистой местности, без определенной точки и трудно, и опасно, а потому я и начальник округа решили высылать с вечера сильные пешие секреты станичные со стражниками на более серьезные пункты насколько это позволяет нам численность нашей силы. Если верить слухам, передаваемым людьми заинтересованными, Зелимхан желает втянуть нас в глубь гор или, желая навести нас на засаду, хочет воспользоваться этим временем и выйти на плоскость».[75]

На самом деле было не так. Зелимхан с пятью ингушами занял позицию в недоступной Чермой Ламе и оттуда стал рассылать свои требования. Одно такое он направил в сел. Харачой своим кровникам, в котором обязывал каждого кровника внести ему дань 170 рублей. Другое такое же послание было передано кровнику из сел. Махкеты Мааку Джамалуддину. Тот должен был внести ему 300 рублей. Но таких денег не оказалось, и родственники Маака – Тайсум и другие отправились в Грозный раздобыть требуемую сумму. Третье послание было связано с расползающимся по Чечне слухом о, якобы, его переселении в Турцию. Хотя автором слухов бывал и сам Зелимхан, на этот раз объявил населению, что «он решил умереть на родной земле и никому свою позицию не уступит». В новом неприступном укрытии абреки испытывали трудности с продуктами, но эту заботу на себя взяли пастухи. Доступ к Зелимхану, к облюбованной им Чермоевской горе, был только один – через гору Макажой.

Чтобы точно установить местонахождение Зелимхана, ротмистр Котиев 21 июня отправил в разведку своих лазутчиков-ингушей. На Чермой Ламе они разбились на несколько партий. Так как во время разговора с пастухами их выдавал ингушский акцент, им пришлось выслать на равнину двух бывших с ними проводников из чеченцев. До самого вечера ингуши ждали возвращения своих разведчиков, но, потеряв всякое терпение, сами двинулись вперед. В сумерках они узнали от одного пастуха, что их посланцы пленены Зелимханом. Ингуши бросились во все стороны на подмогу, но к их большому огорчению своих товарищей чеченцев нашли только в одних бешметах, все же остальное – винтовки, кинжалы, лошади, седла, отдали Зелимхану.

Так в деталях и блестяще продуманная операция была полностью провалена. Поздно вечером ингуши ни с чем возвратились назад. Командир сотни был расстроен от такого доклада. «В тот же миг, – доносил он начальнику военного отряда полковнику Маргании, – получив от меня указания,

одни вернулись на Чермой Лам, а другие отправились занять дорогу, по которой был возможен выход его на плоскость по правой стороне Шаро Аргуна. От этого места до Биной Ведено насколько позволяет наша сила, дороги заняты секретами, а за Чермой Ламой установлено тщательное наблюдение с охраной».[76] Далее текст обрывается.

Командир военного отряда Маргания поспешил сообщить начальнику области Михееву о положении дел на текущий момент и еще о чем-то многом, но настолько запутанно, что тот вынужден был как следует вразумить полковника. «При рапорте Вашем от 20 июня за № 68, – писал генерал Михеев по поводу его необстоятельных донесений, – представлена копия рапорта командира 6-ой сотни Дагестанского конного полка ротмистра Доногуева от того же числа за № 230, о месте пребывания абрека Зелимхана и о его дальнейших намерениях. Так как из помянутого рапорта не видно сделаны ли были Вами лично, по помещенным сведениям (агентурным – авт.), какие либо распоряжения, то не представилось возможным предпринять что либо с своей стороны. Вследствие этого, считая данный рапорт Ваш только напрасной потерей времени в ущерб делу, предписываю на будущее время представлять вполне ясные и не вызывающие недоразумений донесения».[77]

Несколько дней противостояния ничего не дали, и воинские части вернулись в свои казармы. А Зелимхан с друзьями в это время осваивал уже другие места в соседнем округе. Чеченцы не все жаловали Зелимхана и его шайку, как и другие. К тому же из страха понести наказание со стороны властей они иногда откровенно отказывали им в приюте. Тем более после грозного предупреждения генерала Степанова о том, что пособникам абреков не будет никакой пощады, будут строго судить и даже ссылать на каторгу. Но горцы не из тех, кого можно легко напугать, и Зелимхан сделал свой выбор на временное жительство. Выбор пал на хутор Цереты Варандийского селения 3-го участка Грознеского округа. Здесь

шайка провела шесть суток. Все это время их укрывали двоюродные братья Нажу и Дока (фамилии не установлены), а 13 июля 1911 года Зелимхан с шайкой из семи человек напал на почту возле Аргунского моста. Исполняющий обязанности помощника начальника Терского жандармского управления в Грозненском и Хасав-юртовском округах и Кизлярском отделе докладывал генералу Степанову: «Преступление это было совершено исключительно с целью причинить неприятность чеченцам, на коих падает ответственность за отказ в гостеприимстве и за доносы начальству. С этой же целью он намерен убить или пленить кого-либо из военных чинов в слободе Воздвиженской, а при случае и ограбить почту».78

После ограбления почты Зелимхан снова перебрался в Веденский округ. Несмотря на активную охоту за ним, его вернули сюда две не дающие покоя идеи – расчитаться с кровниками Боту Туртуевым и его братом и убить слишком усердствующего начальника округа подполковника князя Каралова. И он решил начать с того, что легче.

Боту Туртуев держал овец и пас их на пастбищах в Аллеровских горах. Управляться с отарой помогали ему сын Джими и наемный чабан Мужа Али Мамадиев. В один из июльских дней, когда баранта находилась рядом с границей Андийского округа, из близ расположенного кутана выехали четыре всадника. Подъехав к Мамадиеву и узнав у него, что отара принадлежит Боту Туртуеву, за которого в его отсутствие остался сын, всадники направились к нему. Один из них выступил немного вперед и, направив винтовку на юношу, сказал: «Я Зелимхан. Твой отец и дядя убили моего отца и брата, и я должен тебя убить».

Джими ответил всаднику, что он в той перестрелке не участвовал. «Тогда, – заявил Зелимхан, – я возьму тебя в плен». В тот же миг один из абреков связал Джими руки, а Зелимхан, трогаясь с места, крикнул Мамадиеву: «Скажи Боту, что я, Зелимхан, взял в плен его сына, и если он через 5 или 6 дней принесет мне 1500 рублей, то я освобожу его сына, а нет

я его убью», и уехал, захватив с собой Джими. Дорогой они встретили жителя аула Саурго Садуллу Мокакаева. Зелимхан и ему наказал передать Боту внести за сына выкуп в сумме 1500 рублей.

Абреки сначала везли Джими с открытыми глазами, но затем при приближении к конечному пункту они завязали ему их. Все дни кормили хлебом и сахаром. На ночь развязывали глаза, но перевязывали ноги. Так Джими провел три недели. На 21 ночь пленения Зелимхан подвел юношу к какому то плетню, связал ему руки и ноги, обвязал башлыком голову и велел сесть, а сам ушел, пообещав скоро вернуться, но так больше и не показался. Уходя, он забрал с собой бурку Ботуева, оставив его в одном бешмете. В таком положении Джими провел ночь. На следующий день он был найден проезжавшим мимо жителем сел. Дышн-Ведень Умажем Закраевым, который сообщил об этом стражнику в Ведено Гела Аматаеву.

Освобождение юноши прошло без выплаты выкупа. Причины, побудившие Зелимхана к такому поступку, неизвестны. Повидимому, безвинность юноши. На дознании все, кто был свидетелем пленения юноши, показали, что человек, который выдавал себя за Зелимхана, был мужчина среднего роста, 40 лет, с проседью. Был одет в черный бешмет, серую черкеску и рыжую папаху. Кинжал и шашка его украшены серебром, а сам он обвешан патронами. Под ним была черная лошадь. Зелимхану еще не было и 40, хотя нехватало всего-то несколько лет, но в условиях скитальческой жизни, недосыпаний и постоянного страха преследований он вполне мог сойти за этот возраст и даже больше.

Против Зелимхана в очередной раз было возбуждено уголовное дело по статьям 1540, 1545 и 1630 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», но ввиду его отсутствия, судебно-прокурорским надзором дело было приостановлено «впредь до его розыска или добровольной явки».

Абрек не скрывал и своего намерения. «Все чаще и чаще повторяются слухи о том, – докладывал Котиев начальни-

ку военного отряда, – что Зелимхан не покидает Веденский округ и во что бы то ни стало хочет убить начальника округа, по возможности скрытно, но если это не удастся, то открытым нападением… Весьма положительные агенты говорили мне, – продолжал он, – что Зелимхан принял присягу убить начальника Веденского округа, хотя бы он знал, что он сам тоже погибнет в этом деле».[79]

Отправив этот секретный рапорт по назначению 23 июля, ротмистр направил полусотню в сел. Элистанджи и далее по направлению гор, с тем чтобы установить там секреты, поскольку принесли известие, что знаменитый абрек должен пройти там. Котиев признается, что приходилось беспрерывно закладывать секреты то здесь, то там и на более отдаленные пункты. Но этого было недостаточно. «Докладываю третий раз, – писал ротмистр, – что необходимо усилить сотню в 25-30 человек при офицере».

Настойчивость Котиева вызвала адекватную реакцию у Маргании, который в свою очередь направил рапорт начальнику Терской области Михееву: «Представляя настоящий рапорт, без приказания В. Пр-ва я не могу ни единого всадника добавить к сотне, расположенной в Ведено, где стоят две пехотные роты и сотня конно-дагестанцев, хотя слабого состава и не может отразить мнимое нападение Зелимхана на Ведено, то для охраны вверенной В. Пр-ву области военный отряд нужен не в составе 4-х слабых конных сотен и одной пешей сотни, а целой бригады или дивизии».[80]

А в это время командир 6 сотни Дагестанского конного полка ротмистр Доногуев в доме дагестанца временнопроживающего в сел. Катыр-юрт Насипа Дарга оглы вместе с вахмистром Чеоровым и горожанином Атау Гаджиевым вел тайное совещание с шайкой Заурбека. О чем было совещание, документов на этот счет нет, но сам факт сближения военного представителя с абреками, наводит на мысль, что власти сумели войти в доверие к определенной части этих людей и привлечь их в качестве пособников, играя на чувствах не-

приязни друг к другу и соперничества, а возможно обещая и помилования.

Узнав об этой странной встрече, начальник 1 участка Грозненского округа Меркович сначала «справился об истине этого совещания» у Маргании, «а спустя некоторое время явился в сел. Катыр-юрт» и около часу ночи послал к Насипу урусмартановца Доша Баканаева, который стал допрашивать его: «был ли у него кто-либо из офицеров и нижних чинов Дагестанского конного полка» и был ли лично Доногуев, с кем и какую вели беседу. На все это Насип дал отрицательный ответ. Тогда Баканаев, как ему было приказано, потребовал от Насипа, явиться к самому начальнику участка. Агент Доногуева застал начальника участка сильно пьяным, который, несмотря на это, стал его допрашивать о том же. Возмущенный таким поведением Мерковича боевой офицер Доногуев 17 августа обратился к начальнику военного отряда Марганию с просьбой «войти с ходатайством перед начальником Терской области о воспрещении низшей администрации вмешиваться в мои секреты, ибо этим они приносят вред общему делу, но не пользу».[81]

Тогда же Зайнудтин Доногуев сообщил Марганию, что еще 11 августа с.г. состоялось «совещание Зелимхана с Заурбеком и, как сообщил ему агент, Зелимхан отвел того в сторону и что-то ему шепнул. О чем – Заурбек не сказал никому. «Но спустя несколько дней после того, – докладывал Доногуев, – был ко мне прислан Заурбеком другой агент, через которого и сообщил мне Заурбек тот секрет, который не мог мне сообщить первый агент. Этот секрет заключался в следующем: Зелимхан предложил Заурбеку убить старшину сел. Шали Атаева и придти на присоединение с ним».[82]

После свидания ротмистра Доногуева с Заурбеком И. и Даутом Д. в селении Катыр-юрт в ночь с 29 на 30 июня, вышеназванные два абрека взяли с собой бывшего при ротмистре вахмистра 5 сотни Дагестанского конного полка юнкера Тагира Чеорова, который их сопровождал до Ведено, и въехали

на нанятом фургоне в Веденский округ. Здесь они нашли Зелимхана в окружении исключительно ингушей Азамата Астемирова, Эльберта и Иналха Эндыркаевых, Османа Умаханова, Дашлыко и Девлет-Гирея Даутиева. Вахмистр был взят ими с целью свободного проследования туда и обратно в Грозный, чтобы местные власти и войсковые части не задерживали их в пути. Зелимхана должны были взять 2 июля вечером или 3 утром, но этого делать не стали – мешало большое окружение людей.

2 июля Заурбек и Даут с вахмистром вернулись в Грозный и стали делиться увиденным: Зелимхана с ингушами они оставили в горах близ селения Сержень-юрта; провизию им доставляли серженюртовцы братья Омар и Хаси Басировы и один харачоевец (фамилия неразборчива – авт.). Во время поездки Заурбека и Даута в Катыр-юрт для переговоров с ротмистром Доногуевым, названные серженюртовцы были арестованы начальником Веденского округа за то, что Зелимхан пользуется у них гостеприимством. Их арест и охота жителей Веденского округа за Зелимханом последовали главным образом вследствие последней угрозы ст. пом. начальника области генерала Степанова. Это лишило Зелимхана единственной надежной продовольственной базы. Поэтому ингуши предложили ему временно, пока не настанет затишье в Чечне, перейти с ними в горную Ингушетию, в частности, в Цори и Нельх, что они и сделали, и пробыли там с 30 июня по 1 июля. А вечером 2 июля Даут и Заурбек выехали из Грозного в Катыр-юрт. Там им были предложены верховые лошади. «Оттуда, – докладывал Маргания в правление Терской области Степанову, – они поедут за Зелимханом, и сегодня, 3 июля, рассчитывают с ним соединиться. Соединившись, убьют, где на лошадях, где на колесах привезут его в Грозный, где и желают получить все обещанное им. По их мнению, они свое предательское дело разыграют в течение 3-х или 5-ти дней, считая со дня их выезда из Грозного, т.е. со 2 июля».[83] Заурбек и Даут очень просили освободить хотя бы временно

арестованных братьев Омара и Хаси Басировых, а также харачоевца, так как они очень на них рассчитывают, если вдруг Зелимхан из горной Ингушетии повернет обратно в Чечню.

Препятствовать перемещению Зелимхана с шайкой в Назрановский округ начальник военного отряда не стал, «боясь, – как он говорит, – помешать операциям Заурбека и Даута, так как поимка Зелимхана в настоящее время сделалась яблоком раздора между почти всеми административными и высшими властями».[84] 30 июня в горы, в Ассиновское ущелье, инкогнито выехал пристав Малышев. Его приезд туда совпадал с приездом Зелимхана, и Маргания волновался, как бы он не помешал операциям партии Заурбека и не спугнул Зелимхана. Волнения начальника военного отряда не были напрасными: Зелимхан и на этот раз ушел.

В поле действий военного отряда как первоочередная задача входила также охрана железной дороги и всех ее производственных и служебных объектов. Они не раз становились предметом искушения абреков. 16 июля 1911 года начальник Владикавказского жандармско-полицейского управления полковник Вальден направил начальнику Грозненского жандармского отделения депешу, в которой указывал, что по полученным сведениям абрек Зелимхан с шайкой в недалеком будущем предполагает нападение на почтовый поезд между разъездом Аргун и ст. Гудермес в черте земель станицы Кахановской и приказывал принять необходимые меры. Как свидетельствуют документы, выбор места нападения около станицы объясняется тем, что Зелимхан очень боялся настроить против себя соплеменников, среди которых и так было у него много кровников. Он знал, что в случае ограбления поезда в черте чеченских или ингушских сел, ответственность могут понести и их невинные жители, за что он обязательно будет проклят ими.

Железная дорога стала предметом особой заботы еще и потому, что поездом № 3, отходящим из Петербурга 26 июля отправлялись 8.350.000 рублей кредитными билетами для

усиления Армавирского, Асхабадского и Бухарского отделений Государственного банка. В связи с этим сенатор Ватаци просил начальника Терской области принять чрезвычайные меры охраны пути следования означенных ценностей по железной дороге на Баку. Меры были приняты тут же. Полковник Маргания получил приказ экстренно организовать воинскую охрану указанного поезда «чинами военного отряда (независимо от наряда и войск)» с тем, чтобы от Минеральных вод и до Петровска его обязательно сопровождал один офицер. Тогда же было предписано атаману Кизлярского отдела принять меры охраны железнодорожного пути между разъездом Аргун и станцией Гудермес в юрте Кахановской станицы.

Наряду с усердием большинства военных и гражданских служащих, были случаи расхлябанности и халатного отношения к делу. 7 июля на родине знаменитого абрека в селении Харачой произошло вооруженное столкновение военного секрета с Зелимханом., в котором был убит стражник урядник Магомет Хадисов. О подробностях этого боя было доложено в Тифлис, в Кавказский военный округ. В штабе округа, изучив обстоятельства и ход столкновения, были возмущены безответственностью и неумелыми действиями занятых в нем лиц. В докладе штаба и в спущенном циркуляре обращалось «внимание на несоответствие обстановке действия начальника Веденского округа подполковника князя Каралова, которые привели к полной неудаче и печальным последствиям, а также на возмутительное поведение всех должностных лиц, назначенных в секрет для выслеживания и задержания Зелимхана».[85]

Команде, сформированной подполковником, было отдано приказание о порядке следования ее к месту разведки с указанием вполне определенной задачи, выполнение которой возлагалось на секрет, а именно обнаружить местопребывания Зелимхана и уничтожить его вместе с шайкой. Однако, указывалось далее, для выполнения такого серьезного

поручения Караловым был выслан секрет к месту назначения не под командой и общим руководством какого либо опытного участкового начальника или офицера охранной стражи, как это следовало бы сделать, а под наблюдением старшего в нем урядника Хадисова, благодаря чему секрет, не имея во главе авторитетного начальника, с самого начала своих действий уклонился от поставленной ему задачи и вопреки отданному категорическому приказанию, отправился без всякой на то надобности в сел. Харачой, куда раньше того отлучился из состава команды старшина этого селения Азарсанов и несколько человек из партизан. Опасения штаба были не напрасны: Азарсанов и сопровождавшие его партизаны опередили команду с той целью, чтобы предупредить Зелимхана и его друзей.

Во-вторых, внезапно столкнувшись с абреками и сразу же потеряв руководителя, команда пришла в полное замешательство и, не оказав должного отпора противнику, открыла по абрекам беспорядочный огонь, «вследствие чего, отмечалось штабом, дальнейшее вялое и нерешительное преследование злоумышленников свелось лишь к бесцельным розыскам следов ускакавших абреков. Резкая оценка была дана и поступкам старшины Азарсанова и начальника участка кн. Эльдарова. Прибыв к месту происшествия только по окончании стрельбы (а Эльдаров вообще явился только на второй день), они не приняли вместе с сбежавшимся народом никаких мер к задержанию скрывшихся всадников и не попытались обрезать следы абреков вокруг селения, «благодаря чему последние оказались окончательно утерянными». По этим фактам было возбуждено уголовное дело, привлекались вышеназванные лица, началось следствие, но чем оно закончилось, неизвестно: в архивах не удалось обнаружить материалы об окончании следствия и приговоре суда.

9 августа произошло еще одно столкновение. И таких случаев было очень много, так как Зелимхан и его друзья не

всегда знали места расположения секретов. На этот раз оно произошло в Аржихоевском ущелье. И опять зелимхановцы ушли невредимыми. Поиски их давали самые разноречивые сведения. Начальник Веденского округа сообщал Марганию, что два его агента видели 13 августа, как из сел. Нижелой проехала через Аргун в сел. Шалажи 1 участка Грозненского округа туземная арба, запряженная двумя волами, на котором лежал больной или раненый человек. Погонщиком на этой арбе сидел, как им показалось, переодетый в женское платье мужчина. В этой же арбе они заметили три винтовки, а к арбе были привязаны два быка, вслед за которыми шли два чеченца проводника, один из которых был житель Нижелоя Атабай, бывший в ссылке. По предположению агентов на арбе везли самого Зелимхана, раненого в перестрелке, а возможно и его товарища.

Начались поиски и дальнейшая слешка. Каралов обратился к Марганию с просьбой установить секретное наблюдение за лекарями, проживающими в сел. Валерик Эльмурзой, его братом Лаки и их двоюродным братом Сардалом Хаджи. Возможно, это наблюдение откроет местонахождение раненых в Аржихоевском ущелье, так как, по предположению агента, раненые пользуются услугами этих лекарей.

Однако все это была ложь, догадки. Вся информация об абреках в спешном порядке поступала как в правление Терской области, так и к начальнику военного отряда. Ротмистр Котиев докладывал последнему, что его два агента – один 15 августа, другой 18 августа – встречались с Зелимханом. От них достоверно известно, что он жив-здоров, продает лошадей и седла и ищет заграничный паспорт. На этом же рапорте, повидимому рукой самого Маргании, написано: «Достоверно известно, что Зелимхан не ранен, ибо 15 и 18 августа с ним разговаривал близ сел. Новые Алды и хутора у сел. Урус-Мартана один из наших агентов. Другой же агент с ним разговаривал 19 августа в казенном лесу в 4-х верстах от аула Серженьюрта. Равно по сведениям тех же агентов не подтверждается

появившаяся в газетах версия о поранении ингуша Дашалко, которого оба раза видели с Зелимханом».[86]

Непрекращающиеся грабежи, разбои, убийства стали чуть ли не главным социальным злом. На Северном Кавказе росло недовольство, в том числе среди самих соплеменников. Не стало это нравиться и оппозиционной части религиозного толка – шейхам, мюридам, кадиям, и они были готовы оказать властям помощь в борьбе с абреками. Об одной такой отвергнутой попытке рассказывает тот же Доногуев. 14 августа был у него агент из Автуры Баммат-Гирей-Хаджи Митаев и сообщил ему, что недавно он ездил в Ведено, говорил с начальником округа князем Караловым о том, что, «как сам Хаджи, так и его мюриды, хотят всячески оказывать содействие администрации для задержания Зелимхана, на что он ответил, чтобы Хаджи никакие меры в этом направлении не принимал, а сидел бы дома. Что мне теперь делать? С Вашего разрешения я пустил было в ход своих мюридов, а князь Каралов мне приказывает не вмешиваться в это дело?».[87]

В данном случае налицо осторожность со стороны администрации. Трудно сказать, напрасны были эти опасения или нет, но с другой стороны военный отряд наращивал свою активность. Его начальник полковник Маргания 18 августа направил ротмистру Дагестанского конного полка Долидзе, чей отряд занимал одну из ключевых позиций, предписание, в котором требовал вменить в обязанность начальникам постов Ведено, Ца-Веден, Махкеты и Эрсеной изучить подробно все дороги и тропы, идущие от этих пунктов во все стороны на расстоянии 20 верст, равным образом дороги и тропы, ведущие от одного поста к другим, и произвести маршрутные съемки, «дабы начальники постов и урядники сами без проводников знали бы дороги». Он потребовал также наметить каждому посту пункты, где должны выставляться на ночь секреты, которые в свою очередь должны постоянно меняться.

Маргания отметил, что офицеры на засады не идут, а посылают урядников. Это недопустимое нарушение правил

службы. Засада может быть надежной только при офицере. Поэтому в тех постах, где есть по два офицера, начальником заставы должен быть обязательно офицер, а где один, он должен чередоваться с вахмистром или полковым юнкером и урядником. Начальники постов должны вести дневники о засадах и разъездах. В Махкеты, как в самый отдаленный и важный пост, следовало командировать штаб-ротмистра Шамсудина Доногуева (родной брат командира 6 сотни Дагестанского конного полка ротмистра Зайнутдина Доногуева). При отправке на засады Долидзе должен был просить начальника округа и сельских старшин подключать к ним надежных чеченцев, которые на своем языке могли спросить всякого подходящего к засаде человека, чтобы не перебить невинных людей. Ему вменялась также обязанность отправлять Марганию донесения, а в экстренных случаях телеграммы обо всех столкновениях и происшествиях с постами, о месте пребывания Зелимхана.

Сам же Маргания, получив сведения, что Зелимхан, теснимый в горной части Веденского округа, спустился на плоскость Грозненского округа ближе к железной дороге, временно передвинул Шалинский пост в Устар-Гордой на Аргун. Уверяли даже, что 4 дня назад он был в ауле Новые Алды и с одним из своих сподвижников обсуждал план своего выступления. Маргания допускал, что с усилением облавы на Зелимхана в Веденском округе он может уйти в Андийский округ и горную часть Грозненского округа, а для совершения выступления – в районы Бачей-юрт, Гудермес и даже ближе к городу Грозному. Вместе с тем начальник военного отряда в случае, если у Долидзе или у начальника округа окажутся достоверные сведения о том, что Зелимхан все еще в районе сл. Ведено, обещал возвратить назад Шалинский пост и даже усилить все другие посты Веденского района полусотней ротмистра Мусалаева

С целью взаимодействия и более оперативного решения задач между командами постоянно поддерживалась нароч-

ная и телефонная связь. Но, к сожалению, и она зачастую не давала никаких результатов. 27 августа 1911 года ротмистр Котиев передал командиру 5 сотни Дагестанского полка ротмистру Хабаеву, что, как донесли ему его агенты, Зелимхан с товарищами из 8 человек 28 августа пройдет по контролируемой им территории из Херстен-Корта в сел. Бачи-юрт. Хабаев отобрал из сотни 20 всадников и в 4 часа утра 28 августа выступил по направлению к сел. Курчалой и Гельдыген. Пройдя Курчалой, ротмистр разделил команду на 2 части по 10 человек в каждой и устроил 2 засады: одну, – пройдя 7 верст на Кочерыжки, другую – между Гельдыгеном и Кочерыжкой, в месте соединения дорог. Пробыв в засаде до самого вечера и ничего не обнаружив, команда в 7 часов вечера вернулась в места расположения.

Мы уже отмечали, что как окружение Зелимхана, так и некоторые агенты администрации, делающие вид, что преданно служат властям, помогали Зелимхану, сознательно вводили заинтересованных лиц в заблуждение, распуская самые невероятные слухи. Это всю терскую администрацию и воинские части держало в постоянном напряжении, заставляя делать большие напрасные траты средств и времени. Вышеприведенный факт тому подтверждение. А вот еще такого рода примеры: 30 августа тот же Котиев сообщил начальнику военного отряда, что повсюду ходят «слухи, что он (Зелимхан – авт.) находится в 3 и 4 участках: одни говорят, что покупает лошадей, другие – что нет, напротив – продает своих и ищет паспорт, а третьи – что запрятался на время у родни».[88]

Во время засад случались всякие эпизоды, на первый взгляд ничего не значащие, но свидетельствующие о том, что жизнь в этом неспокойном крае никогда не утихает, она в любое время суток насыщена и полна любых неожиданностей, за которыми стоят свои причины и интересы. И ночь в этом отношении – самое удобное время. Если нападения на воинские части и разбои совершались преимущественно днем, то темная ночь становилась свидетельницей разного рода хи-

щений и тайных сходок. Зелимхан часто, особенно во время уразы посещал могилы отца и брата, которые находились в семи верстах от сел. Бачей-юрт. Зная об этом, старшина Бачей-юрта вместе со стражниками отправился к могилам и устроил там засаду. На рассвете показалась арба, в ней сидел житель этого села чеченец Ваача Батаев. Когда арба была уже рядом, старшина решил выйти из засады. На вопрос: куда едет, Ваача ответил, что за дровами. Старшина ему не поверил, так как это было в праздник, в пятницу, но все же отпустил его. Позже старшина узнал, что аробщик был выслан Зелимханом для разведки и был предупрежден им о нахождении на кладбище засады. Он также узнал, что примерно тогда же Зелимхан был в Бачей-юрте и передал его жителю Кади Гакаю харачоевскому 50 рублей для раздачи бедным. Но для старшины показалось подозрительным и то, что Ваача Батаев всегда – и днем, и ночью – без дела слоняется около 5 сотни, что приводило его к мысли, а не следит ли он за действиями сотни по заданию Зелимхана.

Командир 5 сотни ротмистр Хабаев,учитывая это обстоятельство, в спешном порядке с той же самой целью – изловить или уничтожить Зелимхана – в ночь с 25 на 26 августа устроил недалеко от могилы отца абрека свою засаду. Вдруг в одиннадцатом часу вечера с противоположной стороны села Бачей-юрт раздался выстрел, а спустя полтора часа к могилам подошли три чеченца. Они долго о чем-то говорили между собой, потом стали осматривать местность. Это дозор, высланный Зелимханом, подумал ротмистр, и тут же раздался предательский шорох со стороны засады. Это насторожило чеченцев, они умолкли и даже стали отходить. Предположив, что засада обнаружена, Хабаев подал команду задержать их. Один из них оказался чеченцем, два других были ингушами, и все при оружии. На вопрос, почему они в такую пору оказались здесь, оправдывались тем, что искали затерявшийся скот. Через какое-то время с той же стороны, что и первый раз, снова раздался выстрел, на что задержанные привстали.

Один из них покачал головой и что-то сказал другому, а когда Хабаев спросил их, что это значит, они ничего не ответили, что заставило ротмистра предположить, что это был условный знак, на который задержанные не смогли ответить. С наступлением утра задержанные с оружием были переданы начальнику 1 участка Веденского округа.

У каждой из противоборствующих сторон имелась хорошая разведка, а у Зелимхана были еще и дезинформаторы, которые при случае наводили преследователей на ложный след. Вообще, если сравнивать, кого больше: тех, кто симпатизирует Зелимхану, или тех, кто готов сдать его властям, даже если взять его многочисленных кровников, то первых окажется гораздо больше. И тому немало доказательств. Гибель отца Гушмазуко, брата Солтамурада, а затем и ранение самого Зелимхана у чеченцев вызвало чувство глубокого сопереживания. Многие даже решили отомстить за них. Так, например, махкетинцы в числе 6 человек, узнав однажды, что штабс-ротмистр Шамсудин Доногуев – родной брат ротмистра Зайнудтина Доногуева вызван в Ведено, устроили ему засаду, но опоздали. Обратно Доногуев возвращался другой дорогой, так как был уже предупрежден. Из симпатий к Зелимхану в первый день гибели его брата были заперты все лавки, их хозяева объявили бойкот властям, а аварцам и чеченцам, у которых на постое были солдаты, предлагали выгнать их.

Еще одно дерзкое нападение, на этот раз на дорожную комиссию, совершил Зелимхан в ночь с 15 на 16 сентября 1911 года. Комиссия должна была произвести плановый осмотр дорог от озера Эйзенам на Ведено и Грозный. В нее входили инспектор Кавказских путей сообщения, представители от Военного ведомства и Государственного контроля – всего 4 человека. По этому случаю начальник работ Дагестанского отделения, статский советник, инженер М. Орловский писал начальнику военного отряда: «Ввиду того, что проезд на всем вышеуказанном протяжении не безопасен благодаря извест-

ному разбойнику Зелимхану, имею честь покорнейше просить Ваше высокоблагородие не отказать в назначении надежного конвоя из нижних чинов конно-дагестанского полка в таком количестве, в каком это найдете необходимым для безопасности проезда вышесказанной комиссии».[89]

Новость не стала секретом. Она быстро облетела все окружение и дошла до Зелимхана. В состав этой комиссии входил также инженер Юцевич, известный как очень богатый человек. Это и привлекло внимание Зелимхана к комиссии. Кажется, появилась возможность добыть деньги и кое с кем свести счеты. Он хотел пленить Юцевича и получить за него хороший выкуп, а если удастся, то и произвести обмен пленников на свою семью. 28 августа абрек с пятью товарищами явился в дорожную сторожку и говорит дежурному:

– Я знаю, на днях будет ревизия шоссейной дороги, и комиссия будет здесь в сторожке. Если ты мне не дашь знать, то тебе смерти не миновать. Скажи, когда сюда приедет дорожный мастер?»

Сторож ответил, что ничего определенного сказать не может. После этого абрек потребовал:

– Если до 30-го он не приедет, я пришлю человека, которому ты вызовешь его. И еще передай Селимову, что если он о времени прибытия этой комиссии мне не даст знать, я его убью.[90]

О том, что Зелимхан уже охотится за комиссией, Кибиров узнал, как он говорит, от близкого ему человека, родственника Зелимхана. Этим родственником оказался тот самый Ца-Веденский дорожный мастер, которого искал абрек. Поручик в то время стоял с полусотней в сел. Ца-Веден и жил в доме Селимова. Селимов – закадычный друг Зелимхана, находился в постоянном общении с ним, пил запоем, и однажды, будучи сильно пьяным, проговорился Кибирову, что Зелимхан на этих днях под вечер подъехал к будке, расположенной на перевале за Каричаем, вызвал сторожа будки и имел с ним разговор. О чем он был, мы уже знаем. Утром следующего

дня поручик Кибиров сообщил о сведениях, полученных от своего агента, начальнику военного отряда. В рапорте он просил уговорить инженера, чтобы тот из-за этого слуха не отложил свою ревизию, а самому Кибирову было разрешено переодеться и поехать с комиссией, взяв с собой человек 8-10 из своей команды пешими «в виде чинов комиссии на фургоне, авось попытается напасть. Я слышал, он намерен взять комиссию в плен». Затем Кибиров попросил начальника отряда строго держать эти сведения в тайне. Не дай бог, если кто нибудь проговорится Селимову об этих планах, ибо Селимов – ярый приверженец Зелимхана, и тогда все дело пропало. Пока ждал дальнейших указаний, Кибиров установил осторожное наблюдение за человеком, которого должен прислать Зелимхан за мастером. Но он не знал, поможет ли его задержание или расстроит план.

С целью проверки полученных сведений 31 августа полковник Маргания вместе с Долидзе зашел к инженеру Юцевичу, живущему в Грозном и ведающему шоссейной дорогой на участке Грозный – Ведено – Эйзенам. Юцевич сказал, что Зелимхан действительно хочет его пленить, и добавил: К моему несчастью кто-то ему сообщил, что я богатый человек.

Относительно комиссии инженер сказал, что она прибывает в Шуру 2 сентября. Маргания решил присоединить к комиссии команду всадников для ее охраны, а главное для уничтожения Зелимхана в случае его нападения. При этом просил все это держать в большом секрете и не брать в состав комиссии Ца-Веденского дорожного мастера Селимова, родственника Зелимхана, «могущего играть в этом деле двойную роль».

Более других информированный Кибиров делился своими соображениями с начальством. Он говорил, что если случится нападение, то оно должно произойти на Царской дороге в районе караулки (будки), находящейся в 12 верстах от Ведено и в 5 верстах от сел. Харачой. Такого же мнения были Маргания, и Каралов. Они также считали, что нападение

должно случиться между озером Эйзенам и сел. Харачой, в районе, представляющем все удобства для нападения: прилегающая местность сильно пересеченная, покрыта лесом и близка к местонахождению Зелимхана близ сел. Харачой, где чеченское население вполне ему сочувствует.

Со всеми этими делами совпал и приезд наместника. 4 сентября с ночным поездом Маргания выехал на ст. Минеральные Воды для встречи наместника на Кавказе, возвращавшегося из Петербурга в Тифлис, а ротмистр Долидзе отправился в Петровск и далее в Темир-Хан-Шуру, где находился сборный пункт дорожной комиссии. На следующий день в поезде наместника адъютант Маргании подъесаул Федюшкин доложил своему начальнику, что Орловский настоятельно просил ввиду скорого приезда комиссии не отказать в назначении надежного конвоя и в случае согласия сообщить ему в Темир-Хан-Шуру, а он, Орловский, будет телеграфировать из Хунзаха о дне приезда комиссии к озеру Эзенам. 6 сентября Маргания сообщил Орловскому, что командовать конвоем назначен ротмистр Долидзе, который со всадниками из Шуры будет сопровождать комиссию до самого Грозного. Комиссию действительно сопровождали 12 солдат Долидзе, которые, как предлагал поручик Кибиров, сходили за рабочих подрядчика. Это были, как свидетельствуют сотенные командиры, «лучшие стрелки и вполне соответствовали требуемым качествам».

Зелимхан всем вскружил головы. Постоянная слежка за ним и большая агентура стали источником многочисленных сведений, как действительных, так и ложных. Вот и теперь в период подготовки сопровождения комиссии они набегали одна на другую. От генерала Степанова Долидзе получил сообщение, что Зелимхан хочет пленить на ст. Слепцовской богатого грека-ссыпщика. Но тут же вслед за этим агент ротмистра Доногуева передал, что абрек собирается «сделать выступление», чтобы обеспечить себя необходимыми финансами, и вместе с ним, являвшимся одновременно и агентом

Зелимхана, отправиться в Сибирь, чтобы выкрасть свою семью и уехать в Турцию. Уже по этому донесению этого слуги двух господ жертвой нападения должен стать один из богатых казаков ст. Ермоловской, у которого около 4 тысяч наличных денег.

Полковник Маргания сообщил об этом атаману Кизлярского отдела, лично донес Степанову, корнету Дагестанского конного полка Шрамченко и приказал Долидзе отправиться в Ермоловскую, выбрать там место для засады со стороны Чечни.

Что касается Зелимхана, то он приказал агенту Доногуева в недельный срок разыскать того казака ст. Мекенской, который был в работниках у богатого казака и говорил, что у него есть деньги. Казак-работник не разыскивается, и абрек снова посылает агента за ним. Когда и повторные поиски не дали результата, Зелимхан ушел в горы. А вскоре 4 сентября в апартаменты начальника Терской области и в военный отряд пришла весточка, что в самую главную шайку внедрился ингуш Назрановского округа, на которого возлагались надежды, что он убьет Зелимхана, относящегося к нему с большим доверием. Этому внедрению придавалось настолько важное значение, что неким официальным лицом было доложено начальнику области Михееву и его помощнику генералу Степанову о том, что «Зелимхан уже убит и тело его лежит во льду, в ожидании предварительно получить 8 тысяч обещанных за голову Зелимхана».[91]

Об этом было доложено и наместнику на станцию Минеральные Воды, где в это время он находился проездом.

Но 6 сентября осторожный Зелимхан обыскивает этого ингуша, находит подозрительные лекарства и талисман и прогоняет его от себя. Ингуш, убежденный в том, что осуществить замыслы больше не удастся, взял двух земляков-ингушей, которых привел с собой в шайку, и возвратился в свои места, а Зелимхан остался в горах Веденского округа с

братом Бийсултаном и еще одним андийцем. Других товарищей тогда у него не было. Но это ни о чем не говорит: в нужный час Зелимхан мог завербовать какое угодно количество сподвижников из числа абреков и сочувствующих чеченцев, готовых принять тайное участие в любом его предприятии.

12 сентября Зелимхан присылает к ингушу-агенту своего родственника передать ему, что он пока отказывается от поездки в Россию, а его приглашает принять участие, не говоря, куда и на что, в новом разбое. Для этого он наказал ему сварить 50 яиц, зажарить двух кур, припасти достаточное количество хлеба и приготовить коня. Однако в тот же день вслед за родствнником он прислал гонца из сел. Старые Атаги передать ингушу, «что он разуверился в его дружбе, ибо он агент русских, и больше с ним никакого дела иметь не желает». На вопрос агента, где сейчас находится Зелимхан, тот ответил, что сегодня на рассвете выехал на Шаложинские хутора и намерен произвести ограбление одного из хуторян-овцеводов в юртовых наделах станицы Червленой или Мекенской.

Получив эти сведения, начальник отряда Маргания вместе со своим адъютантом подъесаулом Федюшкиным вечером 14 сентября прошел к начальнику гарнизона генералу Майбороде и попросил приготовить две сотни 1-го Кизляро-Гребенского полка в свое распоряжение. Одновременно в сел. Шаложи был отправлен агент, чтобы проверить, действительно ли Зелимхан там. Если да, то агент должен вернуться в Урус-Мартан, где его будет ждать 2 сотня Дагестанского полка, вызванная туда к 15 числу. По получении положительных сведений от командира сотни штаб-ротмистра Мусалаева, добытых агентом в Шаложи. Маргания должен будет с двумя сотнями 1 Кизляро-Гребенского полка и полусотней 6 сотни Дагестанского полка, присоединив в пути полусотню 2 сотни Дагестанского полка из сел. Урус-Мартана, окружить на рассвете Шаложи и его хутора.

Вся вышеприведенная суета и сношения военного начальства в итоге оказались по существу напрасными. Ровно

в половине первого ночи с 15 на 16 сентября временно командующий Дагестанским полком подполковник Кобиев передал Маргании по телеграфу, что «на границе Веденского и Андийского округов разбойниками команда конно-дагестанцев с Долидзе перебита. Инженер Орловский и три ямщика убиты. Полковник Чикалин взят в плен».[92] Начальник военного отряда, как и положено, срочно сообщил о случившемся по команде, а Котиев и Каралов приказали всем постам перекрыть пути отступления абреков.

Работа комиссии была обставлена сложностями, связанными с пересеченной местностью, и затягивалась. В это время за ней внимательно следил Зелимхан. На одном из поворотов малого Керкетского перевала он устроил засаду, удобную для себя на неприступной скале в зарослях и совсем неудобную для противника из-за открытости местности. Чтобы не навлечь гнева начальства на Чечню, Зелимхан со своей шайкой расположился на границе с Дагестанской областью, но откуда просматривалась вся дорога.

В пути между станциями Кизляр и Леваши инженером Дагестанского отделения Кавказского округа путей сообщения инженером Орловским, проводившим там ремонтные работы, была получена с нарочным телеграмма от начальника 4 дистанции инженера Юцевича с просьбой дождаться его приезда, так как он везет секретную бумагу чрезвычайной важности. В бумаге начальника военного отряда сообщалось, что на комиссию шайкой Зелимхана готовится нападение в районе Керкетского перевала у форельного озера, вследствие чего выслан отряд под начальством ротмистра Долидзе с 12 рядовыми Дагестанского полка. Прибывший вместе с Юцевичем ротмистр Долидзе сообщил, что для отвлечения внимания Зелимхана дагестанцы едут на подводах под видом рабочих подрядчика. Уже в Ботлихе поздно вечером комиссия получила донесение от дорожного мастера третьей дистанции Саида Селимова, что у Керкетского перевала замечена шайка из 10 абреков. В

7 часов утра следующего дня, 15 сентября Долидзе послал из Ботлиха в Ведено начальнику округа телеграмму на грузинском языке русскими буквами. В ней говорилось: «десять конных разбойников ждут нас около озера». И далее он просил передать Котиеву, чтобы тот выслал к форельному озеру 20 человек конных дагестанцев, чтобы в случае, если между шайкой и отрядом завяжется перестрелка, они не дали ей уйти, отрезав путь отступления. В этот же день неожиданно заболел (на этот раз на свое счастье) инженер Юцевич и остался в Ботлихе, а по дороге вышли из строя фургоны, и пешая охрана пересела на фаэтоны, высланные из Ведено.

Телеграмма Долидзе поступила к Каралову во втором часу дня. Ознакомившись с ней, подполковник Каралов и ротмистр Котиев направили на перехват Зелимхана и его сподвижников во много раз больше людей, чем просил Долидзе. Чтобы на этот раз наверняка взять Зелимхана, было сделано распоряжение: 1) полусотне, квартирующей в сел. Харачой под командой поручика Гасанилова, немедленно выступить по Царской дороге к озеру Эзенам; 2) полусотне, квартирующей в сл. Ведено под командой ротмистра Котиева выступить вслед за поручиком Гасаниловым.; 3) полусотне, квартирующей в сел. Мехкеты под командой штабс-ротмистра Доногуева выступить в горы и занять командную высоту по дороге к озеру; 4) полусотне, квартирующей в сел. Сержень-юрт под командой поручика Доногуева выступить по Царской дороге к Арджиаховскому ущелью и, пройдя сел. Эшельхот, закрыть дорогу, идущую в горы; 5) полусотне, квартирующей в сел. Ца-Ведень под командой поручика Кибирова прибыть в Шамилевский хутор и оттуда подняться на Чермой Лам к Завирхи и там загородить предполагаемый путь отступления; 6) команде, составленной из партизан 1 участка и стражников веденской охранной стражи под командой прапорщика Гамиева, занять дорогу, идущую из Дышни-Веден в Ца-Веден, и 7) секрет из добровольцев под командой старшины Эрсе-

ной Абдулхана Чопалаева занять дорогу, идущую из хутора Харачоя в Дарго.[93]

Всем им была дана одна общая задача – перекрыть пути отступления разбойников, предоставив командирам «в остальном действовать самостоятельно и по их инициативе.» Но проявить инициативу ни одной из команд не пришлось. Совершив нападение на дорожную комиссию и ее военное сопровождение, Зелимхан с остатками своей шайки ушел от преследования по только им известным тропам, но вскоре вновь нарвался на одну из засад, удачно расставленных по всему периметру Керкетского перевала. Зелимхан проиграл и второй бой, причем с бегством, оставив в качестве трофея врагу только что погибшего братишку Бийсултана.

А вот как все происходило. Подъехав к караулке, расположенной на вершине Мемено Керкетского перевала, «мы, – показал позже на дознании член комиссии инженер подполковник Чикалин, – остановились на четверть часа, дабы произвести осмотр работ и дать время дагестанцам исполнить намаз. Затем ротмистр приказал нескольким рядовым идти вперед для осмотра местности, но так как мы двинулись тотчас же, то немедленно догнали высланных вперед и, чтобы не задерживать движение, приказал им сесть в фаэтон. Впереди ехал фаэтон с 5 рядовыми, вслед за ним на расстоянии 50 шагов фаэтон, в котором сидел я и контрольный чиновник Ворченко, с рядовым на козлах, – далее следовал фаэтон с инженером Орловским и ротмистром Долидзе, тоже с рядовым на козлах, последним ехал фаэтон с 5 рядовыми».[94]

Бой завязался на 10 версте от форельного озера к Ботлиху в 2 часа дня. Не успела комиссия отъехать от караулки и 100 саженей, как из-за бугра, находящегося у первого поворота шоссе, на вершине, обозначенной на военной и геодезической карте как 7149, неожиданно выдвинулось несколько человек с винтовками. Преградив путь первому фаэтону, один из них, что-то крикнул. Дагестанцы стали выскакивать из фа-

этона, чтобы занять позиции. Со стороны абреков раздался выстрел, «после которого немедленно же началась трескотня, – говорит Чикалин. – Лошади, испуганные выстрелами, шарахнулись вправо, к откосу дороги, и фаэтон, в котором я продолжал сидеть, пригнув голову к козлам, полетел под откос». Ехавшие впереди и сзади комиссии солдаты открыли ответный огонь. Завязалась перестрелка, которая продолжалась около часа. «Не имея возможности как безоружный принять какое-либо активное участие в перестрелке, я решил... наблюдать за происходившим, вполне уверенный, что окончательный перевес будет на нашей стороне. Наблюдая из небольшой впадины, я заметил слева на откосе выше дороги ротмистра Долидзе, который лежа стрелял из винтовки, далее видел инженера Орловского, переходящего через бугор,... вправо от меня лежали два дагестанца на расстоянии 15-20 шагов и тоже производили стрельбу. Немного времени спустя,... я заметил на гребне фигуру во весь рост, что-то кричавшего, а влево по гребню у дороги еще две фигуры абреков. Один из дагестанцев крикнул: «Нас обошли». Почти в тот же момент что-то ударило меня в голову..., и я потерял сознание. Очнулся от толчков и увидел, что меня обыскивают, а заметив, что я открыл глаза, подняли и, понуждая толчками, повели за собой».[95]

В небольшой лощине за засадой были спрятаны лошади абреков. Когда Чикалина привели туда, его окружили, как он говорит, 8 человек и один мальчик лет 13-14, по виду очень больной и беспомощный. Главарь шайки был одет в пальто инженера Орловского, а поверх него прицеплена шашка ротмистра Долидзе. Посадив Чикалина на лошадь убитого абрека, шайка поехала по травянистому откосу горы Мемено Керкета. В этом бою Зелимхан был легко ранен в левую руку. С несколькими абреками он периодически отдалялся, поднимаясь выше, осматривал противоположные склоны и возвращался. «В одной лощине все остановились; Зелимхану поднесли бутылку с водой, и он сделал намаз, громко читая

молитву. Потом ему перевязали рану. Далее, проехав верст четыре, они остановились, уселись кружком. Зелимхан вынул из кармана несколько портмоне и бумажников и начал вынимать все содержимое. Один из абреков, говорящий очень плохо по-русски, под наблюдение которого я был отдан Зелимханом, сказал, чтобы я считал деньги. Я насчитал 264 рубля, кроме принадлежащих мне 3 старинных серебряных рублей».96 Деньги эти были небольшие, но Зелимхан тешил себя тем, что впереди его ждет большой выкуп за подполковника Чикалина, как в свое время за овцевода Месяцева.

Окончив подсчет выпотрошенных у трупов денег, шайка двинулась дальше. Стало смеркаться. Одно время ехали по оврагам и лощине какой-то речки. Вдруг встретились трое всадников. Зелимхан тотчас же подъехал к ним и после разговора с ними, абреки занервничали, стали в беспорядке переезжать речку. Наблюдавший за Чикалиным абрек, боясь, что отстанет, стал гнать его лошадь вперед, а затем сорвал с себя башлык и завязал им ему рот. В это время наверху на краю обрыва показались люди: раздался выстрел, потом – второй. Это была казачья засада, устроенная Доногуевым, недалеко от аула Хой Дагестанской области, на который, как ни осторожничал Зелимхан, наскочили абреки, преследуемые Котиевым. Их охватило смятение, но они все же вступили в бой. Несмотря на критическую ситуацию, абрек, присматривавший за Чикалиным, подогнал его лошадь к Зелимхану. Главарь шайки схватил Чикалина за рукав пальто и стал заслоняться пленником от выстрелов, нервно прикрикивая: «Иди! Иди!, и уволакивая его то влево, то вниз за собой. «Вполне убежденный, – заключает Чикалин, – что выстрелы были произведены своими дагестанцами и уверенный, что более благоприятного момента для бегства мне уже не представится, я, вырвав руку, пригнулся к седлу и, свернув круто вправо, с места в карьер бросился по пашням. Сзади себя я услышал выстрелы, ругатню, крики и погоню. Проскакивая мимо столпившихся позади селения людей, я крикнул:

«Свой, не стреляйте!», но к удивлению моему я заметил людей с палками и вилами, которые начали кричать и швырять в меня камнями, один из которых попал мне в спину. Тогда, поняв, что я ошибся и никаких дагестанцев тут нет, я усилил ход лошади, держась направления обратного к пути Зелимхана, наскочил на белеющую в темноте тропинку, которой и стал держаться».[97]

Тропинка вывела Чикалина на более широкую дорогу, которая в конечном счете привела его к казачьей караулке близ озера. Как только Чикалин въехал в ворота, за ним подъехал отряд дагестанцев во главе с Котиевым. Это был тот самый отряд, шедший на подмогу Долидзе, о высылке которого телеграфировали из Ботлиха. Последний принял его за абрека и окружил караулку. Но вышедший к нему дорожный мастер разъяснил все недоразумение.

Узнав все подробности произошедшего, ротмистр тотчас же послал донесение в Ведено, а сам, оставив охрану, отправился с отрядом на место происшествия, оттуда поехал дальше для преследования шайки, но, сочтя затем, что это уже бессмысленно, вернулся в караулку, куда к тому времени прибыли три фургона с трупами и ранеными. В бою были убиты, как уже сообщалось по телеграфу, ротмистр Долидзе, инженер Орловский, контролер, 9 всадников, один ранен смертельно, другой тяжело. Легко ранен в голову Чикалин.

15 сентября штабс-ротмистр Шамсудин Доногуев, получив в Махкеты телефонограмму от Котиева и Каралова, сейчас же выступил через горы к сел. Нижелой, чтобы преградить путь отступления шайки. К семи часам вечера уже были готовы три засады. В третьем часу ночи шайка наткнулась на них, и снова завязался бой, в котором были убиты брат Зелимхана юноша Бийсултан и один абрек. Последнего опознали не сразу, даже думали, что это сам Зелимхан, но потом установили, что он житель сел. Майортупа Джамалдин. Еще один из Майортупа Каим Шарипов был ранен в руку. В качестве трофеев были захвачены 4 лошади, из которых две уби-

ты в перестрелке. Одна из них – вороной масти с белыми щеточками на ногах, известная всей Чечне как зелимхановская, – лежала рядом с юношей. Видя свое поражение, Зелимхан предпочел бегство, бросился в обрыв и скрылся, оставив на поле боя друзей, юношу-брата и пожитки. Преследование Доногуев продолжал пешком по труднопроходимым горным местам, но вскоре след был утерян, и он с командой возвратился в Нижелой.

Со стороны казаков в перестрелке была убита только лошадь всадника 2 сотни Ахматхана Муртазалиева.

Вот как рассказывает об этом сам штабс-ротмистр на предварительном расследовании: «С рассветом мы сошли со своих мест, и я с людьми осмотрел место перестрелки, где нашел 2 лошади убитыми, из которых одна масти вороной с хорошим седлом, два трупа, из которых один молодого человека лет 16-17 и две лошади оседланы у стога сена, невредимые, 9 ружей, из которых 3 берданы и 6 трехлинеек. Затем найдены сумка с мелкими вещами, письменностями и печатями из жизни разбойника и, наконец, бурки, патроны, папахи, партабашницы – и все это разбросано в разных местах перестрелки. Точно указать не могу, так как подбирала вся команда. С нашей стороны оказалась убитой только одна лошадь – всадника Ахмадхана Муртазалиева».[98]

Осмотрев местность, Шамсудин послал в сел. Нижелой за сельской властью и его жителями по тревоге, а сам со своими подчиненными спустился в балку и пошел на Элистанджинские хутора. Удалился не более чем на пять верст, затем вернулся и пошел по дорогам, откуда пришли разбойники, но ничего и никого не обнаружил. К этому времени явились помощники старшины и жители Нижелоя. Штаб-ротмистр передал им тела убитых, приказал послать за начальником участка, а сам с командой и трофеями отправился в сел. Махкеты., чтобы спросить начальника округа, что делать дальше с трупами.

По делу были опрошены и другие участники боя. Показания юнкера 2 сотни Али Абдулаева стали хорошим до-

Библиотека "Чеченинфо"

1) Удостовѣреніе, за № 178, Автуринскаго сельскаго правленія отъ 24 марта 1911 года на принадлежность мерина свѣтло-гнѣдого, ростъ ниже средняго, грива направо, хвостъ средній, заднія ноги по щетку бѣлые, передняя правая нога отъ копыта бѣлая, на лбу бѣлая звѣздочка, на спинѣ, по обѣимъ сторонамъ, бѣлыя пятна 8 лѣтъ жителю сел. Автуры Бушу-Ягай-Хаджиеву. Подпись и.д. Старшины Закр. Сарааліевъ, Писарь Поповъ и приложена печать Автуринскаго сельскаго правленія.

2) Пройсъ-Курантъ Бинокляй и проч. Гогенталь и К-о.

3) На картонѣ отдѣльный портретъ чеченъ разбойника Зелимхана.

4) Тоже на открыткѣ " Семья Зелимхана".

5) Тоже бемби и на оборотѣ "Князь Андроникова" и "Ротмистра Доногуева".

6) Тоже съ видомъ любимой крѣпости Зелимхана " Сандукели".

7) Тоже " Абрека Хаджи-Мурада ".

8) Тоже Шамиля на молитвѣ."

9) Тоже "Наиби Шамиля".

10) Тоже " Шамиля съ сыновьями".

11) Тоже " Шамиля".

12) Есаульскіе старые погоны.

13) Небольшой подпилокъ, со слѣдами золота.

14) Печать и ея оттискъ каучуковая
Группа Кавказск. Горн. съ ручкой.
Анархистовъ террористовъ
Атаманъ Зелимъ-Ханъ.

15) Тоже печать и ея оттискъ каучуковая.
Андреевскаго сельскаго безъ ручки
правленія I-го уч. Хасавъ-Юртовскаго окр.

16) Тоже печать и ея мѣдная безъ ручки
оттискъ Кизлярскаго
округи. Казначейства.

17) Тоже имянная Копитко мѣдная безъ ручки.

18) Серебряное кольцо съ арабской вырѣзкой и оттискъ его.

19) Жестяная коробка съ подушкой для краски.

Печати Зелимхана

полнением к сообщению Доногуева. В 3 часа дня 15 сентября команда во главе с командиром выступила из Махкеты к границам Андийского округа и, дойдя к 7 часам вечера до узла дорог со стороны Андийского округа, у нижелоевских хуторов устроила засаду, выставив три поста: влево, вправо и 3-й сзади, посредине. Там же пристроили лошадей. «Я был в середине. Офицер приказал: «На случай появления шайки разбойников, дать им войти в середину и лишь тогда открывать огонь».

После двух часов ночи показались всадники, спускавшиеся один за другим с горы. Когда они оказались в ловушке, в цепи расставленных постов, казаки окликнули их. Ответа не последовало, но был произведен выстрел, которым была убита казачья лошадь. «Со всех постов наши открыли огонь, рассыпавшись цепью, – говорит юнкер. – Среди разбойников начался большой переполох, но за темнотою ночи определить ничего нельзя было. Стреляли мы 10-15 минут и затем все смолкло. С рассветом осмотрели место перестрелки, где лежали: два трупа, один из них мальчик, две убитых лошади, одна из них вороная, выделяющаяся, и подле нее сумка с разными печатями и на ней хорошее седло. Другая лошадь, убитая, тоже вороная, но седло на ней все разбито. Еще нашли двух живых лошадей, оседланных, в круче, у стога сена и одно седло все в крови. Нашли еще три бурки, две хурджины, в которых лежал кукурузный хлеб, 9 ружей, из которых 6 трехлинейные и 3 берданы, а также 3 папахи, из них 2 папахи на убитых, пояс с кинжалом на убитом».[99]

Проведенным дознанием были установлены и другие подробности. По заявлению раненого вахмистра Магома Али, всадника Ибрагима Халимбекова и дорожного мастера в шайке было около 30 человек. После того, как был открыт лобовой огонь, часть разбойников, прикрываясь складками местности, зашла в тыл и открыла перекрестный огонь.

Начальник 3 Кавказской казачьей дивизии генерал-лейтенант Холмицкий в рапорте командиру 3 Кавказского

армейского корпуса сообщает: «Из подробного дознания, проведенного по поводу разбойничьего нападения на инженерную комиссию...я вынес уверенность, что со стороны Зелимхана было настоящих абреков только 10 человек, но принимало участие в перестрелке не менее 30 человек, т.е. где бы ни действовал Зелимхан, он всегда имеет возможность навербовать себе шайку из близлежащих аулов и поселков, отлично знающих прилежащую местность, иначе говоря, вся Чечня, как горная, так и на плоскости фактически принимает участие в разбойных действиях этого абрека».[100]

Генерал Холмицкий указывает далее, что главной причиной неудачи очень хорошо продуманного плана было то, что все маленькие команды действовали врозь, и подмога явилась слишком поздно.» А это он объяснял тем, что запоздала телеграмма, «которая своевременно не была принята, так как на основании существующего положения почта в ночное время не работает».[101]

Событию, случившемуся на границе Веденского и Андийского округов в связи с нападением абреков на дорожную комиссию и гибелью команды и Долидзе, было придано такое важное значение, что в области сочли необходимым доложить об этом Его Императорскому Величеству. В частности, такое послание направил Николаю II с указанием основного сюжета начальник Веденского округа подполковник князь Каралов, пообещав ему направить подробности дополнительно.[102]

Зелимхан и на этот раз благополучно для себя ушел с остатками своей шайки, хотя потери были тяжелыми, а главное навсегда лишился последнего и самого младшего брата Бийсултана, а сам был ранен в руку. Преследование было организовано из рук вон плохо, можно сказать его не было по настоящему. Никакой помощи в их розыске не оказало и местное население, хотя у чеченского и ингушского народов к Зелимхану уже было двойственное отношение: одним он

надоел и натерпелись от властей за более 10 лет его абречества, а многочисленные кровники даже хотели расправы над ним, другие смотрели на него как на героя и продолжали поддерживать. К последним власти применяли строгие меры. Особенно администрация преследовала родственников Зелимхана. Из-за проигранного боя и неудавшегося преследования шайки вся обида и злость администрации и воинских властей были спроецированы на родственников Зелимхана и 15 из них тут же были арестованы и допрошены, а когда следствие оказалось бессильно доказать их вину, отпустили. Однако подозрение с них не было снято и за ними была установлена фискальная слежка.

На поле боя Зелимхан оставил много трофеев, свидетельствующих о многогранности его планов и действий, о его изобретательности. Попадись они властям в руки, могли стать ценными вещественными доказательствами его вины и причастности ко многим преступлениям, а часть из них ждала своего применения. Вот что показал произведенный младшим помощником начальника Веденского округа капитаном Костюковым осмотр вещей, ружей, лошадей и трупов людей, доставленных штабс-ротмистром Доногуевым в сл. Ведено после столкновения его у Нижелоевских хуторов с шайкой абреков, в частности:

Сумка из желтой кожи с плечевым ремнем и двумя отделениями, в которой находились: а) вырезка из «Одесской газеты» за 1910 год с изображением Зелимхана и подписью внизу «Кавказский разбойник, голова которого оценена правительством в 8000 руб. и за поимкой коего ныне отправлено в горы несколько отрядов войск»; б) годовой паспорт под № 85 на имя жителя сел. Майортуп Джамалдина Кадиева, выданный 10 октября 1910 года с приметами: лет 40, чернорабочий, женат, рост средний, волосы черные, – за подписью старшины Докалова (мухор) и писаря Синельникова и скрепленная печатью Майортупского сельского правления; в) клочок бумаги с указанием карандашом двух принадлежащих лошадей, из

которых одна масти гнедой, другая черной, но обе среднего роста и с белыми пятнами; г) на бланке начальника Грозненского округа удостоверение от 2 июня 1911 года под № 170 на имя жителя сел. Коки Дударку Хасиева в том, что ему с разрешения высшего начальства дано поручение особой важности и приглашаются все чины, учреждения и проч. власти оказывать содействие. На нем 3-х линейная винтовка и кинжал. Подпись полковника Стрижева и печать начальника Грозненского округа; д) удостоверение за №178 Автуринского сельского правления от 24 марта 1911 года на принадлежность мерина светло-гнедого, рост ниже среднего, грива направо, хвост средний, ноги по щетку белые, передняя правая нога от копыта белая, на лбу белая звездочка, на спине по обеим сторонам белые пятна, 8 лет, выданное жителю сел. Автуры Бушуй-Ягай-Ханаву, и эту лошадь он продал жит. сел. (далее неразборчиво), заверена подписями и.д. старшины Закр. Сааралиева и писаря Попова и печатью; е) прейскурант биноклей; ж) на картоне отдельный портрет жены Зелимхана; з) открытка с изображением семьи Зелимхана; и) карточки с изображением князя Андроникова и ротмистра Доногуева; к) карточка с видом любимой крепости Зелимхана «Сандукели»; л) тоже абрека Хаджи Мурада; м) тоже Шамиля на молитве; н) тоже наибы Шамиля; о) тоже Шамиля с сыновьями; п) тоже Шамиля; р) старые есаульские погоны; с) небольшой подпилок со следами золота; т) печать и ее оттиск: «Группа Кавказск. Горн. Анархистов-террористов. Атаман Зелимхан. Каучуковая с ручкой; у) печать Андреевского сельского правления 1 участка Хасав-юртовского округа и ее оттиск. Каучуковая без ручки; ф) печать Кизлярского окружного казначейства и ее оттиск; х) тоже именная Копытко; ц) серебряное кольцо с арабской нарезкой «Божий раб Зелимхан» – перевод и его оттиск; ч) жестяная коробка с подушкой для краски; ш) флакон с краской для подушки; щ) 4 обоймы от 3-х линейных патронов; э) 2 палочки сургуча; ю) почтовый герб металлический; я) пружинка, медное кольцо, кусочек

свинца, щетинная щеточка, два винта, кусочек пробки с дырочкой, металлическая палочка, веревочка с петлей. Кроме того были собраны – кинжал, два полосатых хурджина, три старых коротких бурки, три старых седла, на одном кровь, сафьяновые наговицы и кожаные галоши, три папахи: две на убитых абреках и одна на ране мальчика и два мерина 8 и 10 лет. Далее идет перечисление захваченного оружия, трупов и убитых лошадей, о чем было сказано выше.[103]

Абреки, как правило, лечились у знахарей, тайно, скрываясь от посторонних глаз. Но у некоторых были и свои люди среди настоящих врачей. Лекарей приходилось излишне беспокоить, доставляя к больному чаще всего в ночное время, но за безотказность их всегда окружали своим расположением и щедро одаривали.

С Керкетского перевала Зелимхан со своими сподвижниками бежал на Маштах-Корт Хатуни. Два шалинца Хаджи и Кади стали свидетелями, как Зелимхан упражнялся в стрельбе, пробуя новую винтовку, доставшуюся ему от убитых на перевале. Проезжавшие мимо оказались знакомыми. Зелимхан подозвал их к себе, завязался разговор. Зелимхан поделился горем, рассказал, что недавно убили его сводного брата Бийсултана, еще раньше потерял отца и другого брата, а теперь хотят сослать в Сибирь семью. Узнав об этом, шалинцы сделали ему «Алхан» (выразили молитвенно соболезнование). Неподалеку на привязи стояла вороная лошадь с приметами: белое пятно на лбу и белая щетка на задней левой ноге. Эта лошадь принадлежала Ясахану Бисаханову из сел. Курчалой, проживавшему около Эрсеной на хуторе, у которого Зелимхан часто бывал дома. Недавно в день Байрама, 12 сентября, Ясахан зарезал барана и угощал Зелимхана и его товарищей, а затем вместе с ними поехал в Андийские горы, где участвовал в перестрелке на Керкетском перевале. Когда в бою убили лошадь Зелимхана, Ясахан отдал ему свою вороную, «а сам отправился в Ведено, узнать какие хабары относительно перестрелки».

Зелимхан нигде не останавливался на длительное время. Из Хатуни он направился в Махкеты к сестре. Начальник Ца-Веденской команды Дагестанского полка поручик Кибиров в рапорте Марганию указывал, что по слухам Зелимхан «после зверского поступка с нашей командой» пробыл 17,18,!9 сентября подряд три дня у своей сестры в Махкетах вместе с восемью вооруженными товарищами, имея при себе лишние винтовки. Все были на лошадях. Оттуда Зелимхан хотел перебраться к другой сестре в Дышн-Ведень, но «какой-то пожилой человек с бородой, присланный от переводчика начальника Веденского округа, предупредил его: «Не ходи, пока округ начеку, ибо везде устраивают засады», и указал направление, куда следуют воинские команды».[104] Поручик говорит, что Зелимхан получив предупреждение, объявил, что с товарищами уходит в Грозненский округ, на деле же он уйдет в горы.

Далее поручик Кибиров предложил командиру военного отряда свое видение захвата и ликвидации Зелимхана. Он отмечает, что это трудное, опасное и, быть может, кому-то даже покажется невозможным делом, но там, где Зелимхан «годами гарцует, туда надо попасть и днями походить», установить по настоящему слежку своими людьми. В конце концов придет зима, удобств не станет, ходить будет трудно, ночевать в лесу нельзя» и конец Зелимхана предрешится. Как отнесся к этому плану Маргания, неизвестно.

За ходом борьбы с абречеством внимательно следила высшая кавказская администрация и требовала от терской администрации периодической отчетности о проделанной работе. Очередной доклад в штаб Кавказского военного округа начальник Терской области А.С. Михеев сделал 26 августа 1911 года. В своем пространном отчете он писал, что за короткий промежуток времени (какой не указывается – авт.), было изловлено и уничтожено до 20 крупных абреков, часть которых была подвергнута смертной казни по суду, а часть убита при преследовании. Все это следует отнести

главным образом за счет полиции, хотя и не без участия военного отряда. Боясь, что по этой причине военный отряд как не оправдывающий себя может быть расформирован штабом, Михеев указывает, что, несмотря на это, необходимость присутствия последнего «вызывается, помимо искоренения разбойников вообще, другим еще весьма крупным и серьезным обстоятельством, именно, непрекращающейся деятельностью абрека Зелимхана, значение которого, как это не грустно, очень велико, а потому и уничтожение которого должно явиться задачей первостепенной важности. Выполнить эту задачу без отряда – крайне трудно».[105] И он объясняет, что трудно не потому, что Зелимхан «олицетворение неуязвимой храбрости и боевой увертливости, а потому. что он завоевал умы и настроение народа.., пользуется репутацией народного героя и широким укрывательством окружающих. Было время, когда Зелимхан не подымался выше Гороводжевых, Томаевых, Хасуевых, Зубаировых и пр., лично не менее, если не более Зелимхана храбрых, но тем не менее без особого труда изловленных и уничтоженных. Но время это упущено и теперь, после 12 лет безнаказанной деятельности, Зелимхан приобретает другую позицию, за которой стоит фанатичная масса и которого нужно брать путем строжайшей борьбы с этой массой, связывающей с именем Зелимхана свои несбыточные мечты».[106]

Таково мнение всех, пишет Михеев, и ссылается на начальника Веденского округа, который в своем рапорте ему докладывает, что громкие успехи в делах, помощь, оказываемая многочисленными его родственниками, симпатии некоторой части туземного населения и преступный интерес, щедро уделяемый этому разбойнику в печати газетными репортерами, возвели его на пьедестал легендарного народного героя, в честь которого слагаются и распеваются песни в Чечне и Дагестане, в особенности же в Андийском округе, где Зелимхан как у себя дома и имеет сторонников-укрывателей.

«Затуманенная голова бывшего пастуха и поденного каменщика, – продолжает начальник округа, не замедлила воспользоваться этими благоприятными для него обстоятельствами, и сумасбродная мечта – провозгласить себя имамом Чечни – готова перейти в действительность».[107]

Михеев докладывает, что он четко осознает свои задачи. Как лицо, на которое «возложена великая миссия русификации туземного населения, приобщения его к русской культуре», а также привития ему правильных взглядов на чужую собственность и жизнь и забота о нравственном и умственном развитии его, он работает с населением «с целью дискредитировать в его глазах Зелимхана, доказать всю бесплодность и безрассудность его мечтаний, оградить население от больших несчастий, если будет продолжать поддерживать Зелимхана. В связи с этим своей главной задачей ставит «уничтожение этого вредного разбойника-политикана со всеми его сподвижниками», для чего считает «необходимым безотлагательно применить меры административного наказания ко всем тем, кои сочувствуют его идее и способсьвуют столь долгому его существованию».[108]

Руководство терской администрации и военного отряда было убеждено, что бороться нужно не с одним Зелимханом, и даже не столько с ним, сколько с теми (которых множество), кто укрывает его, а порой и участвует в боевых действиях на его стороне. Оправдывая жесткие меры и льстя наместнику, Михеев назвал спасительными те санкции, которые наложил Главнокомандующий войсками на ингушский народ в виде штрафов и высылки с семействами целых поселений за нападение на воинские части в Ассиновском ущелье в 1910 году. «Теперь ингуши не только не делают каких-либо попыток укрывать Зелимхана, – продолжает начальник области, – но еще со своей стороны принимают меры к тому, чтобы содействовать администрации в борьбе с разбоями, для чего ингуши на свой счет сформировали особую стражу в 100 человек».[109]

В результате Зелимхан оказался стеснен как в передвижениях, так и в действиях. Но праздновать администрации победу было еще рано: популярность и неуязвимость главного абрека Кавказа, наместника гор, как его величала местная пресса, была велика.

В то время как Зелимхан воевал на Керкетском перевале, в ту же ночь под 16 сентября восемь вооруженных абреков решили пленить овцевода Митрофана Нестеренко, как когда-то были пленены под выкуп овцеводы Месяцев и Кошелев. Они подъехали к станице Калиновской, окружили дачу и отару овцевода, но хозяина не оказалось. Тогда они подозвали чабана и приказали зарезать им барана. Всю ночь абреки провели за приятной трапезой, а под утро уехали. Но на душе лежал тяжелый осадок от неудачи. И тут на дороге им повстречался караногаец Акмурзаев, возвращавшийся с Николаевского базара. То, что им надо было. Они убили его и забрали все, что у него нашли: деньги и ценные вещи.

Ассиновские события отрезвили головы многих начальников: была усилена охрана Владикавказской железной дороги, поезда стали сопровождаться конвоями, а, учитывая случай с телеграммой Долидзе, которую получил адресат с 4-часовым опозданием, владельцам всех почтово-телеграфных учреждений, находящихся в Терской и Дагестанской областях, было приказано беспрепятственно принимать телеграммы от местной администрации и военных чиновников. Было увеличено число засад, чтобы передвижение Зелимхана и других абреков в любом направлении – с гор на плоскость или наоборот, сделать невозможным. Кроме того, численность воинских частей, участвовавших в рейдах, были увеличены вдвое, а то и втрое. Это наглядно видно из телеграммы начальника военного отряда Маргании Главнокомандующему в Тифлис. «По сведениям начальника Веденского округа, полученным 15 октября, – докладывает он, – абрек Зелимхан находится в Старосунженском ауле Грозненского округа в домах Шааба и Саадулы. Для облавы аула и поим-

ки Зелимхана были направлены из Грозненского гарнизона три роты 82 пехоты, 219 человек из Кизляро-Гребенского казачьего полка, 169 человек из милиции и 16 конно-дагестанцев».[110] Примерно в 5 часов утра началось окружение аула, в котором около 60 дворов принадлежало харачоевцам.

Однако завидя такую массу вонных аульцы не дрогнули и не выдали Зелимхана. Напротив, когда одна полурота стала приближаться к дому Шаабы, оттуда раздались выстрелы, за чем последовала всеобщая перестрелка. Пока дом не был взят в кольцо, несколько человек, отстреливаясь, бежали из него и скрылись в ночной темноте за массой хозяйственных строений, и, перейдя вброд реку Сунжу, ушли в лес. С ними был и Зелимхан. Когда не стало абреков, бой прекратился. Со стороны военных был убит начальник команды поручик Епифанов и рядовой Ляшенко, ранены рядовые Токмаков и Горифов. Из тех, кто оборонялся, были ранены Шааба и его сосед и убиты случайно не поберегшие себя две женщины.

Но это были полумеры по сравнению с тем, что санкционировал наместник Воронцов-Дашков. Сразу после ассиновских событий Главнокомандующий Кавказскими войсками для более детального изучения положения дел направил в Терскую область своего помощника по военной части генерала Шатилова. Энергичный генерал лично посетил наиболее неспокойные округа, а затем в салон-вагоне в Грозном, куда он прибыл поездом, провел расширенное совещание с участием атаманов отделов, начальников всех уровней, приставов и сельских старшин. И хотя речь шла в целом о грабежах и разбоях, захлестнувших область, разговор сводился к Зелимхану, который помимо всего прочего негативно относится к русской власти и при каждом случае вступает с ней в борьбу, а также о том, что он превратился в такую величину, что стал идейным знаменем этого движения. Все участники совещания сошлись во мнении, что одной из главных причин, популярности и неуловимости Зелимхана является поддержка его со стороны шейхов и их мюридов, работающих на

него в народе, поэтому помимо давно практикуемых экзекуций все остановились на необходимости выдворить шейхов из пределов области. По возвращении в Тифлис о результатах командировки Шатилов немедленно доложил Воронцову-Дашкову.

15 октября 1911 года наместник направил специальное предписание начальнику Терской области, в котором говорилось, что из доклада помощника по военной части генерала Шатилова, командированного в Терскую область для выяснения причин неуловимости разбойника Зелимхана и выработки на месте как чрезвычайных мер административного воздействия против отдельных лиц и целых обществ, виновных в укрывательстве и пособничестве названному абреку, так и предложений по дальнейшей борьбе с ним, он установил, что самым главным тормозом в поимке Зелимхана служит поголовное укрывательство его почти всем чеченским народом без различия звания и положения лиц и оказываемая им абреку в необходимых случаях активная поддержка.

Наместник считал также, что не менее серьезным препятствием к поимке этого абрека служит существующая в Чечне и Ингушетии особая секта «Зикра», к числу рьяных последователей которой принадлежит и Зелимхан. Шейхи этой секты покровительствуют ему, имеют с ним тесные сношения, комплектуют его шайку своими последователями – мюридами, доставляют оружие и патроны и, наконец, укрывают его.

Было обращено внимание и на то, что самовольно основавшееся на значительной площади горной полосы Веденского и Грозненского округов, а также и на плоскости у предгорий, громадное количество хуторов и кутанов, находящихся вне всякого надзора полиции, дает постоянный приют массе абреков и даже способствует формированию разбойничьих шаек.

Одним из неблагоприятных условий в борьбе с Зелимханом наместник считал также слабый состав чинов местной администрации и сельских выборных старшин. Объяснял

он это тем, что многие участковые начальники, вследствие малого знакомства с населением, слабохарактерности и пассивности, как он отмечал, «отсутствия у них должной энергии», совершенно безучастно относятся к поимке Зелимхана. Серьезные претензии были предъявлены участковым из числа коренных жителей, которые из боязни обычной мести со стороны Зелимхана и его родни не проявляют достаточной решительности в его преследовании. В борьбе с ним участковые ограничиваются простым сыском с помощью сельских старшин, которые, будучи связанными с абреками узами родства или приятельских отношений, или, наконец, принадлежностью к общей секте, не только не бывают настоящими помощниками, но зачастую заваливают дело.

К числу второстепенных причин наместник отнес слабую постановку агентурной работы, плохо организованный сыск и даже «некоторые трения и недоразумения между чинами администрации и военного отряда» из стремления достигнуть успеха непременно самому и не дать такой возможности другому, а также отсутствие согласованности и солидарности в действиях полиции и войсковых частей.

Дальше следовали санкции, которые должен был привести в действие начальник Терской области для «достойного наказания чеченского народа за непрерывное, в течение 12 лет, укрывательство Зелимхана и явное ему пособничество» и для дальнейшей борьбы с названным разбойником:

«1. Командируемые мною войсковые части (пластунских сотен) с включением всех войск, находящихся ныне в области для содействия администрации, поставить на экзекуции командами не менее полусотни в населенные пункты Веденского и Грозненского округов, в районе которых Зелимхан скрывался последнее время, а также и в те, к составу которых принадлежат задержанные и убитые разбойники, и чрез которые следовала шайка после нападения на дорожную комиссию (Харачой, Дышне-Ведень, Мехкеты, Завирхи, Цаведень, Хатуни, Эшель-Хотой, Элистанджи, Таузен, Истису,

Майортуп, Хой, Ихарой, Ригахой, Макажой, Автуры и Варанджинские хутора).

2. Выслать теперь же в Тульскую губернию сроком на пять лет вместе с семьями жителей Веденского округа Бамат-Гирея Хаджи Митаева, Сугаипа-Муллу Гойсумова и Факирза-Хаджи, Назрановского округа – Батал-Хаджи Белхороева и Грозненского округа – Канна-Хаджи, Абдул-Азиса Шаптукаева и Магомада-Муллу, как наиболее влиятельных представителей секты «Зикра» (за исключением Сугаипа-Муллы Гойсумова), вредных для общественного порядка и спокойствия и, вместе с тем способствующих разбойнической деятельности Зелимхана...

3. Выслать в том же порядке из пределов края в Орловскую губернию сроком на пять лет тех 15 родственников Зелимхана, которые, будучи задержаны вслед за столкновением с ним в сел. Харачой, были освобождены из-под предварительного ареста, с обязательством изловить Зелимхана в недельный срок, чего, однако, не исполнили, а также и тех 10 родственников его, кои содержатся ныне во Владикавказской тюрьме, представив на всех их сведения о судимости, семейном и общественном положении. Меру эту привести в исполнение только по установлении несомненной виновности каждого из них в укрывательстве и пособничестве Зелимхану.

4. Признавая уничтожение всех хуторов Веденского, Грозненского и Хасав-юртовского округов, как общую меру, нежелательным, предлагаю войти с представлением о расселении в административном порядке только тех самовольно, без общественных приговоров, возведённых хуторов в указанном районе, жители коих уличены или будут замечены местными властями в укрывательстве Зелимхана и предержательстве шайки.

5. Назначить теперь же правительственных старшин во всех сельских обществах, составляющих район деятельности Зелимхана. а равно и в тех селениях, откуда происходили

разбойники, принимавшие участие в последнем нападении шайки».[111]

В качестве следующей меры наместник предложил сосредоточить всю сыскную часть и агентуру в руках старшего помощника начальника Терской области генерал-майора Степанова и пообещал оказать дополнительную денежную помощь, если в этом возникнет необходимость.

И наконец последний, седьмой пункт был посвящен денежным компенсациям пострадавшим. Начальнику области предлагалось в месячный срок со дня получения настоящего предписания взыскать со всего чеченского населения Веденского и Грозненского округов, за исключением селения Беной, жители которого, убив отца и брата Зелимхана, являются его кровниками, штраф в размере ста тысяч рублей и без замедления деньги эти выдать семьям убитых ротмистра Долидзе, чиновника Ворченко и детям инженера Орловского по пятнадцать тысяч рублей; семьям убитых 10 всадников конно-Дагестанского полка по три тысячи рублей; подполковнику Чикалину на лечение раны две тысячи рублей; двум раненым нижним чинам полка всаднику Ибрагиму Халимбекову одну тысячу и вахмистру Магома-Али Магомаеву одну тысячу пятьсот рублей.

В этом списке значились еще более десятка лиц, которым полагалось вознаграждение за убитых и раненых лошадей фаэтонщикам и всадникам, на ремонт сбруй и фаэтонов по одной и полторы тысячи рублей и еще пятнадцать тысяч рублей другим пострадавшим, которые «почему-либо не вошли в список».

К предписанию наместника в Терской области отнеслись с большим пониманием и ответственностью. Особенно в той ее части, где подвергается критике деятельность государственных чиновников. Во все округа областное правление спустило копии предписания наместника и призвало начальников в кратчайший срок рассмотреть вопрос о соответствии каждого ответственного служащего занимаемой

должности и принять меры по повышению эффективности в борьбе с Зелимханом и в целом с абречеством. Вот один из таких циркуляров, адресованный начальнику Грозненского округа: «Ввиду изложенного в настоящей копии указания Главнокомандующего войсками округа о том, что одним из неблагоприятных условий для борьбы с Зелимханом является слабость состава местных начальников участков (у наместника говорится о всех чинах местной администрации и сельских выборных старшинах – авт.), которые вследствие малого знакомства с населением, слабохарактерности и отсутствия должной энергии, совершенно безучастно относятся к делу поимки Зелимхана, областное правление по поручению начальника области предписывает Вам в непродолжительном времени донести по содержанию приведенных указаний Главнокомандующего войсками округа на сколько начальники участков вверенного Вам округа соответствуют своему назначению и какие меры могли бы быть приняты к устранению указанного нежелательного явления в будущем».[112]

После этого циркуляра в Грозненском и Веденском округах начальники участков прошли повальную аттестацию, в результате почти все были освобождены от занимаемой должности. Однако, зная причины слабости этого звена, отдельные начальники округов заявляли, что одними оргмерами дело не поправить, необходимо поднимать материальную заинтересованность, что при той заработной плате, которую они получают, требовать от них чего-то большего просто безнравственно. В рапорте от 24 ноября 1911 года начальник Веденского округа князь И.Д. Джапаридзе писал Михееву: «В деле поимки Зелимхана и борьбы с ним при повсеместном слабом составе института начальников участков, находящихся в зависимости от их материальной необеспеченности, упрекнуть начальников участков вверенного мне округа в безучастности не представляется возможным, так как чиновники эти достаточно добросовестно затрачивают много

труда в пассивной борьбе с Зелимханом, который, однако, неуловим главным образом благодаря поголовному укрывательству его чеченским населением, которое, руководимое политически развращенными шейхами и такими же интеллигентами, смотрит на Зелимхана вовсе не как на разбойника с большой дороги, а как на народного героя – защитника от русского влияния, неугодного эксплуатирующим темное население руководителям».[113]

Вместе с тем достойную оценку получали заслуги тех, кто до конца был предан делу и достигал определенных результатов. В числе их можно назвать командира 3 сотни Дагестанского конного полка ротмистра Арсланбека Котиева, 1867 года рождения, имевшего уже к этому времени две награды: Святого Станислава 3 степени (1899 г.) и Святой Анны 3 степени (1908 г.), а в октябре 1911 года «за выдающиеся отличия» производился в подполковники. Представление делалось в 3 Кавказкую казачью дивизию. «Ротмистр Котиев, – указывалось в описании заслуг, подписанном начальником военного отряда полковником Марганией, – командует сотнями пять лет, его сотня по строевой подготовке и в смысле дисциплины, выше прочих сотен полка. Офицер в высшей степени энергичный, разумный, распорядительный, очень любит службу и предан ей и законности, как природный горец – ингуш ездит лихо; в высшей степени самолюбив; технику кавалерийского дела знает отлично, очень хорошо развит, по природе умен, находчив, изворотлив из всякого опасного положения, быстро находя выход».[114]

Котиев в военном отряде находился уже второй год и за это время успел принять участие в ряде серьезных операций против абреков. Это горный поход в январе 1911 года в Ассиновское ущелье, к местам проживания горных ингушей Назрановского округа, где из местной администрации никого не было, за исключением покойного начальника этого округа ротмистра князя Андроникова, экспедиция которого так печально окончилась для него и других. Военный отряд,

состоявший из двух родов оружия, проваливаясь по колено в снег, прошел около пяти верст и достиг хуторов Нельх и Кок, «составлявшие, – как пишет Маргания, – твердыню самого многочисленного и притом неприязненно относящегося к нам ингушского племени, и твердыни эти были разрушены до основания». Разрушение этих «вековых гнезд» еще более усилило ненависть ингушей, и они поклялись отомстить за разгром их убежищ, «и отряду готовили в горных теснинах ряд засад, но благодаря присутствию при отряде офицера из ингушей ротмистра Котиева, весьма преданного долгу службы и происходящего из большого рода тех же ингушей, он со своими многочисленными родственниками, сопутствуя отряду и составляя вокруг отряда, в движении на привалах и стоянках кольцо охраны и держа меня всегда в полном курсе о замыслах населения, совершенно парализовал враждебные выступления озлобленных ингушей, и отряд, пройдя все горные аулы, благополучно исполнил возложенную задачу и вернулся во Владикавказ».[115]

Тот же Котиев все небольшие отряды, расположенные в Веденском округе, направил к вероятным путям отступления Зелимхана из Дагестанской области в Терскую при совершении им дерзкого нападения на дорожную комиссию во время следования ее по Царскому шоссе, около форельного озера, и уничтожении конвоя ротмистра Долидзе и членов комиссии. Оттуда Зелимхан мог благополучно уйти и скрыться. Но «благодаря принятым энергичным и разумным мерам ротмистра Котиева, шайка эта, преследуемая им же, наткнулась на одну из выставленных им засад под начальством штабс-ротмистра Доногуева в ночь с 15 на 16 сентября в 3-м часу ночи. Шайка рассеяна, оставив на месте столкновения убитых двух абреков, в том числе брата Зелимхана, 4 лошадей и 9 винтовок, не причинив чинам засады никакого вреда».116 Завершая свое ходатайство, Маргания подчеркивал, что блестящее командование сотней и описанные заслуги Котиева обязывают его в интересах службы и ее поощрения просить

о награждении его «вне нормы наград», то есть досрочно, чином подполковника.

Ротмистр Арсланбек Котиев, как талантливый военный может составлять гордость ингушского народа. Великолепно знавший национальные и психологические тонкости своего народа, он мог принести много пользы ему. Но в данном случае эти знания были отданы на службу интересам русской власти в крае и способствовали ее немалым успехам. Пожалуй, большим, чем этого мог достичь инородец, человек со стороны. По этому поводу вспоминаются слова князя Барятинского, бывшего наместником Кавказа, не раз подчеркивавшего, что при наличии двух кандидатур на административную должность на Кавказе – русского или коренного жителя – он обязательно выбрал бы последнего, так как несоизмеримо лучше кого-либо знает данную местность, проживающий на ней народ, его язык и традиции. Он отмечал также их старательность и преданность порученному делу.

Следующим шагом начальника Терской области генерала Михеева после аттестации чиновников администрации на предмет их профессиональной пригодности были организация высылки из области семи шейхов и выработка мер борьбы с религиозными сектами в Чечне и Ингушетии. Шейхи (святые) «Зикры» и «Кунта-Хаджи» открыто покровительствовали Зелимхану, призывая народ всячески его поддерживать. Огромную помощь в этом им оказывали их верные слуги – мюриды. Состоя в секте «Зикра», Зелимхан и сам был мюридом Автуринского шейха Бамат Гирея Хаджи Митаева. Это была хорошая гарантия его живучести. Надежность ее обеспечивалась тем, что его поддерживали и все другие шейхи, некоторые из которых вели двойную игру.

Не пожелавший открыться автор (по всей вероятности, довольно известная личность) направил временно исполняющему дела начальника Терской области генерал-майору Степанову письмо с пометкой «Сов. секретно, в собственные

руки», в котором рассказывает о фактах из противоправной жизни и деятельности шейхов. «Мне известно, – пишет он, – что Зелимхан главную нравственную поддержку... имеет в лице крайне хитрого и двуличного Сугаиб-муллы и говорят, что очень недавно он был у него. Факт двуличия Сугаиба-муллы обнаруживается тем, что на грозненской ярмарке он... открыто высказался, что убивать Зелимхана грех, а между тем заверял нам свою готовность уничтожить Зелимхана» (стиль сохранен – авт.). [117]

Аноним сообщает далее, что в 1905-1907 годах Сугаиб-мулла «во время бывших революционных событий совершенно открыто говорил в мечетях народу «Патга дац» – Царя нет. Под влиянием такой агитации Зелимхан и сам в разговоре с людьми не раз утверждал, что близится перемена обстановки в крае, и он снова восторжествует.

Сугаиб-мулла был одним из самых грамотных и популярных шейхов Чечни. С ним считались не только верующие, но и вся небольшая национальная интеллигенция, находившаяся на военной и гражданской службе у русской власти. В связи с появлением в Чечне турецких мулл автор письма призывал быть особенно осторожными в отношении Сугаиба-муллы, а при возможности «хотя бы временно изолировать из Терской области, а также буде возможно, сделать то же самое с Омаром Гаджи, так как он глава самых многочисленных сектантов в Чечне – кунта-хаджистов».[118] Еще раньше, в июне этого года начальник Веденского округа отмечал в приказе, что такое порочное и крайне нежелательное явление, как абречество, он относит прежде всего за счет полнейшей бездеятельности магометанского духовенства, большая половина которых в своих проповедях не учит народ добру, то есть тому главному догмату веры, который служит основанием религии и Закона Божьего. Не делают этого в своих беседах и почтенные старцы, имеющие большое влияние на народ, не объясняют ему, что «только мирным трудом можно завоевать свое благосостояние».

Хорошо осведомленный об этих вещах, наместник дал шейхам, как бы для искупления своей вины, срок на поимку и уничтожение Зелимхана. В случае невыполнения этого условия шейхи должны будут сами подлежать высылке, на что и указал он в спущенном потом приказе. Узнав о намерении кавказской администрации выселить из области за поддержку Зелимхана и агитацию против русской власти, чеченские шейхи притихли на время, а некоторые даже предприняли действия по собственной реабилитации. В своих молитвах они стали не только осуждать абреков и их вдохновителя, но и пытались помочь властям в их ликвидации. Собственная шкура стала дороже. Напуганные такой участью Дени-шейх, Бамат Гирей, Сугаиб-мулла, Аббас Ауд, Омар Гаджи и другие шейхи обратились к Чечне с воззванием: «Мы, нижеподписавшиеся, извещаем вас, что разбойник Зелимхан Гушмазукаев, происходящий из селения Харачой, очень вредный для всего населения, и действия его совершенно противны шариату и недопустимы. Деяния Зелимхана безумны. Великий всемогущий бог наградит того, кто избавит народ, исстрадавшийся от разбойников».[119]

Тогда же был распространен список из 23 уничтоженных чеченцами абреков как показатель того, что уставший от них народ, без какого либо участия русской власти, сам чинит над ними расправу. Список должен был вдохновить на такую борьбу всех, кто еще оставался в стороне от нее. Шейхи обещали, что если их не вышлют, они выполнят возложенную на них миссию. Выполнение этой задачи они возлагали на тысячную рать мюридов, поскольку последние видели в своих наставниках покровителей перед Аллахом и готовы были служить им как верные слуги.

И кое-что удалось сделать. Тот же аноним писал, что «с выступлением против Зелимхана Дени-шейха, 3-х партий сподвижников Бамат Гирея и с появлением ингушей, преследовавших его, из разных источников стало подтверждаться, что круг вращения Зелимхана в Большой Чечне значительно

сократился, и в данное время главным образом он скрывается в горных хуторах и в прилегающих к горам аулах у своих единомышленников харачоевцев».[120]

О неожиданных переменах в поведении шейхов донесли Зелимхану, и он решил лично проверить это известие.

По сведениям, полученным 4 и 5 декабря ротмистром Доногуевым, о чем он тут же совершенно секретно из слободы Воздвиженской доложил в Грозный начальнику округа, «абрек Зелимхан с двумя товарищами спустился близ Сатуры и Шали, чтоб убедиться самому, – что проповедуют против него Бамат-Гирей Хаджи (Митаев – авт.) и Сугаип Мулла. О таковом приближении Зелимхана и его намерении, – писал Доногуев, – как Бамат-Гирей-Хаджи, так и я были сейчас же поставлены в известность. Но не было никакой возможности, как команде прапорщика Исмайлова, так и частям отряда, что либо предпринять против него, ибо его агенты зорко следят за чинами отряда, хотя команда прапорщика еще ему неизвестна».[121]

Войдя в сношение с авторитетным шейхом из сел. Автуры Бамат-Гирей Хаджи Митаевым, Доногуев и он предприняли некоторые конкретные меры. Ротмистр указывал, что «самые верные люди этого района, приверженные Зелимхану, также были у Хаджи, под тем предлогом якобы пришли его навестить. Двоих из них пригласил к себе Хаджи, одному дал 300 рублей, а другому 1000 рублей, которые взяли эти деньги и обещали подвести Зелимхана к команде Исмайлова, который находится в ожидании там.» Прапорщику же Исмайлову было приказано, что «если его команда силой 9 человек не сможет почему либо одолеть его, чтобы он обратился за помощью к частям военного отряда. По подробному же ходу дела» Доногуев считал, «что Зелимхан будет убит кем нибудь из приближенных изменнически».[122]

В числе приглашенных шейхом был и Шахид Борщиков, который на сделанное ему предложение, «ответил колеблюще и не дал определенного слова, деньги же взял. Но он взял

позавчера от фанатика сверх 250 руб. еще 150 руб. и обещал устроить свидание. Поголовно все агенты мои, причастные к этому делу, говорят, что как Омар, так и Борщиковы ни за что не выдадут Зелимхана. Лишь разве ради спасения себя от смерти, ибо известные Вам абреки в крайнем случае, если наши планы не удадутся, хотят покончить с своими, т.е. с Омаром и Шахидом».[123]

Ротмистр докладывал, что Бамат-Гирей-Хаджи в данный момент принес огромную пользу и что все его мюриды, собравшиеся к нему, пожертвовали большие деньги, «специальное назначение которых против Зелимхана». В связи с этим Доногуев просил хотя бы еще на короткое время оставить этого шейха в Автурах, так как его присутствие сильно подняло дух против Зелимхана. Он просил также на этих днях не делать никаких передвижений отряда в районы Шали, Автуры, Сержень-юрта и об этом дать знать только генералу Степанову. В рапорте указывалось, что «точно также и мюриды Сугаипа Муллы вооружились против Зелимхана. Вообще все мюриды шейхов, которые гонятся за Зелимханом, сами себя вооружили, чем попало, и ищут его, чтоб иметь дело с ним при первой встрече. Если даже не все от души, но по крайней мере, часть их желает убить Зелимхана.» Наиболее надежным из них по указанию самих шейхов Доногуевым были выданы удостоверения за подписью генерала Степанова. Несмотря на это, отмечал ротмистр, некоторые начальники участков охотятся за ними и отбирают у них оружие, а они идут к нему с плачем, говоря, как мы будем искать своего врага без оружия в руках. В связи с этим Доногуев просил начальника округа, «хотя бы на это время, предписать начальникам участков не относиться вообще к агентам так строго».[124]

У каждого святого- шейха – свои мюриды, почитатели, их сотни и даже тысячи, которые искренне верят в святость шейха, видят в нем своего защитника перед Аллахом и как верные слуги готовы положить за него свои головы. Вот и получилось, что новый настрой шейхов привел в настоящее

движение мюридов против Зелимхана. Шейхи, поддерживаемые многочисленными мюридами, всегда представляли большую силу. И начальство не могло с этим не считаться.

Рапорт заканчивается постскриптумом. В приписке к письму Доногуев обращает внимание начальника округа, что «дело Зелимхана в настоящее время крутится вокруг Бамат-Гирея-Хаджи», а потому ради извлечения пользы начальству следовало бы дать знать, что, «если он способствует уничтожению Зелимхана, то будет удостоен внимания начальства». Доногуев отмечал, что Бамат-Гирей-Хаджи недоверчиво относится к администрации и просил начальника округа лично вмешаться в это дело. «Ваше одно ласковое слово будет иметь большое значение. А потому, если бы Вы устроили Бамат-Гирей-Хаджи продление срока его пребывания дома, что, безусловно, нахожу необходимым, как я вижу здесь по ходу дела, то это подняло бы его в глазах населения с точки зрения уважения к нему начальства, что важно для туземцев. Наша основная цель – использовать шейхов. И громадную пользу принесло предоставление Хаджи хотя на неделю свободы». Постскриптум заканчивается тем, что «его (Хаджи –авт.) появление сразу оживил всех его приверженцев, и дела пошли совершенно иначе.[125]

Вышеприведенные доводы получили должную оценку, и начальник Грозненского округа направил письмо с тем же грифом «совершенно секретно» генералу Степанову во Владикавказ. Исходя из рапорта ротмистра Доногуева, писал он, «считаю долгом доложить В. Пр-ву, что в искренности желаний шейха Бамат-Гирея и Сугаипа Муллы уничтожению абрека Зелимхана навряд ли в данное время есть сомнение, так как этот вопрос для них стал вопросом шкурным; поэтому, если этого шейха и муллу мы терпели десятками лет, то не составит особенного ущерба, если высылку их в Россию отложить на месяц или более, испробовать их влияние и старание против поимки Зелимхана».[126] Тем не менее предписание наместника выполнялось неукоснительно. Помощник началь-

ника Терской области генерал Степанов в письме начальнику военного отряда Маргании указал, что по донесению №129 «назначено расследование о действиях шейха Сугаиб-Муллы», и ему «следует установить наблюдение в тех местах, где находятся родственники-укрыватели Зелимхана и, при случае, делать засады последнему. Эта мера, несомненно, принесет больше пользы, чем арест родственников».[127]

На этом все сведения о шейхах обрываются. Каковы последствия предписания наместника Кавказа о выдворении из пределов края семерых провинившихся чеченских шейхов неизвестны. На вопрос – когда и куда они были высланы, архивы не дают ответа. Один из первых исследователей разбоев на Кавказе В. Козачковский, более двух десятков лет прослуживший в грозненской администрации, в том числе и тюремной, писал, что все они понесли вынесенное им наказание и высланы за пределы области. Но заявление это, как было уже сказано, не подкреплено никакими фактическими и документальными данными. Эту версию повторяют за ним и последующие авторы, полагаясь, по-видимому, на его осведомленность как современника тех событий, а может и очевидца. Однако в нас, готовых также поверить в это, как не располагающих исключающими фактами, закралось сомнение: шейхи, перешедшие в самый последний момент на сторону царских властей, могли быть негласно прощены и оставлены на месте. По крайней мере, вышеназванные два шейха, вступившие в сотрудничество с властями для поимки и уничтожения Зелимхана. Другим закрепляющим сомнение моментом является то, что высылка святых отозвалась бы громким эхом в мусульманском мире и обязательно отразилась в печати и деловой переписке. А этого всего не было.

В то же время возлагавшиеся администрацией и самими шейхами надежды полностью не оправдались. Большинство мюридов и населения, в сознании которых Зелимхан представлялся как народный герой, не могли в одночасье изменить свое расположение к нему. Поэтому если и были случаи

выдачи отдельными чеченцами и ингушами абреков или их ликвидации, то только тех, которые являлись их кровниками. Но этого было так мало, что почти не сказалось на решении общей задачи борьбы с абречеством, а Зелимхан продолжал оставаться на воле. Поэтому можно вполне допустить, что семь шейхов могли быть высланы из пределов Терской области, но, как уже было сказано, обнаружить каких либо следов этого не удалось.

Для выяснения причин «неуловимости разбойника Зелимхана» и выработки на месте как чрезвычайных мер административного воздействия «против отдельных лиц и целых обществ, виновных в укрывательстве и пособничестве названному абреку», так и предложений по дальнейшей борьбе с ним наместник направил во Владикавказ своего помощника по военной части генерала Шатилова. Выслушав доклады начальника Терской области, других заинтересованных лиц и ознакомившись с ситуацией на местах прибывший с инспекцией генерал установил, что самым главным тормозом в поимке Зелимхана служит поголовное укрывательство его почти всем чеченским народом без различия звания и положения лиц и оказываемая им абреку в необходимых случаях активная поддержка. В целях успешной борьбы с абречеством в дальнейшем Шатилов предложил выработать чрезвычайные меры не только административного, но и уголовного воздействия против отдельных лиц и целых обществ, виновных в укрывательстве и пособничестве Зелимхану и остатков его сподвижников. Прибытие генерала Шатилова с инспекцией значительно активизировало действия военного отряда и всей терской администрации по сковыванию действий и ликвидации самого опасного абрека.

По возвращении в Тифлис Шатилов подробно доложил графу Воронцову-Дашкову о результатах своей командировки и выработанных вместе с ним Терской администрацией мерах по усилению борьбы с разбоями и грабежами и в осо-

бенности по уничтожению Зелимхана. Признав их вполне удовлетворительными, 15 октября 1911 года наместник направил начальнику Терской области специальное предписание, в котором потребовал неукоснительно выполнять все пункты совместно выработанной программы.

Зелимхан хотя и был ограничен в своих перемещениях, обложенный секретами и засадами военного отряда, без особого труда передвигался не только по Чечне, известной ему как свои пять пальцев, но и выбирался за границу, как это было сделано в то же лето, когда он отправился в Персию (если верить тогдашней официальной переписке), чтобы заготовить боеприпасы. Бакинская сыскная полиция, пытаясь предостеречь от очередного злонамерения абрека, 18 июля 1911 года уведомила об этом полицмейстера гор. Петровска (ныне Махачкала). «По имеющимся сведениям 16 сего числа июля через Баку в Петровск, проездом из Ленкорана проследовал известный разбойник Зелимхан. Зелимхан был в Персии, где закупил патроны и теперь намерен совершить в Петровске ограбление казначейства».[128]

Это подтвердил и агент Доногуева. Он сообщил, что Зелимхан «собирается сделать выступление», чтобы добыть денег, а затем с ним уехать в Сибирь, выкрасть свою семью и уехать в Турцию. Для этого предполагает отправиться в ст. Ермоловскую Кизлярского отдела, напасть на богатого казака этой станицы, у которого, как ему передали, имеется около 4 тысяч рублей наличных денег. Осуществить даже такой на первый взгляд несложный план в условиях начавшегося повального преследования было непросто. Понимал это и сам Зелимхан. Поэтому решил не спешить, выждать более подходящее для этого время.

Истосковавшийся по семье Зелимхан решил воспользоваться этим временем и жениться. Благо Коран разрешает многоженство. Помогли друзья, подыскали невесту. Его новой женой стала жительница села Ца-Веден Зайна Маасуева, проживавшая на Гунийском хуторе у своего родственника

Гадая. Вышла за абрека, а слух пустила (возможно, чтобы не навести на него след) будто ее выдают замуж за Саубана Наза-Хаджиева из 2-го Гунийского хутора.[129]

Сознавая, что об этом его недоброжелатели или кровники обязательно сообщат администрации, которая непременно попытается осуществить его захват по этому адресу, Зелимхан не стал испытывать судьбу и скрылся. Никто не мог сказать, куда подевалась и сама Зайна. Существует и другая версия, дошедшая до Степанова, будто Зелимхан взял себе в жены родную сестру братьев-малхетинцев, проживающих на хуторе Хоржанта, расположенном около сел. Мереджей – «Берема Гучика и прочих». Но и в этом случае Зелимхан там не задержался, отправился в Харсеной, оттуда спустился в Шали, а жену «вероятно, оставил в Гой-Харсеное или на одном из Варандеевских хуторов около Сюреты или Дамендука».

Но вскоре все эти версии отпали. Начальник Веденского округа Каралов направил Маргании рапорт, в котором сообщал, что по сведениям его агентов Зелимхан последнее время скрывается в пещере, расположенной между селением Гуни и хутором Джонхенкорт. Сразу была организована облава. К пещере в спешном порядке направили команду из военного гарнизона Ведено, стражников и ряд добровольцев из числа местных жителей. В основном это были кровники. На случай прорыва Зелимхана перекрыли пути его отступления заставами из числа нижних чинов в количестве 20 рядов и 2-х офицеров. Одна застава заняла Арджаховский мост близ аула Ца-Веден, другая – перекресток дорог, идущих из Ца-Ведена в Гуни и из Агашпатоя на Эртенкорт. Таким образом, были перекрыты все подступы, а паролем стала «Пуля».

В этой операции был задействован и временно командированный в Терскую область 5-ый Кубанский пластунский батальон. Он должен был выставить из сел. Автуры 30 человек и занять населенные пункты 3 участка заставой и постами, столько же из селения Майортуп и занять заставами пункты

4 участка и 10 человек из Ведено для блокирования пещеры. К каждой команде был приставлен офицер. Пропуском для всех служила все та же «Пуля». Кроме того, в разных местах была размещена команда из 10 пластунов, 8 добровольцев и 5 нижних чинов Дагестанского конного полка при 2-х офицерах, а еще 30 пластунов при офицере выдвинуты в качестве резерва.[130] Вся эта сила была брошена для обнаружения и захвата одного человека. 12 ноября 1911 года для этого были предприняты все меры, но они оказались напрасными. Обысканные пещеры результата не дали: донос оказался ложным.

Борьбу приходилось вести не только с Зелимханом. В Терской области орудовали сотни других банд. 11-го ноября в шесть часов вечера шайка разбойников из 50 человек чеченцев и русских верхами и на арбе близ Ставропольской границы напала на экономию крупного скотозаводчика-туркмена Муссы Шитай Арчиева (по другим источникам – Аджиев – авт.). Шайка завладела «одной пятисотрублевой бумажкой, на пятьдесят тысяч сторублевыми бумажками, на тридцать тысяч старыми пятирублевыми бумажками, золотых монет тысячу штук, турецкой золотой монетой на триста рублей, в числе которых много с дырками, седло, браунинг, разные татарские ценные вещи». При этом был убит работник, а сам Мусса и его жена ранены.

По получении тревожного сигнала начальник военного отряда 15 ноября приказал командиру 2-ой сотни Дагестанского конного полка штаб-ротмистру Мусалаеву «немедленно с полусотней выступить в сел. Шеды-юрт, где полусотня будет стоять, освещая (контролируя – авт.) местность до сел. Кень-юрт и Аду-юрт». Восточнее ее, в сел. Новый-юрт, должна была разместиться полусотня ротмистра Котиева, «освещая местность до Николаевского моста и до сел. Брагуны», а правее его со своей полусотней ротмистр Хабаев. Предписывалось также по Тереку против казачьих станиц устроить засады на бродах через р. Терек, о чем Мусалаев должен был немедленно по прибытии в Шеды-юрт сообщить атаманам

станиц и взять их под свое начало. Подозрительные дома в аулах и хуторах должны были осматриваться, приглашая для этого сельскую администрацию. Так Зелимхан и его друзья брались в кольцо. Круг сжимался. Продолжительность пребывания полусотни в Шеды-юрте ограничивалась тремя днями. Если за это время шайка не обнаружит себя, полусотня должна будет возвратиться на место прежней дислокации. Согласно приказу по Терской области за № 200 обеспечивать полусотню довольствием в пути и на стоянке должно было чеченское население района охраны.[131]

Собственная разведка военного отряда не справлялась с обязанностями, была очень инертна и почти никогда не устраивала своих поисков и тайных слежек за Зелимханом. Рыскать в горах и лесах на виду у чужих людей было непросто и опасно. Да ее, этой разведки, и нехватало. Вся надежда возлагалась на обиженных абреками людей, на кровников Зелимхана и добровольцев-осведомителей, чуть ли не каждый день доносивших военному начальству и местной администрации (сельским старшинам, начальникам участков и округов) о виденном или слышанном. В одном из рапортов генерал-лейтенанту Михееву начальник Грозненского округа писал, что Зелимхан в одном только Урус-Мартане, где 12 декабря 1910 года «после убийства... Боку Баканаева, имеющего многочисленную родню.., приобрел себе свыше тысячи человек кровников».[132] Все эти люди, находившиеся как бы на внештатной службе у администрации, составляли агентурный костяк. Но среди множества поступавших сведений были и заведомо ложные, поставщиками которых являлись все еще многочисленные сторонники неуловимого абрека готовые всегда прийти ему на помощь. Они-то и подкидывали властям дезориентирующие сведения – назывались другие места и населенные пункты, укрывались спутники и намерения.

Наместник Кавказа, Главнокомандующий войсками края граф Воронцов-Дашков еще в октябре приказал старшему

помощнику начальника Терской области генералу Степанову сосредоточить в своих руках всю сыскную часть и агентуру по уничтожению абрека Зелимхана. И генерал «в целях выяснения наиболее достоверных сведений и согласования принимаемых мер» потребовал от всех должностных лиц, имеющих отношение к данному делу, «представлять ему еженедельно по понедельникам краткие донесения о всех сведениях, полученных за истекшую неделю», а для сокрытия и удержания в тайне лазутчиков предложил «именовать начальной буквой округа и цифрой, начиная с О № 1 и т.д. Равным образом включать сведения и из случайных источников, помечая их: О. С».[133] В срочных донесениях агенты-осведомители обязаны были помещать сведения о местопребывании Зелимхана за истекшую неделю, о его намерениях и планах, о том, кто ходит с абреком и другие сведения, которые будут признаны имеющими значение. Было приказано адресовать донесения в Управление Кизлярского отдела, куда генерал на время перенес свою резиденцию, чтобы быть ближе к местам разгула Зелимхана и поднять розыскную оперативность. Пакеты следовало помечать: «секретно – срочно».

Вскоре к генералу Степанову стали поступать сведения по указанной форме. Вот так выглядели сведения, полученные за неделю с 14 по 20 ноября 1911 года:

Вопросы, на которые следовало дать ответы:

Источник

Местонахождение

Его намерение

Кто с ним ходит

Различные сведения

О. №1

17 ноября около хутора Сюрезы. 20-го в сел. Вашиндерой.

Надтеречный участок.

Приискивает себе убежище на зиму.

Два ингуша и один чеченец.

Интересны сведения, поступившие с 6 по 14 декабря

1911 года от командира 1 сотни Кубанского пластунского батальона подъесаула Дикова.

Источники

Местонахождение

Его намерение

Кто с ним ходит

Различные сведения

О. №2

В ущелье близ аула Харачой. Окружен Кубанским пластунским батальоном и сотней Дагестанского конного полка.

Прорваться через окружающие его посты и убежать в 4-ый участок Грозненского округа.

Около 5 абреков, но кто неизвестно.

По слухам – есть жертвы.

А вот сведения за тот же период с 7 по 14 декабря, полученные от командира 5 сотни Кубанского пластунского батальона полковника Масляникова.

Источники

Местонахождение

Его намерения

Кто с ним ходит

Различные сведения

О. №3

Сообщение начальника Веденского округа:

В ночь с 8 на 9 и весь день 9-го декабря в пещере в 3-х верстах от сел. Харачой. Остальное неизвестно.

12 декабря начальник Веденского округа князь Каралов такой же рапорт, как и полученный от Маслянникова, направил начальнику Терской области. В отличие от оказавшегося ложным ноябрьского доноса агентов о том, что Зелимхан находится в пещере около сел. Гуни, это сообщение было достоверным. Во всех докладах указывалось, что по имеющимся у них сведениям «Зелимхан скрывается в пещере харачоевской горы в 3-х верстах от сел. Харачой – родины Зелимхана.»

Заботу о нем с первого дня взяли на себя родственники

и даже сельчане. Они знакомили его с новостями, носили в пещеру продукты. Зелимхан частенько закусывал также мясом ягнят, которых иногда таскал и сам из расположенного рядом кутана. За два месяца хозяин отары не досчитался нескольких овец. Он был возмущен, но открыто выступить против такого абрека боялся. Он понимал, что в случае чего тот при первой же встрече с ним не посчитается с тем, что они единоверцы и оба чеченцы.

Как бы там ни было, Каралову стало известно, что Зелимхан прячется в пещере. Об этом ему тайно донес харачоевец Ахматхан А., возможно, тот самый пастух по соседству, у которого пропадали овцы. Как только были получены эти сведения, Каралов организовал отряд, в состав которого вошли: партизанская сотня численностью в 60 всадников под командой прапорщика Гамиева, 10 всадников Терской охранной стражи с офицером стражи подпоручиком Лопатчиковым, 5 человек добровольцев из числа кровников Зелимхана и приглашенная к содействию пулеметная команда 5-го Кубанского полка при двух пулеметах во главе подъесаула Варламова и полусотня пластунов того же батальона под командой сотника Жмакина. «Приняв меры, – писал Каралов, – к совершенно секретному выступлению, так как в Чечне очень трудно отдать какое-либо распоряжение, чтобы через несколько минут оно не сделалось достоянием многочисленных агентов Зелимхана, я в 2 часа ночи с этим отрядом выступил из слоб. Ведено на селение Хорочой».[134] Бесшумно пройдя селение, отряд остановился у подошвы харачоевской горы, на которую круто поднималась узкая тропа. Ввиду невозможности продолжать марш верхом, пулеметная команда и верховые лошади с коноводами вынуждены были отправиться назад в Харачой. Вдоль по ущелью реки Хулхулау был выслан секрет из 10 человек с подпоручиком Лопатчиковым с целью заграждения возможного спуска Зелимхана с высоты в случае обнаружения им облавы, остальной отряд двинулся на высоту около 8000 футов (фут равен 30,48

см. – авт.). Достигнув ее в 8 часов утра, отряд остановился и занял предварительную позицию для ознакомления с топографией местности и расположением пещеры на противоположном берегу глубокого ущелья, в котором по указанию агента должен быть Зелимхан.

Для точного определения этого места был взят хозяин находящегося там же кутана Туса Исламов, который указал, что не знает, там ли Зелимхан. Но когда ему было приказано, чтобы он пошел в пещеру и произвел разведку, он ответил: «Хоть убейте, но туда не пойду!». Отряд применил к нему силу, выставил его перед командой и отправился к пещере. Через засланного чеченца было установлено, что Зелимхан действительно там. В 8 часов вечера пещера была окружена цепью стрелков. Главная позиция – гребень горы против пещеры была занята полусотней пластунов подъесаула Варламова с частью партизан и стражников, снятых с ущелья Хулхулау, под начальством Лопатчикова, а также кровниками Зелимхана. Прапорщик Гамиев с партизанами, стражниками и сотник Жмакин со взводом пластунов были направлены в обход ущелья с целью зайти с тыла и стать под самой пещерой.

Князь Каралов со своим переводчиком Данилханом Чумаковым оставался на гребне с десятью пластунами и тремя стражниками, откуда могли обстреливать всю лощину между позицией стрелков и пещерой. Это место было наилучшим наблюдательным пунктом для руководства боем, который начали стрелки и продолжался до пяти часов дня. На выстрелы обложения Зелимхан из небольшой амбразуры ответил огнем из трехлинейной винтовки. Залпами цепи была выбита дверь пещеры. Войска понесли потери. За этот день были убиты один пластун и всадник партизанской сотни Эдильби Губиков и ранено три пластуна. Для оказания медицинской помощи раненым из Ведено были вызваны врач статский советник Тиль и фельдшер.

По ходу боя и в результате оценки подступов к пещере было установлено, что взять ее приступом невозможно из-за

недоступности, даже если пожертвовать всем отрядом, «так как докарабкаться до нее можно было только по одному человеку без расчета дойти до цели. Князь Каралов срочно обратился через посыльного к начальнику Веденского военного гарнизона Маслянникову с просьбой, чтобы тот прислал офицера артиллерийской роты с пироксилиновыми шашками, «дабы попытаться взорвать пещеру». Но так как в гарнизоне взрывчатых веществ не оказалось, то Масленников распорядился доставить орудие. Пушка была довезена до Харачоя в трех верстах от позиции, но доставить дальше не было никакой возможности из-за отсутствия дороги и ночного времени. Тогда для усиления облавы была вызвана полусотня пластунов, квартирующаяся в сел. Завирхи, а из сел. Шали сотня дагестанского полка.

В седьмом часу вечера на позицию прибыл и сам полковник Маслянников. Цепи пластунов окружили пещеру сжатым кольцом в диаметре до 300 шагов, а для того, чтобы исключить всякую возможность Зелимхану уйти за ночь, да еще при возможности попытаться ворваться в пещеру, Каралов предложил подъесаулу Варламову и подпоручику Лопатчикову продвинуться ближе к пещере. С вечера стрельба прервалась и затихла до 12 часов ночи. Потом она снова возобновилась и продолжалась недолго – 7-10 минут. После этого больше не начиналась.

На рассвете была произведена смена постов частями из резерва. После этого прапорщик Гамиев попросил разрешения у Каралова «осмотреть пещеру, так как, по его убеждению, Зелимхан ночью вышел из нея». При осмотре, действительно, абрека там не оказалось. Князь Каралов докладывал подробности виденного. Пещера расположена на левом берегу скалистой лощины, образовавшейся от снежных завалов. Она находится на высоте 40 саженей от дна лощины. С передней стороны нет подступа. Пещера имеет вид раковины, передний фасад которой искусственно заделан каменной стеной, обшитой зацементированным плетняком, в стене небольшая

дверца из плетняка, забитая соломой и рядом маленькая амбразура для стрельбы.

Наружная стена облицована большими плитами из местного камня, которые маскируют пещеру с окружающими ее скалами. Внутренний вид пещеры имеет форму овала в 5 шагов длины, 4 шага ширины и 4 аршина высоты. В задней стене устроена траншея шириной в поларшина и длиной в 2 саженя. Траншея эта делает посредине поворот налево, но, видимо, не доведена до конца и задумана для тайного выхода. Как наружная стена, так и внутренняя свидетельствуют о попадании стрелков – много пуль, засевших в стене, торчат оттуда. К пещере ведут две тропинки – одна влево к большому камню, за которым лежали стрелки, а другая – вверх, тоже на позицию. У наружной стены на узкой террасе сложено несколько бровен дров.

В покинутой Зелимханом пещере были найдены следующие предметы: палас, ватное одеяло, медный кумган, переметная сумка с кукурузной мукой, алюминиевый котел 3-ей сотни 5-го Кубанского батальона, пивная бутылка с керосином, две бутылки пустые, стакан с блюдечком, эмалированные чашка и чайник, глиняная чашка и такой же горшок с маслом, Чугунный котел, разбитый при перестрелке, деревянная ложка, сушенная баранья колбаса, сырая ляжка говядины, деревянное блюдо, перочинный нож, стреляные гильзы от трехлинейки, одна щетка с зеркальцем, старое в футляре, большая пробка, по-видимому из фиалкового корня. Заявление В. Козачковского о том, что в пещере вместе с Зелимханом два месяца находились еще несколько абреков и «найден между прочим капкан для ловли баранов», источниками не подтвердились: вся утварь была рассчитана только на одного человека.

Как свидетельствует опись вещей, харачоевская пещера служила Зелимхану настоящим пристанищем, удобным своей неприступностью и близостью к родственникам. Она устраивала еще и тем, что после убийства Боку в Урус-Мар-

тане он в течение двух лет не мог там показаться, и здесь он нашел надежное укрытие. Боясь обнаружения, он никогда и нигде не останавливался так долго. Не спасли его теперь и родные места.

Князь Каралов писал далее, что «от пещеры взяты свежие следы одного человека по снегу, которые шли сперва вдоль правой скалистой стены, а затем перешли лощину, в конце которой по гребню на снегу заметны и следы правой руки с каплями крови. Очевидно, поднимаясь по гребню, он упирался этой рукой, которая была поранена».[135]

По кровавому следу для розыска и преследования ускользнувшего абрека Караловым был командирован прапорщик Гамиев с партизанами и опытными следователями и полусотня пластунов. Кроме того, были посланы в населенные пункты, где по агентурным сведениям Зелимхан может найти приют, 7 команд из партизан, стражников и добровольцев-кровников численностью по 15 человек, а затем еще в 2 пункта по полусотне дагестанцев по распоряжению начальника военного отряда полковника Маргании, прибывшего в сел. Харачой 10 декабря.

В заключение князь Каралов не преминул сделать свои выводы. «Считаю долгом – указывал он, – доложить, что для того, чтобы положить конец этому гнусному издевательству над правительством чеченского населения, в особенности же харачоевцев, которые 13 лет кормят и укрывают его в трех верстах от своего селения, а в 600 шагах от пещеры, искусственно укрепленной руками этого же населения, находятся кутаны тех же харачоевцев, которые ежеминутно общаются с ним не как с разбойником, а как с желаемым имамом Чечни и легендарным народным героем и защитником их от этого влияния, я нахожу необходимым применить к населению Харачоя единственное радикальное средство, а именно: предъявить к населению Харачоя и ко всем ближним и дальним родственникам Зелимхана категорическое требование выдать его в недельный срок, в противном слу-

чае разгромить все Харачоевское селение как неверноподданное Его Императорскому Величеству Государю Императору».[136]

А 16 декабря, через несколько дней после побега из пещерной ловушки, Зелимхана уже видели, как он утром на рассвете по большой шоссейной дороге, идущей из слободы Ведено, спускался на плоскость на конной арбе, запряженной лошадью гнедой масти. Одет он был в черную черкеску с рыжей шапкой на голове.

Везучесть Зелимхана поражала. «Какой-то бог удачи, – писал А. Цаликов, – сопровождает все набеги Зелимхана, и он выходит из всех стычек и форменных сражений, правда, теряя одного за другим близких ему лиц.

Гибнут его отец, оба брата, лучшие его сподвижние и Аюб, и Соламбек, вместе с ним переносившие невзгоды его скитальческой жизни».[137]

То, что известный абрек и на этот раз остался цел и невредим, не устраивало не только администрацию. Вышеупомянутый Ахматхан А. вошел в сговор с двумя жителями селения Беной стариками Гехой Д. и Бийсултаном К. «образовать команду из 10 человек беноевцев и 10 человек харачойцев, родственников этого Ахматхана А., с целью идти на поиски Зелимхана». Они обещали в слободе Воздвиженской ротмистру Доногуеву дать подписку, что «если в течение 2-х – 3-х месяцев они не уничтожат Зелимхана, то согласны быть сосланными в Сибирь. Но так как они люди бедные и их поиски сопряжены с расходами, то просят зачислить себя в резерв Веденского округа».[138]

О состоявшемся визите и разговоре Доногуев сообщил начальнику военного отряда, но как была воспринята эта инициатива и имела ли она ход дальше, в документах не получила отражения.

Охотников за Зелимханом стало много. Они даже готовы были перехватить инициативу друг у друга. 22 декабря к тому же Доногуеву явились агенты прапорщика Исмайлова и со-

общили, что им удалось многое выведать, а именно: Зелимхан после бегства из пещеры был в Бачи-юрте, Майортупе, далее в Истису и направился на Брагуны. Затем, как установили они, он проехал к селам Казма и Аксай Хасав-юртовского округа, где у него есть родственники. В тот же день они выехали по пятам в надежде обнаружить его, так как родственники Зелимхана, находящиеся в Казма, также приходятся родственниками одного из них. И там им повстречался один чеченец, у которого на хранении находились 2000 рублей Зелимхана и около 1000 штук патронов, «с коим они вошли в сделку, и последний обещал выдать Зелимхана, если ему дадут 2 тысячи». Люди Исмайлова заметили на это, что они «сами тоже хотят заработать деньги, и если он не спустит означенную цифру, они и без него найдут Зелимхана. За 3000 рублей обязался выдать абрека и другой чеченец, которому на этот раз обещали эти деньги. «Сегодня же, – докладывает ротмистр начальнику военного отряда Маргании, – когда были у меня эти люди, приехал гонец от чеченца, просящего 3000 руб., за командой прапорщика, куда они и выехали».[139]

А еще через два дня подполковник Каралов получил известие, что Зелимхан уже находится в Кешень-ауле того же Хасав-юртовского округа. «Там проживает перс, которому Зелимхан поручил найти 5000 руб. фальшивых денег, с которыми он предполагает открыть торговлю в Астраханской губернии среди киргизов. Перс предполагает переехать за Аргун, где расчитывает достать эти деньги».[140]

Копии этого сообщения Маргания направил генералу Степанову, начальникам Грозненского, Хасав-юртовского и Назрановского округов, а также жандармскому ротмистру Белику и ротмистру Хабаеву.

Это были последние меры терской администрации по захвату и уничтожению Зелимхана в 1911 году.

Новый 1912 год, как, собственно, и следующий 1913 – последний год его жизни, уже не отличался особой активностью знаменитого абрека. Как свидетельствуют документы,

1912 год был временем затишья. Затишья большого. Совместные усилия военного отряда и администрации дали свои результаты. Зелимхан и другие абреки были существенно потеснены и ограничены в своих действиях. Усердие подполковников Митника, Ханжалова, Вербицкого, Добровольского, Клишбиева, Каралова, полковников Галаева и Маргании и военного отряда, возглавляемого последним, ротмистров Котиева, Доногуева, Кибирова, Мусалаева, генерала Степанова и лично начальников Терской области – генерал-лейтенантов Толстова, Колюбакина, Михеева и Флейшера, заступившего в эту должность 18 апреля 1912 года, а также большая агентурная сеть во многом из числа местных жителей, дали свои положительные результаты. Заметно уменьшилось число вылазок абреков. Значительная часть абреков и даже целых шаек была обезврежена: одни убиты, другие осуждены и сосланы в Сибирь, а некоторые даже на крайний Север, где от холода, голода, болезней и непосильных трудов многие не доживали до конца своего судебного срока. Стало меньше воровства, угона скота и лошадей.

Даже Зелимхан, еще недавно диктовавший свои условия всем – и мирянам и администрации, не объявляется лишний раз. Живет в основном за счет поддержки оставшихся верных ему друзей, сочувствующих и родственников. Несомненно, сказались и возраст и усталость за долгие годы борьбы, которая не принесла каких либо заметных результатов: на смену убитым неугодным администраторам приходили новые, иногда даже более опытные и решительные люди, как, скажем, полковник Галаев и другие.

Свои положительные результаты принес и военный отряд, постоянно преследовавший абреков и в первую очередь их символа Зелимхана. Военный отряд, хотя и подвергался заслуженной критике и обвинялся в слабой работе, не отвечающей поставленным задачам и назначению, свое дело делал, все более ограничивая знаменитого абрека в территории для маневров и друзьях.

В итоге, Зелимхан, потерявший многих своих соратников по разбойному промыслу и в борьбе с администрацией, в какой-то мере смирился со сложившимися новыми обстоятельствами. Однако терская и вся кавказская администрация все еще видела в нем своего злейшего и опасного врага и продолжала преследовать его до полного уничтожения. Она делала все, чтобы лишить его последних надежд, закручивая дальше гайки административнх мер, делая упор на высылку преступников и их пособников в далекие губернии России. Очередная такая высылка родственников Зелимхана должна была состояться в феврале 1912 года. Но до отправки они были заключены в Веденскую тюрьму.

Начальник военного отряда полковник Маргания доносил в секретном предписании командиру 5 Кубанского пластунского батальона. «Начальник Веденского округа отзывом своим от 4-го февраля 1912 года, полученного в штаб в. отр. 7 февраля уведомил меня об отправке этапом из сл. Ведено в гор. Грозный 1 февраля 68 человек чеченцев-родственников известного абрека Зелимхана подлежащих высылке административным порядком в Орловскую губернию и просил, ввиду важности отправляемой партии арестантов- ближайших родственников Зелимхана, а вследствие этого и возможности нападения на конвой с целью освобождения арестантов назначить кроме одной роты нижних чинов Веденского гарнизона еще от конно-дагестанцев, как дополнительный конвой, от сл. Ведено до Сержень-юрта одну сотню, стоящую в Дышни-Ведень и от Сержень-юрта до Устаро-Гордоя и до Грозного Устарогордоевскую сотню. На следующий день, 8 февраля в рапорте начальнику области сообщал, что он «секретно предписал командиру 5 Кубанского пластунского батальона о сопровождении 68 арестантов родственников Зелимхана.

Для усиления конвоя разрешаю Вам вызвать с постов батальона на тот случай столько, сколько Вы найдете нужным, но только не от одного поста, а от всех, кроме харачоевского, оставя достаточное число людей на постах, имея ввиду и обе-

спечение этих постов от всяких случайностей. Полк. Маргания».[141]

Дело не ограничивалось одними высылками за пределы области укрывавших Зелимхана родственников. Подлежали сносу и те самовольно образовавшиеся хутора, которые становились надежными и постоянными пристанищами абреков. Это засвидетельствовал рапорт начальника Терской области от 2/3 февраля 1912 года Главнокомандующему войсками Кавказского военного округа. В нем говорится, что Главнокомандующий, «обратив внимание на то, что за последнее время (т.е. до 1905 года) случаи грабежей и убийств в районе расположения Урус-Мартановских хуторов значительно усилились, и злоумышленники находили в них постоянное и надежное пристанище, изволили приказать принять безотлагательные меры к уничтожению хуторов, образовавшихся самовольно на Урус-Мартановской земле, с переселением проживающих на них туземцев к местам приписки их; канцелярией моей, по поручению бывшего начальника области ген.-лейт. Толстова, тогда же (11 мая 1905 года) было сообщено начальнику Грозненского округа, ввиду отсутствия в отзыве Штаба за № 9956 точных указаний о том, какими мерами должно быть исполнено распоряжение Вашего Сиятельства и, приняв во внимание, что расселение хуторов вообще может быть осуществлено не иначе как в судебном порядке, обратился к этому последнему и передал дело о расселении 42-х хуторов на рассмотрение Шатоевского горского словесного суда. Горский же суд определением своим от 27 июля 1905 года за № 533 обязал выселиться с Урус-Мартановской земли только жителей двух хуторов, а по отношению остальных 40, за давностью поселения их, дело прекратил, признав таковое себе не подсудным».[142]

По мере роста населения рядом с первыми поселениями образовывались хутора. Как правило, хуторяне были выходцами из этих же поселений и все, что находилось вокруг, все, что лежало, росло и стояло рядом, воспринималось ими, как

свое. Они знали здесь, где проходило их детство, каждый овраг, ручей и дерево, каждый молитвенный холм и камень. Поэтому расселять и переселять их куда-то, было не так просто.

Учитывая, что горскому словесному суду удалось расселить только два хутора, помощник правителя канцелярии начальника Терской области, решил проявить собственную инициативу и вошел к Главнокомандующему с предложением, на его взгляд, более радикального свойства и без каких либо особых хлопот. Он писал: принимая во внимание, что расселение в судебном порядке как Урус-Мартановских, так и всех вообще, хуторов сопряжено с большой волокитою и лишь с затруднениями и потерей времени может решиться в желательном смысле, я полагал бы, что вопрос этот полезнее было бы осуществить исключительно административным порядком, именно, распоряжением В. С.-ва, на основании 11 ст. Учр. Упр. Кавк. края».

Главнокомандующий войсками на Кавказе граф Воронцов-Дашков в резкой форме ответил незадачливому советнику, что это было бы грубым попранием национального достоинства людей, хотя в чем-то и провинившихся. Призывая действовать в рамках закона, Воронцов-Дашков указал, что «Урус-Мартановское сельское общество само может принять меры к сносу всех самовольно обосновавшихся на юртовой их земле хуторов путем предъявления к их хозяевам иска о восстановлении нарушенного владения., если со дня таковото прошло более чем шесть месяцев в общих судебных установлениях, но не в горском суде».[143] Такие меры будут законными и не вызовут недовольства у населения.

В начале марта 1912 года в Терской области происходит смена руководства. Почувствовав сильное сердечное недомогание, генерал- лейтенант А. С. Михеев 2 марта 1912 года издал приказ по области, которым возложил управление областью и войском на своего старшего помощника ген.-майора Степанова. Об этом он тут же направил рапорт Главнокомандующему Кавказскими войсками генерал-адъю-

танту графу И.И. Воронцову-Дашкову: «Доношу Вашему Сиятельству, – говорится в нем, – что за последнее время я стал страдать мучительно болезненными припадками в области сердца, а потому, не будучи в состоянии заниматься служебными делами, приказом моим от 2 сего марта управление областью и войском возложил на моего помощника ген.-м. Степанова».[144] Почувствовав, что навсегда может потерять эту высокую должность, 11 апреля Михеев поспешил отправить через полковника Гаибова телеграмму Гланокомандующему: «Выздоровев сего числа, я вступил в управление областью и войском». Но, как видно, опоздал. Илларион Иванович, имевший к Михееву свои претензии по части его службы, видел на его месте другого более расторопного генерал-лейтенанта – Сергея Николаевича Флейшера, который вскоре же, 18 апреля 1912 года, вступил в должность временно исполняющего обязанности начальника Терской области, а затем и на постоянной основе.

Чтобы совсем не остаться не у дел, 1 июля 1912 года Михеев направил письмо-ходатайство наместнику Кавказа, не забыв при этом упомянуть о том, какое усердие он прилагал на службе и в мирное и в военное время. «Многосложные обязанности, лежащие на начальнике Терской области, усидчивая кабинетная работа, неблагоприятные для моего здоровья климатические условия гор. Владикавказа и, наконец, постоянные волнения и огорчения, испытанные мною в течение четырех лет вследствие неприятных событий, имевших место за это время (в первом варианте доклада – огорчения по поводу поступавших многочисленных донесений о дерзких нападениях шайки Зелимхана и его жертвах) крайне расстроили мое здоровье, и я вынужден был слечь в постель от мучительной острой болезни ноги и сердечных припадков.» Далее он пишет, что по настоянию врачей сдал управление областью генералу Степанову и подал рапорт о болезни, после чего Его Сиятельству угодно было… для управления областью командировать ген.-лейт. Флейшера. «При дальней-

шей переписке моей с начальником штаба генералом Берхманом и к крайнему огорчению моему узнал, что согласно решению Вашего Сиятельства я должен оставить управление областью. Но в настоящее время, – продолжает он, – после четырехмесячного лечения.... по заявлению пользующего меня профессора Субботина я буду в состоянии продолжить службу».

Михеев прекрасно понимал, что при сложившемся положении, когда на его место уже назначено другое лицо, он не может больше претендовать на него. Но, веря в справедливое отношение наместника к себе как к старому и заслуженному генералу, решился обратиться к нему с ходатайством о назначении его на должность сенатора или же предоставления ему другой соответствующей должности. Михеев действительно имел заслуги перед Отечеством. Он верой и правдой служил в офицерских чинах всюду, куда его направляли. Он – участник двух военных кампаний: русско-турецкой 1877-1878 гг. и русско-японской 1904-1905 гг., где за выдающиеся отличия был Высочайше пожалован шестью боевыми наградами. В 1906 году, в смутные революционные времена наместник назначил Михеева начальником артиллерии Кавказского военного округа и одновременно исполняющим обязанности Батумского вр. ген. – губернатора, где так же отличился в подавлении революции. «Моя последняя служба в Терской области, если и не оправдала вполне тех надежд, которые на меня возлагались, то во всяком случае исправлялась мною с большим усердием и от всего сердца настолько, что подорвало мое здоровье».[145] Наместник И.И. Воронцов-Дашков благосклонно отнесся к заслуженному генералу и по его ходатайству Высочайшим приказом от 25 сентября 1912 года Михеев был назначен сенатором Правительствующего Сената.

Ему на смену пришел другой, не менее образцовый генерал-лейтенант Сергей Николаевич Флейшер. Новый начальник Терской области, видя, что общественному порядку

и спокойствию в принятой им области, уделяется недостаточное внимание, а силы (администрация и военный отряд), призванные обеспечить это, безответственно относятся к возложенным на них обязанностям, действуют порознь порой во вред делу, счел необходимым с самого начала поставить перед Главнокомандующим войсками округа вопрос о существовании в Терской области специального военного отряда, «назначенного для содействия администрации в борьбе с разбоями и по охране тишины и порядка».

Исходя из имеющейся по этому поводу огромной переписки, Флейшер пришел к выводу, что наместник хотел поставить службу военного отряда таким образом, «чтобы она отвечала специальным законам, которые принимались для содействующих воинских частей, касаясь вместе с тем взаимоотношения чинов администрации, с одной стороны, и отряда – с другой». Характер и порядок несения службы военным отрядом были определены двумя изданными в разное время инструкциями наместника: «Общими указаниями военному отряду, предназначенному для содействия администрации по охране тишины и порядка и в борьбе с разбойниками в Терской области» и «Инструкцией чинам администрации Терской области и военному отряду к розыску и уничтожению разбойничьих шаек».

Оба документа требовали, чтобы в основе совместных действий администрации и военного отряда лежало обязательное соблюдение отрядом принципов невмешательства в сферу деятельности администрации, при соблюдении стройной системы совместной работы полиции и войска. «Между тем, – пишет Флейшер, – на практике, как мне лично пришлось убедиться из накопившегося канцелярского материала и из докладов по текущему состоянию дела, совместные действия отряда и полиции ввиду самостоятельного существования их в виде двух заинтересованных сторон, преследующих одну и ту же цель, принимают неизбежно разрозненный характер, нежелательно отзывающийся на успехе дела».[146]

Признавая такое положение не соответствующим назначению отряда и даже наносящим вред решению поставленной задачи, ретиво взявшийся за дело Флейшер признал нецелесообразным его дальнейшее существование и обратился с рядом предложений к Главнокомандующему: «1. Самостоятельный военный отряд упразднить вовсе, ибо существование его в данное время, как мне кажется, не оправдывается теми результатами в деле уничтожения абреков, какие достигнуты в течение 3-летнего его существования. Для борьбы с абреками в серьезных и массовых военных операциях надобности не встречается, наряды же отдельных команд для партизанских действий против разбойничьих шаек и ловли отдельных абреков не требуют соединения в большой самостоятельный особый воинский отряд с отдельным начальствующим лицом и целым штабом при нем». Далее он отмечает, что существующее соединение мелких войсковых единиц, разбросанных на значительном пространстве под начальством одного, общего для всех военного начальника со штабом отряда, через который проходит большинство нарядов для содействия полиции, неизбежно влечет за собой непроизводительную потерю времени и служит одной из главных причин разрозненности и несвоевременности действий полиции и войска.

«2. Ввиду исключительной обстановки области, подверженной в данное время частым злоумышленным выступлениям абреков и, в частности, главного из них Зелимхана, ввиду чрезвычайно недостаточного количества полицейской стражи у начальников округов и полное отсутствие ея у атаманов отделов, я считал бы необходимым пока не лишать местную административную власть постоянного присутствия воинской силы, находящейся у нея под рукой и в ея распоряжении, а потому ходатайствую перед Вашим Сиятельством о разрешении временно оставить в районах: Грозненского округа 1 сотню конно-дагестанцев и Веденского – 2 сотни конно-дагестанцев с 1 сотней пластунов.

Далее в третьем пункте он просил оставить эти сотни в его распоряжении с тем, чтобы при необходимости он мог передавать их в распоряжение начальников округов или атаманов отделов. Это позволило бы, поясняет Флейшер, «без потери времени вызывать эти части и направлять их сообразно с надобностями».[147]

Главнокомандующий не согласился с предложением своего нового ставленника о ликвидации военного отряда, сочтя эту меру преждевременной, пока область все еще наводнена разбойничьими шайками, а на свободе гуляет главный их вдохновитель абрек Зелимхан. Флейшер признал преждевременность выдвинутых им мер и в очередном рапорте теперь уже в штаб Кавказского военного округа он писал: «Ввиду исключительной обстановки в данное время в временно управляемой мною области, благодаря злоумышленным выступлениям шаек абреков вообще и абрека Зелимхана, в частности...граф Воронцов-Дашков не апризнал возможным оставить Терскую область без постоянного в ней присутствия воинской силы, которая находилась бы всегда под рукой администрации и в ея распоряжении».[148] После этого Флейшер решил лично предпринять меры, мобилизующие все имеющиеся под его началом силы к более активным и результативным действиям. 22 мая 1912 года всем командирам войсковых частей, направленных в область для содействия администрации, атаманам отделов, начальникам округов и участков, полицмейстеру и приставам он направил циркуляр, в котором выражал крайнее недовольство тем, что во многих случаях совместных действий войск, административных и полицейских властей против абреков не только не было между ними необходимой для успеха согласованности действий и объединения всех имеющихся средств и усилий к достижению нужных результатов в бывших до этого времени случаях столкновения с шайками абреков, но в некоторых случаях даже наблюдались «признаки как бы противодействия административных властей успешным против абреков

действиям войсковых начальников, а так же и друг другу».

В своем циркуляре Флейшер не допускал и мысли о возможности умышленного противодействия административных и полицейских властей как войскам, так и друг другу в деле уничтожения абреков «и тем не менее, – подчеркивал он, – считаю необходимым теперь же предупредить всех лиц, прикосновенных по долгу службы в области к делу борьбы с абречеством, что не только противодействие с чьей либо стороны, но и неоказание полного возможного друг другу содействия в каждом отдельном случае столкновения с абреками, или в деле предупреждения преступного с их стороны выступления, поставить меня в неизбежную необходимость вменить это в преступление тому лицу, которое окажется виновным в противодействии или бездействии и, независимо от предания его суду за преступление по должности, я сочту себя обязанным виновных лиц, на коих распространяется предоставленная мне законом власть, немедленно увольнять от занимаемых ими должностей и вовсе от службы, не стесняясь тем служебным положением, которое они занимают в области».[149]

Вместе с этим начальник области не скупился на поощрения тех, кто беззаветно выполнял свои служебные обязанности по искоренению абречества, несмотря на их этническое родство с последними. Среди них был Арслан-Бек Котиев, которого командир военного отряда полковник Маргания представил в качестве одного из таких кандидатов. А. Котиев был повышен в чине. «За выдающиеся отличия» вне установленной нормы, – говорится в представлении, – на основании приказа военного ведомства за № 184 и официального письма начальника штаба 3 Кавказской казачьей дивизии от 25 ноября 1912 года командир 3 сотни Дагестанского конного полка ротмистр Арслан-Бек Котиев произведен в подполковники. До этого был награжден орденами Святого Станислава и Святой Анны 3 степени.

В описании заслуг, направленном начальнику 3 Кавказ-

ской казачьей дивизии, говорится, что Котиев имеет «большие заслуги при нахождекнии в военном отряде по охране Терской области уже третий год. – Это горный поход в январе 1911 года в Ассиновское ущелье, к твердыням полудиких горных ингушей Назрановского округа, где был убит ротмистр князь Андроников, экспедиция которого так печально окончилась для него и других».

Поскольку в этой характеристике конкретного участия А. Котиева в столкновениях с абреками имеются дополнительные штрихи целесообразно восполнить ими вышеописанные эпизоды.

«Военный отряд из двух родов оружия, – говорится далее, – переваливши по колено в снегу через снежную линию более 11000 футов, достигла хуторов Нельха и Коки, составляющие твердыню самого многочисленного и при этом неприязненно расположенного к нам ингушского племени, и твердыни эти были разрушены до основания. Разрушение этих вековых гнезд еще более усилило ненависть ингушей к нам и имелись у меня и начальника Назрановского округа сведения, как до появления, так и после появления отряда, что жители этих гнезд поклялись отомстить за разгром их убежищ и были достоверные сведения, что отряду готовили в горных теснинах ряд засад, но благодаря присутствию при отряде офицера из ингушей – ротмистра Котиева, весьма преданного долгу службы и происходящего из большого рода тех же ингушей, он со своими многочисленными родственниками, сопутствуя отряду и составляя вокруг отряда, в движении на привалах и стоянках, кольцо охраны и держа меня всегда в полном курсе о замыслах населения, совершенно парализовал враждебные выступления ингушей, и отряд, пройдя все горные аулы этих ингушей, благополучно выполнил возложенную задачу и вернулся во Владикавказ».[150]

Были отмечены и другие факты. После дерзкого нападения Зелимхана и его отряда на дорожную комиссию при ее следовании по Царскому шоссе, около малого форельного

озера, и уничтожения конвоя ротмистра Долидзе и членов комиссии абреки стали уходить от преследования. Ротмистр Котиев умело расположил секреты по вероятным путям отступления абреков из Дагестана в Терскую область. Отряд Зелимхана, преследуемый Котиевым, наткнулся на одну из выставленных им засад под начальством штаб-ротмистра Доногуева в ночь с 15 на 16 сентября в 3-м часу ночи. Шайка была рассеяна, оставив на месте столкновения двух убитых абреков, в том числе брата Зелимхана, 4-х лошадей и 9 винтовок, не причинив засаде никакого вреда.

Характеризуя ротмистра как замечательного командира, Маргания указал, что его сотня, единственная во всей дивизии, дала в текущем году отличный результат по стрельбе. Свое ходатайство начальник военного отряда закончил словами: «Блестящее командование сотней, а также описанные заслуги ротмистра Котиева обязывают меня в интересах службы и ея поощрения просить о награждении его «вне нормы наград чином подполковника. Полк. Маргания».151

Весьма похвально, что, несмотря на ранее данную нелестную характеристику ингушского народа, как одного из поставщиков абреков, военное командование так высоко оценило заслуги одного из его талантливых сыновей. Он показывал свою незаурядность на протяжении всей своей военной службы России.

Гибель Зелимхана

1913 год стал последним годом похождений и вообще существования Зелимхана. Неуловимый и неустрашимый, он с самого начала XX века был живой легендой и одновременно грозой для кровников, несговорчивых официальных лиц и толстосумов. За это время он и подустал, и лет прибавилось, стали сказываться ранения, не оставляла в покое малярия, валившая его с ног, но нисколько не убавилось злости и не-

нависти к тем, кто, как он считал, сломал ему судьбу, отнял жизни у отца и братьев, арестовал и сослал семью с малыми детьми в Сибирь... Однако, несмотря ни на что, рой этих чувств периодически вызывал у него прилив новых сил. И тогда мысль об уходе в Турцию, куда еще недавно, несколько десятилетий назад, переселилось много единоверцев со всего Северного Кавказа, среди которых были тысячи соплеменников-чеченцев, на время отступала, а то и вообще закрадывалось сомнение в правильности такого решения. Что лучше: жить на чужбине с тоской по родным местам и не вымещенной злобой, или быть всегда – и живым и мертвым – рядом с прахом предков и многочисленными родственниками по линии отца и матери?

Это была задача, которую Зелимхан всегда решал по-разному, в зависимости от обстановки и настроения. Но теперь, когда вокруг него все больше сжималось вражеское кольцо, в нем с большей силой заговорил дух борьбы, которая приведет уже этой осенью к той развязке, которую готовили Терская администрация и военный отряд при поддержке населения, уставшего от Зелимхана самого и его дружков, а также от постоев, штрафов, контрибуций, тюрем и ссылок в Сибирь и на остров Чечень не только отдельных личностей, но и целых семей и даже поселений, которым ставились в вину укрывательство и пособничество абрекам.

Военному отряду очень трудно давалась борьба с летучими отрядами разбойников и абреков. За четыре года существования он не добился сколько нибудь заметных успехов, за что подвергался серьезной критике и нареканиям со стороны областной и кавказской администрации. Боясь, что за такую пассивность можно схлопотать наказание с оргвыводами полковник Маргания в очередной раз потребовал от подчиненных активизировать разведывательную и оперативно-карательную работу и изловить или уничтожить, наконец, главного смутьяна и бандита Зелимхана.

Между тем о Зелимхане почти всю зиму ничего не было

слышно. Причина временного затишья оказалась банальной. По агентурным сведениям, которые получил ротмистр Хабаев, командир 5 сотни Дагестанского конного полка, от своих тайных осведомителей из окружения Зелимхана, он в январе и феврале болел и находился в селении Новые Алды.

В конце января хозяин дома, где он лежал, одел его в женский костюм, посадил на одноконную повозку и повез в Веденский округ. Отдохнув немного в Чечень ауле у знакомого, они продолжили путь, «и в том же селе, – сообщает агент, – они завернули к лавочнику-мануфактурщику Бейсултану. Остановив арбу у дороги, возчик зашел в лавку и купил там за 7 рублей головной платок для своего подопечного. Зелимхан взял этот недостающий к его женскому убранству платок, закутался в него и переправились через Аргун, чтобы попасть в Веде́нский округ».

Хабаев, держа под контролем Зелимхана и пути его следования, решил узнать еще некоторые подробности, связанные с ним и его друзьями, а именно, у кого он находился больным два месяца в Алдах, к кому он заезжал в Чечень ауле и др. Обо всем этом должен был знать один из жителей Герменчук, но дело может затянуться, так как он пока в отлучке. С его прибытием ротмистр связывал также выяснение местонахождения абрека «номер первый», конечный пункт его следования. Пока Хабаев уточнял эти вопросы, координаты Зелимхана указал командир 6 сотни ротмистр Доногуев. 5 февраля 1913 года он сообщил начальнику военного отряда о том, что три дня назад его агентами Зелимхан был замечен в первом участке Веденского округа. Тот же источник сообщил Доногуеву, что Зелимхан «этот месяц непременно посетит гробницу матери Кунта Хаджи, так как богомольцы начали стекаться со всех сторон к упомянутой гробнице для моления и этот месяц называется месяцем «Мовлед»(«Мовлид» – по-чеченски – авт.), где производится жертвоприношение и хождение по гробнице святых».[152]

Из дальнейших наблюдений стало известно. Что Зелим-

хан действительно посещал могилы святых вместе с богомольцами Веденского округа.

Зелимхан располагал только тем оружием и боеприпасами, которые доставались ему трофейным путем или посредством покупки. Иногда это мог быть подарок. Когда же не оказывалось в нужное время этих источников, Зелимхан, готовя крупное ограбление с участием большой группы людей, нападал на военные гарнизоны или склады оружия.

Приближалась весна, запасы истощились. Надежды на трофеи были невелики. Ничего другого не оставалось, как совершить налет на расположения воинской или казачьей части. И как знать, возможно, очередной такой налет мог удаться, если бы не утечка информации. В начале февраля 1913 года командиру 3 Кавказского артиллерийского корпуса, находившегося в городе Кизляре, местная администрация сообщила, что у нее имеются агентурные сведения «о намерении Зелимхана напасть с шайкой на один из гарнизонов с целью добыть оружие и патроны. По рассказам нападение это предполагается сделать по характеру похожим на Андижанское».[153]

Командир корпуса усомнился «в достоверности этих сведений», в том, что это возможно, тем не менее во избежание какой либо из его частей быть застигнутой врасплох, приказал «принять все меры предосторожности, считая, что, если бы такое нападение и было произведено, то последствием его было бы истребление всех нападавших и недопущение похитить хотя бы одну винтовку».

Ставя в известность об этом начальника 3 Кавказской казачьей дивизии в Кизляре, начальник штаба корпуса генерал-майор Квецинский передал ему приказ командира корпуса: «1. во всех гарнизонах, где возможно ожидать нападение, все винтовки должны на ночь стоять у изголовья каждого солдата или рядом. В случае пропажи винтовки как в отношении ее хозяина, так и похитившего ее будет возбуждено ходатайство для осуждения их по законам военного времени; 2.принять меры к тому, чтобы в случае нападения на гарнизон, кварти-

ры офицеров не были отрезаны от казарм; 3.в укреплении Шатое а равно и в других более опасных пунктах учредить наблюдение за окружающей местностью.[154]

Пока по доносам агентов военными властями принимались меры предосторожности от внезапного нападения абреков на гарнизон, Зелимхан через своих посредников занимался вербовкой охотников в шайку для очередного предприятия. Он посетил населенные пункты 2 и 4 участков, компактно расположенные – Галахи, Махкеты, Баин-юрт, Герзель-аул. Шихо-юрт и Нажай-юрт. Начальник области, опасаясь, что охотников, особенно среди молодежи, как и в Керкетской операции окажется много, приказал всем чинам гражданской и военной администрации «принять самые настойчивые и энергичные меры к агентурной разведке в целях своевременного раскрытия формирования шайки. Судя по тому, как набираются охотники, – поясняет он, – можно заключить, что шайка готовится для действий в Хасав-юртовском округе или Кизлярском отделе».[155]

День то дня сжималось кольцо возмездия вокруг Зелимхана. Теряя народную поддержку, приближение конца чувствовал и сам Зелимхан.

Расквартировав свои подразделения на правах постоя в нескольких десятках наиболее неблагополучных сел, военный отряд взял под контроль почти всю территорию той части Терской области, на которой Зелимхан чувствовал себя вольготнее всего – Чечню. Однако принцип иерархии в армии, который требовал постоянного согласования вопросов и ближайших действий, отрицательно сказывался на их оперативном решении. Пока испрашивалось разрешение на ту или иную инициативу, уходило дорогое время, за которое часто менялась обстановка и намечаемые меры теряли всякий смысл. Начальник Веденского округа обратился к начальнику области за разъяснением вопроса – «следует ли испрашивать согласие ротмистра Доногуева, на которого кавказским наместником возложена известная миссия, в каждом отдель-

ном случае на задержание абреков, беглых каторжан и др. преступников даже в тех случаях, когда лица эти разыскиваются судебными местами, следственными властями и прокурорским надзором, а также о преподании указаний о том, должны ли чины полиции, в случае получения агентурных сведений о прибытии Зелимхана в то или другое место, принимать немедленные меры к задержанию его без предварительного испрошения согласия на сие ротмистра Доногуева, дабы не терять времени».[156]

Генерал-лейтенант С. Флейшер нашел этот вопрос праздным, поскольку на него давно уже есть ответ, но на запрос все таки наложил резолюцию, в которой указал, что уничтожение абреков и задержание преступников и лиц, разыскиваемых судебными властями, составляют «первейшую и непременнейшую обязанность как самого начальника округа, так и всех полицейских и административных властей, ему подчиненных, а потому в этом деле им не только ничьего разрешения испрашивать нет надобности, но всякое промедление или неполное использование всех имеющихся в их распоряжении средств в деле уничтожения абречества и задержания преступников, вменяется им в строжайшую и непростительную вину, влекущую за собой тяжкую ответственность не только в административном порядке, но и по суду».[157]

В конце своей резолюции Флейшер обратил внимание на один момент, который в ходе розыскных мероприятий, может потребовать такого согласования, а именно: если в агентурных интересах явится необходимость временно оставить на свободе то или иное лицо, подлежащее задержанию, то вопрос этот может быть разрешен не иначе как через него, вследствие чего в подобных случаях каждый раз следует входить к нему с особыми представлениями.

Такое уже было, когда шейхи, подлежавшие высылке за антирусскую агитацию просили Терскую администрацию воздержаться от этой меры хотя бы на время, чтобы дать им возможность провести со своими мюридами такую работу, какую

ждут от них власти. Так шейхи хотели реабилитировать себя. Однако власти не были уверены в искренности этого заявления, и они были немедленно высланы за пределы области.

С первых дней 1913 года стал расти поток агентурной информации. Разведка следовала буквально по пятам Зелимхана. Стали более конкретно называться адреса и лица, у которых находил приют неуловимый абрек. 2 марта агент начальника военного отряда полк. Маргании Шахби Кудаев сообщил начальнику Веденского округа кн. Каралову, что в сел. Старый-юрт Надтеречного района Грозненского округа в доме Дики Лорсанова приспособлено помещение для приема Зелимхана, который скрывается там от властей. Это – маленькая комната, замаскированная обоями, в которой хранятся двухствольное ружье, чемодан коричневого цвета, черкеска и черный овчиный тулуп. Все эти вещи лично известны агенту, так как он видел их у Зелимхана. Ружье раньше принадлежало Омару Эдьдарову из сел. Сержень-юрт, высланному из пределов Кавказского края за укрывательство Зелимхана. Главным же вдохновителем преступных деяний Зелимхана и его покровителем, по заявлению агента, является заведующий чеченской охранной стражей Грозненского округа Эти Яндаров, «который лично просил агента передать Зелимхану,... чтобы он был осторожным до тех пор, пока не получит от него, Яндарова, ответа».

Яндаров – харачоевец и происходил из одного рода с Зелимханом. Он внимательно следил за всеми распоряжениями администрации и передавал их знаменитому абреку-родственнику.

Князь Каралов, получив сведения, что Зелимхан прячется у Лорсанова, направил Шахби Кудаева к Марганию с просьбой произвести облаву указанного дома с целью захвата Зелимхана и принадлежащих ему вещей для опознания их агентом. Облава дома Лорсанова была совершена только 5 марта. Зелимхана там уже не оказалось. Не подозревая, что власти напали на след и обнаружили одно из его явочных

мест, Зелимхан по счастливой случайности еще до облавы покинул его, но не позаботился о том, чтобы скрыть все улики против себя, оставленные в доме приютившего кунака. В ходе обыска была обнаружена двустволка центрального боя с двумя патронташами и около 40 патронов, снаряженными картечью крупного калибра. Патронташи были найдены Шахбием между дровами, сложенными во дворе, а двухстволку представил сам Дики, указав, что она была спрятана его женой в печке. Попалась и коричневая папаха Зелимхана с бархатным поношенным верхом, хотя и не бухарская, но довольно высокой цены. Ее заметил на голове Дики Кудаев. Все эти предметы были изъяты и переданы в военный отряд. Дики попытался удержать ружье, заявив, что несколько лет назад он купил его у своего односельца, но проверкой это не подтвердилось и оно было изъято в числе других улик. За удачно проведенную операцию Ш. Кудаев и другие агенты, подтвердившие его сообщение, получили вознаграждение.

Тому же Каралову донесли, что 13 февраля Зелимхан с двумя товарищами-ингушами, верхом на очень хороших лошадях, приезжали в селение Старый Чиркей Темир-Хан-Шуринского округа Дагестанской области, где пробыли два дня, но у кого именно неизвестно. В этом селении они обстоятельно обсудили план ограбления Темир-Хан-Шуринсой почты, идущей на Петровск или же из Петровска на Шуру, ввиду крайней нужды Зелимхана в деньгах. Кроме этого в донесении указывалось, что Зелимхан имеет пристанище в Дагестане в селении Цоботль у своего родственника Гази Магомада Абдурахмана Хаджиева, где и укрывается пока в листву не оденется лес, когда во всякое время можно укрыться. Кроме упомянутых сел Зелимхан, хотя и редко, но имел приют в селениях Хасав-юртовского округа – Миатлахе, Бургунае и Алмаке.

Агенты также утверждали, что Зелимхан на данный момент «чувствует себя совершенно здоровым и способным к разбойным деяниям и даже хвалился, что в скором времени

заявится в Веденском округе с 10-15-ю хорошими и преданными товарищами. А пока он занят подготовкой грандиозного разграбления вышеупомянутой почты или казначейства».[158]

Узнав от Маргании, где следует искать Зелимхана, ротмистр Мусалаев, командир 2 сотни Дагестанского конного полка, направил ему ответ, в котором писал, что «абрек Зелимхан никогда не был и не мог быть в сел. Чиркей (Чир-юрт) и вот почему: немало честных, верных слуг царя убиты и искалечены, немало вдов и сирот в этом селении, благодаря хищническим нападениям на наш полк. Главное Чиркей не заселен нашими предателями (друзьями Зелимхана), а заселены благородными и верными Престолу салатовцами, которые ему никогда не дадут крова. Для открытия всего этого мной приняты все меры».[159]

После Дики Лорсанова Зелимхан нигде не задерживался больше, чем на ночь. Он ловко запутывал следы, сбивая с толку чужих агентов, и в ближайшую администрацию летели доносы, что абрек направился туда-то, на деле же он оказывался там, где его совсем не ждали. Так было и на этот раз. В течение недели с 5 по 12 марта из Темир-Хан-Шуры он перебрался в Грозненский округ к Дики Лорсанову, а оттуда – в наделы Хасав-юрта. Затем он прошел к морю вступил в пределы Кизлярского отдела и остановился в местности, именуемой по-чеченски «Шави». Здесь, несколько в стороне от тех мест, где его искали, он и думал выждать время, пока подвернется счастливый случай снова заявить о себе. На самом деле не такие уж это были далекие края, но полное безденежье заставляло его идти на риск.

Кизляр – крупный промысловый центр Терской области, где бойко шла торговля не только рыбой, но и ценными заозными товарами, имел солидный денежный оборот. Его деловые круги, обладавшие состоянием и деньгами не меньше, чем самые известные толстосумы области, постоянно щекотали разбойничью страсть Зелимхана. Здесь он и думал поживиться очередной раз.

Но совершать разбойное предприятие становилось все труднее. Абречьи и разбойничьи шайки редели. Заметно убавилось сторонников и укрывателей: аресты и высылки их, а также жесткие административные наказания целых сел вынудили многих отказаться от Зелимхана и выбрать мирную безмятежную жизнь. Число же врагов и кровников абрека после каждого нового вооруженного разбоя, где погибали и чеченцы и ингуши, становилось больше. Давно выделенное за его жизнь денежное вознаграждение в 8000 рублей ждало своего обладателя.

Искушение было велико, потому что тогда это были большие деньги. Простой горец никогда не держал в руках такой суммы. Терская администрация на это и рассчитывала. Сдавленный со всех сторон горец: беспросветной нуждой, мздоимствующей властью, экзекуциями, непомерыми налогами и страх перед кровниками – неохотно, но шел на это безнравственное дело. И то не все, а только самые жадные и те, кого сломала трудная судьба.

И вот появились первые охотники, охотники за абреком – источником их зла – и за вознаграждением. Более 10 лет с 1901 по 1912 год Зелимхан пользовался поддержкой десятков и сотен простых горцев, благодаря чему был неуловим и взошел в зенит славы.

Но 1913 год изменил ему. 30 марта младший офицер, штабротмистр Гасанилов был вызван из слободы Воздвиженской в сел. Шали братьями Б.. – ми. Они заявили ему, что решили серьезно взяться за поимку абрека Зелимхана и выдвинули свои условия, которые они здесь же передали ему.

Гасанилов срочно сообщил об этом начальнику военного отряда и попросил передать ему «возможно скорее мнение свое и начальника области, дабы не терять время и скорее приняться за дело».

Понимая важность дела, братьями было решено и самим встретиться по этому непростому вопросу с высоким начальством. Они прибыли во Владикавказ и нанесли тайный визит генералу Степанову, хорошо знавшему их по прежней своей

службе в Грозненском округе, с предложением покончить с вождем всех абреков Зелимханом и предъявили свои условия. Но стороны не сразу пришли к взаимному согласию. Некоторые пункты этих условий оказались для властей неприемлемыми и начальник области С. Н. Флейшер, «по докладе ему», отклонил их. Через некоторое время был предъявлен новый вариант условий, но и он был признан неподходящим. На этот раз братьям было указано, какие именно пункты отвергнуты.

Наконец, в начале июня после переговоров с начальником военного отряда братья подготовили условия, «более или менее подходящие и приемлемые», после чего Флейшер разрешил Маргании подписать их «в виде обязательства по отношению сказанных туземцев в случае, если ими, или при их поддержке, абрек будет задержан или убит при сопротивлении с оружием». 11 июня полковник Маргания подписал уже третий вариант этих «Условий» и передал его через адъютанта отряда есаула Штольдера для окончательного утверждения вр. исп. обязанности начальника Терской области генерал-майору Степанову».

Условия Б.-ых состояли из 18 пунктов, и одним из их главных требований было сохранение в строжайшей тайне их имен и Гасанилова, который согласился выполнить посредническую миссию между ними и властями. Ознакомившись с ними, генерал внес новые поправки, а в третьем пункте счел необходимым вообще отказать.

Ввиду своего любопытного содержания «Условия» печатаются полностью с красной корректурой, внесенной Степановым.

Условия

1. В случае убийства абрека Зелимхана освободить арестованных (дописано красным – «чеченцев») и вернуть высланных из Терской области из-за него в административном порядке.

2. На время преследования назначить старшиной в сел. Шали Шахида Б.. – ва, но это назначение должно быть, якобы, по просьбе штаб-ротмистра Гасанилова, дабы не возбудить подозрение администрации (продолжено красными чернилами – «при условии, что это будет проведено без участия начальника области и генерала Степанова»).

3. В случае убийства Зелимхана утвердить его в должности старшины на три года того же Шахида Б.. – ва (красными чернилами пункт зачеркнут и дописано: «пункт 3 обещать нельзя»).

4. Выдать разрешение на бессрочное ношение оружия старого образца трем братьям и сыну старшего брата.

5. То же и тем лицам, кои способствовали нам в этом деле не более как на семь человек.

6. В случае убийства абрека нами – десять тысяч; по нашему указанию войсками – семь тысяч; если он уйдет из указанного нами места по вине войска – четыре тысячи.

7. На расходы наших сообщников единовременного пособия по 30 руб. на семь человек – 210 руб., которые будут удержаны при выдаче указанных в п. 6 денег.

8. Расписка полковника Маргании, что деньги, указанные в п. 6 будут уплачены.

9. В случае убийства Зелимхана нам выдать удостоверение, что он убит нами или по нашему указанию.

10. Двум другим братьям и сыну старшего предоставить подходящую службу по окончании дела по усмотрению начальника области.

11. Желательно одну сотню поставить в Воздвиженской, а другую оставить на месте в Шали (красным дописано: «зависит от начальника военного отряда»).

12. Если наш сообщник будет арестован администрацией, желательно его освободить на это время.

13. На первое время для расходов нам братьям необходимо еще 250 рублей, которые будут возвращены, если наше предприятие не увенчается успехом. При успехе эти деньги

останутся нам дополнительным вознаграждением (зачеркнуто «останутся нам» и приписано: «будут удержаны при выдаче денег, указанных в п.6»).

14. Все сведения будут получаться только через штабротмистра Гасанилова.

15. Необходимо пребывание Гасанилова на это время в Шали. (Приписка – «зависит от нач. военного отряда»).

16. Никто не должен знать, что сведения исходят через Гасанилова.

17. У нас есть только сообщники, которых пока не будем называть.

18. Эти пункты условия и имена нас трех братьев должны знать только начальник области, генерал-майор Степанов, полковник Маргания и штаб-ротмистр Гасанилов как в период наших действий, так и по окончании оных.160

В начале 20-х годов в одной из первых советских публикаций на Дону об абречестве были уже названы имена и фамилия этих людей, вступивших в сговор с Терской администрацией по поводу их участия в ликвидации Зелимхана. Несмотря на эту известность, автор настоящей книги счел необходимым из этических и других соображений больше не указывать их (хотя они вполне доступны и имеются в государственных архивах), и ограничиться написанием только начальной буквы, которая сама по себе ни о чем не говорит: мало ли какая может стоять фамилия за такой буквой.

Из «Условий» видно, что не только братья Б.. – вы изъявили желание ликвидировать изрядно поднадоевшего абрека, а еще семь их сообщников. Но и они не были последними, нашлись бы еще – и не один десяток.

Вместе с «Условиями» Маргания передал Степанову докладную с пометкой на конверте: «Совершенно секретно, в собственные руки».

В докладной полковник указал, что штаб-ротмистра Гасанилова знает как самого серьезного офицера полка, имеющего большое желание уничтожить Зелимхана, и в этом на-

правлении во все время нахождения в сотне, расположенной в Ведено, немало работал, и добытыми им сведениями о Зелимхане неоднократно пользовались при своих донесениях начальству подполковник князь Каралов и командир сотни ротмистр Котиев. Доступность, такт и умение говорить с туземцами, писал Маргания, обеспечило за ним близкое и откровенное знакомство представителей чеченского народа, главным образом в Веденском округе, где он прослужил в сотне ротмистра Котиева более 14 месяцев.

Маргания отметил также, что Гасанилов отлично знаком со всеми братьями Б.. – ми. Многочисленность этого рода и влияние его в Веденском округе, а в Шали в особенности, «Вам несравненно лучше известно, чем мне, и, зная, что все сведения о Зелимхане вертятся около Шали, думаю, что братья Б.. – вы могут его уничтожить. Автор докладной просил все изложенное довести до сведения начальника области и сообщить ему его решение, чтобы дать «совершенно правдивый и откровенный ответ тем же Б.. – м». Свое письмо он закончил уверенностью в правильности предпринимаемых действий: «Условия, кажется, весьма приемлемые. Аналогичные условия были нами испробованы в отношении других туземцев в вопросе о поимке Зелимхана. Попробуем и в последний раз в отношении Б.-вых».

Выше было отмечено, что многие агенты как одной стороны, так и другой вели двойную игру, служа и властям и абрекам, главным образом Зелимхану, который для властей был дороже всех как самый крупный абрек и вдохновитель разбойных шаек и протестных акций в крае. Все они от этого рассчитывали, и не без основания, на денежные вознаграждения и другие выгоды от властей и в то же время расположение со стороны Зелимхана, который не мог догадываться об этом.

Но были среди них и такие, которые, несмотря на доверие и доброе отношение к ним властей, укрывали Зелимхана. Так, начальник Веденского округа князь Каралов в секретном от-

зыве от 4 апреля 1913 года полковнику Маргании доносил, что «житель сел. Майортуп Темирсолтан Кохаев, состоя агентом ротмистра Доногуева, получил от Вашего Высокоблагородия расписку о вознаграждении его на случай поимки или убийства им разбойника Зелимхана, каковую он возвратил Вам осенью прошлого года в приутствии того офицера, который возил эту расписку генерал-майору Степанову». Намереваясь «возбудить ходатайство перед начальником Терской области о высылке Кохаева из пределов Терской области как укрывателя разбойника Зелимхана», он просил адресата сообщить ему «откровенные сведения о названном туземце и действительно ли он возвратил расписку, упомянутую выше».[161]

Подполковник Каралов был одним из тех, кто тесно сотрудничал с полк. Марганием для принятия им превентивных мер. 10 мая 1913 года он сообщил последнему, что Зелимхан вместе с автуринцем Микаиловым отправился в Андийский округ, но долго задерживаться там не будет, поскольку ингушский разбойник по имени Поскоч, прозванный Зелимханом Аржи Галга (Черный ингуш), участник шайки Зелимхана, убившей князя Андроникова в Ассиновском ущелье, прибыл во вверенный ему округ для присоединения к Зелимхану.

У Каралова были также свежие данные о том, что в эту шайку хотят войти еще несколько ингушей-разбойников – Дашлуко, Даут и другие. В связи с этим Каралов просил Маргания выехать в Ведено для обсуждения вопроса о дислокации частей военного отряда, которая, по его мнению, «требует неотложного изменения». Каралов считал более целесообразным иметь пластунскую сотню в сел. Ца-Ведень, откуда она может успешно производить разведку в районах Эртен-Корт и Маштак, где «наиболее удобное и частое пребывание имеет абрек Зелимхан», а в селения Дышни-Ведень и Харачой – конную часть для преследования его в районе Чермой Ламы.

Группировку Зелимхана пополняли не только остатки других разбитых шаек, но родственники и потомки тех, кто

пострадал от предыдущих репрессий со стороны властей. Среди них автуринцы, жители 3 участка Веденского округа два сына шейха Бамат-Гирея-Аджи Митаева, которые «для мести за наказание правительством их отца вербуют из молодежи приверженцев шейха с целью присоединения к Зелимхану и совершения вместе с ним ряда преступлений».[162]

Но еще незадолго до этого одну такую вылазку, закончившуюся большой перестрелкой с жертвами, Зелимхан организовал во время апрельской пасхи. По его подстрекательству произошло столкновение с его участием между казаками станицы Наурской и чеченцами сел. Верхний и Нижний Наур. Перевес сил был на стороне казаков. Чеченцы отступили, а Зелимхан нашел убежище в этих селах. Их жители, приверженцы абрека, тщательно укрывали его, придали ему другую внешность, чтобы не вызвать подозрение, одели в совершенно изодранный костюм, запретили носить оружие. Здесь он ожидал известия от братьев Митаевых о готовности его товарищей к выступлению, чтобы возглавить и руководить их действиями.

После некоторого затишья, наступившего в 1912 году, Зелимхан, как в начале своего абречества, активизировал свои действия, возможно считая, что спад его борьбы убавляет симпатии к нему и поддержку со стороны соплеменников. В мае 1913 года в Грозном должна была состояться очередная весенняя ярмарка, и начальник военного отряда, как один из гарантов тишины и спокойствия в области, опасался за нее. В связи с этим он направил командиру 5 сотни Дагестанского полка ротмистру-сотнику Хабаеву депешу, в которой просил «прислушиваться самому и требовать то же самое делать всюду от офицера и вахмистра», чтобы заслуживающие доверие сведения о Зелимхане сообщать ему. «Как Вам известно, – писал он, – последнее время участились его выступления. Скоро ярмарка, и за нее я очень опасаюсь. Примите в полусотнях…полную осторожность и полную готовность для за-

граждения и уничтожения шайки, если бы она произвела выступление...».[163]

Характер текущего момента в Веденском и Грозненском округах вызвал тревогу и у администрации. 21 мая начальник Терской области С. Флейшер направил в военный отряд Марганию письменное распоряжение. Исходя из того, что ингушские разбойники Дашлуко и Даут имеют намерение присоединиться к абреку Зелимхану в районе сел. Урус-Мартан он приказывал «принять самые действенные меры к воспрепятствованию соединения названных разбойников с Зелимханом, равно и поимке или уничтожению таковых».

Одновременно с этим повсеместно в терскую администрацию стало поступать столько тайных сведений, что это походило на какое – то соревнование агентов. Как показало дело, ничего хорошего в этом не было. Донесения о местопребывании Зелимхана противоречили друг другу, и трудно было разобрать, на какие из них можно положиться, а какие специльно подкинуты, чтобы ввести всех в заблуждение. На самом деле было так, как показал пристав Хасав-юрта 12 июня 1913 года. Он сообщил Марганию, что Зелимхан со своей шайкой из 42 человек хотел в мае совершить нападение на Хасав-юрт но не удалось, так как старшина сел. Мескер-юрт Талхинов «во время обысков отобрал у некоторых членов этой шайки бердановские ружья, чем и расстроил планы Зелимхана».

А вскоре Зелимхан сам сильно заболел лихорадкой, продолжал пристав, и пролежал около 20 дней в сел. Элисхан-юрт и только лишь дней 5-6 как поднялся на ноги, «но хотя и ходит, чувствует себя очень слабым». Старшина отметил также, что «по выздоровлении он предполагает все же осуществить свою преднамеренную цель нападения».[164]

Но этого не произошло. После выздоровления Зелимхан скрылся в Маиртупском лесу и полностью доверился мюридам Бамат-Гирея-Хаджи. Они укрыли его в сильно засекреченной яме, в которую можно было проникнуть незамечен-

ным даже среди бела дня. Установили охрану из нескольких человек и сносились с ним только по вечерам, когда приносили ему пищу и новейшие известия. Днем Зелимхан никуда не выходил из леса и сам никого не принимал.

Но как ни конспирировался, его местонахождение скоро стало известно офицеру 6 сотни Дагестанского конного полка поручику Астемиру Кибирову. Он доложил об этом начальнику военного отряда и попросил у него разрешения на проведение хотя бы на одну неделю обысков с конфискацией оружия как в самом ауле Маиртупе, так и в местах расположения команд 5 сотни. «При этом прошу, – писал он, – не арестовывать ни одного лица даже из тех, которые дают ему (Зелимхану – авт.) приюта, если даже будут уличены в этом».[165]

Согласно рапорту Кибирова целью обысков было не столько изъятие у населения оружия, которое в любое время может быть повернуто против непонравившейся акции властей, сколько желание спугнуть и согнать опасного абрека с потайного места и дать ему возможность приютиться там, где ему будет позволено. А для этого, считал Кибиров, необходимо убрать с Маиртупа и командировать в распоряжение начальника 4 участка Мусу Борщикова, «который и раньше, и в настоящее время очень мешает здесь делу», а также перевести вахмистра 5 сотни «из такого важного пункта, как Маиртуп, так как не делает ни обысков, ни разъездов и только распускает команду, кому куда благорассудится, а потому они постоянно бродят здесь и в Атагах, куда им совершенно нет никакого дела».

Для того, чтобы достичь поставленной цели, братья и их сообщники составили план действий. Исходя из него, Кибиров считал, что, если серьезно потрудиться хотя бы одну неделю, то успех будет предрешен. Но для этого он просил начальника военного отряда разрешить всем доверенным людям, которые участвовали в составлении плана, делать все то, что они считают важным и полезным, «дабы узнать,

кто из них, чем дышит, что очень важно делу. В виду таких соображений, – продолжал Кибиров, – одного, среднего, я послал побывать пока в Маиртупе, а младшего – в Гуни, чтобы они сами в качестве гостей у родственников, которые есть и в одном и в другом ауле, следили за движением народа. Я же сам сейчас еду в Ерсеной тоже в качестве гостя к хорошему знакомому до вечера, так как вечером необходимо быть у себя в Шали».[166] «Средний» и «младший» – это Б.-вы, но как они и просили, Кибиров их не назаывает. От «среднего» Кибиров вскоре получил записку, из которой следовало, будто Бамат-Гирей-Хаджи уведомил своих мюридов через посыльного о том, чтобы они «до возвращения его обратно во всем религиозном обряде обращались к Зелимхану, и они чуть ли теперь не признают Зелимхана святым и шейхом из шейхов».

Поручик Астемир Кибиров имел много приятелей среди чеченцев и хорошо овладел их языком. Благодаря этому он мог свободно без посредников общаться с тем, к кому он направлялся, и получить от него нужные сведения, а именно – последнее местонахождение Зелимхана. Эти данные подтвердили и братья Б.-вы. Полковник Маргания, не отстраняясь от столь важного дела, которое было смыслом его жизни последних лет и военного отряда, поручил его своему временному заместителю, исполняющему обязанности адъютанта отряда есаулу Кизляро-Гребенского полка Штольдеру, доверив «секрет настоящего дела с предварением, что за огласку этого вопроса понесет строгое наказание или по суду уголовному или по суду чести».

Наконец наступило время решительных действий. С разрешения начальника Терской области руководить операцией по уничтожению Зелимхана было поручено Кибирову как безупречно надежному и самому внедренному в дело офицеру. Одновременно Маргания предписал всем сотенным командирам «беспрекословно и немедленно давать поручику Кибирову для исполнения возложенной на него задачи вой-

сковую часть или команду по его требованию, не спрашивая, для какой цели.

Как только стало известно во Владикавказе о трех напросившихся помощниках, исполнявший обязанности начальника военного отряда Штольдер получил от генерала Степанова срочную депешу, в которой говорилось, что начальник области приказывает поспешно представить ему подробный рапорт о составлении плана к задержанию или уничтожению Зелимхана при содействии известных лиц и приложить к нему заключенное с ними «Условие» без фамилий и без названия местностей. Он потребовал также на всякий случай уничтожить их фамилии, тщательно зачеркнув чернилами, чтобы во всей переписке их никогда не было, и устранить то лицо, которое «обрекло бы план на неуспех. Известных трех лиц называйте «сотрудники из населения и называйте их – №1, №2, №3, если нужно будет их называть».[167]

Вся хроника последних событий по уничтожению абреков и связанная с «Условиями» складывалась следующим образом.

Ряд успешных операций, которые проводились в конце 1912 – начале 1913 годов привели к полному разгрому остатков группировок Зелимхана, в результате чего он остался один без вооруженной поддержки друзей, стал более доступным и ликвидным. Уставший выносить из-за абреков и разбойников административные и другие наказания со стороны властей чеченский и ингушский народы, становились все более безразличными к судьбе Зелимхана, хотя где-то и льстила им его недавняя слава, громкое имя, пусть даже разбойника, на всю Россию. Союзников у властей в борьбе с абречеством и их главарем Зелимханом становилось все больше и больше.

Хотя подобных обещаний со стороны чеченцев и ингушей было много, в данном случае были особые обстоятельства, которые внушали надежду на то, что на этот раз обещание дается искренне, «поскольку над предложившими свои услуги туземцами, как и многими другими, – писал позднее

начальник Терской области Флейшер временно исполняющему дела Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа, – нависла реальная угроза высылки из края за укрывательство абреков, и прежде всего самого дерзкого из них Зелимхана Гушмазукаева из Харачоя.

Имея ввиду использование этих туземцев для уничтожения Зелимхана, я приказал вопрос о высылке их приостановить ввиду данных ими по этому делу обещаний». Во-вторых, кровникам и другим противникам Зелимхана не давали покоя назначенные за его голову 8000 рублей.

Начальник области, желая использовать этих людей в своих целях, приказал вопрос об их высылке приостановить, так как они не только согласны, но и готовы изловить или уничтожить этого ярого злоумышленника, навлекшего на них гнев власти. Для обеспечения успеха Флейшер счел нужным снабдить трех помощников на первое время необходимым авансом и приказал Марганию выдать им те 250 рублей, которые они просят, и «соблюсти величайшую тайну, дабы сторонники абрека, узнав, откуда грозит ему опасность, не имели возможности принять контр меры».[168]

Для соблюдения полной тайны были приняты и другие меры. Чтобы частое появление братьев во Владикавказе или в Грозном не возбудило против них подозрений, было создано еще одно промежуточное звено на месте. Наиболее подходящим пунктом было признано селение Шали, около которого часто бывал Зелимхан, и которое имело свою телеграфную связь.

О том, как идет подготовительная работа на всех ее этапах, Флейшер аккуратно докладывал наместнику. «Во вновь выработанный план, – указывал он в очередном сообщении, – был посвящен офицер Дагестанского конного полка, осетин по происхождению, поручик Кибиров, как офицер заведомо мужественный, осторожный, распорядительный, умеющий входить в общение с туземцами и умеющий крепко хранить тайну, в чем он уже имел случай себя зарекомендо-

вать. Таким образом, в план были посвящены с начала и до конца приведения его в исполнение только четыре лица – я, генерал Степанов, полковник Маргания и поручик Кибиров, а все письменные и телеграфные сношения, не попадая ни в какие канцелярии, велись лично генерал-майором Степановым. С отъездом генерал-майора Маргании (это новое звание он получил незадолго до этого за усердие и по выслуге лет – авт.) его заменил бывший адъютант военного отряда есаул Штольдер, и на него было возложено мной продолжение дела по уничтожению абрека».[169]

С момента заключения договора началось выслеживание братьями абрека и постепенное шаг за шагом приближение к нему с целью войти в доверие. Все самые свежие сведения о Зелимхане, его местонахождении и намерениях они, ставшие отныне по существу штатными агентами администрации, сообщали Кибирову, а он в свою очередь передавал их начальнику военного отряда, который в зависимости от их содержания делал перестановки и перегруппировки воинских частей, и доносил обо всем начальнику области.

В середине сентября местопребывание Зелимхана уже было установлено точно. Братья, начиная с отдельных встреч, вошли в тесное общение с Зелимханом, оказывали ему различные услуги. Снабжали всем необходимым для жизни, а с наступлением холодов обещали устроить надежные пристанища, которые были ими уже приготовлены в двух местах – в Шали и в глухом хуторе 70-летнего старика Эумирзы Бугаева, на реке Шали-ахк, в 8-10 верстах от Шалей.

Особенно один из них стал близок к Зелимхану. Войдя в полное доверие к нему, часто навещал и все рекомендовал ввиду приближения зимы поселиться где-нибудь на отдаленном хуторе и даже называл особняком живущую семью, якобы очень расположенную к нему. Это был тот самый ранее намеченный дом Бугаева. Зелимхан посетил указанный хутор и остался доволен. После этого он стал чаще заходить туда. Оставалось только выбрать момент, чтобы взять абрека.

Кибиров одобрил работу братьев, которые с момента заключения с ними договора, стали по существу сотрудниками администрации. Но важность дела требовала проверки их показаний. Кибиров предложил им «дать ему возможность лично видеть Зелимхана», и они организовали такую встречу. Переодетый в простого скрывающегося от властей чеченца Кибиров виделся с Зелимханом в лесу неподалеку от Шали. Выказывая к нему свое искреннее расположение, он подарил телохранителям абрека бердановскую винтовку и обещал впредь добывать нужные для него патроны, а сам в это время успел заметить номер его трехлинейной винтовки. Кибиров поверил, что перед ним действительно Зелимхан. Но чтобы окончательно убедиться в этом, потребовал от сотрудников, чтобы они указали ему номер его винтовки, который ему известен, якобы, из других источников. Через несколько дней братья доставили ему «снятый на бумажку трением номер винтовки – 22178», тот самый, который видел поручик Кибиров. Теперь никаких сомнений в отношении личности абрека не было.

Понижение температуры во второй половине сентября ускорили развязку – сам Зелимхан искал место для зимовки.

Это обстоятельство толкало к решительным действиям. 22 сентября поручик Астемир Кибиров лично прибыл в Грозный и подробно доложил есаулу Штольдеру об обстановке. Было решено спешно подготовиться к окончательному наступлению. Поскольку Кибиров имел в своем распоряжении всего 28 человек 6 сотни, то начальник военного отряда Штольдер направил в сел Герменчук полусотню 5 сотни в 35 человек под командой поручика Абдулаева с подчинением Кибирову. Кроме того, прапорщику Ибрагимову, стоящему с полусотней в сел. Старые Атаги (12 верст от Шалей) и штабротмистру Доногуеву с полусотней в сел. Курчалой (15 верст) было предписано «немедленно и спешно следовать в сел. Шали для совместных действий с поручиком Кибировым.

В это же время начальник Веденского округа Каралов по-

лучил сведения, что Зелимхан собирается на хадж в Мекку, и в течение двух дней 23 и 24 сентября занимался поиском его к востоку и северо-востоку от Шалей (в сел. Гудермес, Ойсунгур и др.). Тогда же Кибиров обратился к Штольдеру, чтобы тот разрешил ему взять под контроль район к западу и юго-западу от Шалей (сел. Махкеты, Елистанджи, Зазоргон и др.), а также просил удалить из Шалей хотя бы на 2-3 дня одно лицо, которое может помешать благоприятному исходу дела. Есаул Штольдер тут же отправился за искомым разрешением к начальнику области. С. Флейшер поддержал предложения. И то и другое было немедленно исполнено.

Чтобы исключить поиск Зелимханом зимовки в других районах, в результате чего он мог бы уйти, части военного отряда перекрыли все оставшиеся вокруг пути. Младший помощник начальника Веденского округа капитан Костюков со стражниками и полусотней пластунов заградили пути в Махкетинском районе, а заведующий чеченской охранной стражей прапорщик Галиев и его помощник Муса Борщиков со стражей и агентами Веденского округа вели наблюдение «за линией железной дороги, по которой абрек намерен был перебраться в Турцию вместе с богомольцами, отправляющимися в Мекку и Медину. Кроме того, 24-го сентября в 3 часа дня шифрованной телеграммой начальнику Веденского округа С. Флейшер приказал прочесать весь Шалинский район, как место наиболее вероятного пребывания Зелимхана. По случаю отсутствия Каралова в ночь на 25 сентября это задание выполнил его младший помощник капитан Костюковский, а «вредный для успеха дела туземец» под благовидным предлогом при содействии прокурора Владикавказского Окружного Суда был экстренно вызван из Шали в Грозный.

На рассвете 24 сентября Штольдеру доставили еще один рапорт Кибирова. В нем была изложена просьба отвести часть отряда из Ведено к Махкетам. В этом случае Зелимхан считал бы свое пребывание в Шали безопасным. Штольдер срочно выехал во Владикавказ для согласования. С. Флейшер

и этот раз, предвкушая близкий успех и веря в правильность принятого поручиком решения, одобрил его, и маневр был срочно приведен в исполнение.

Тогда же 24 сентября, но уже вечером, на Бугаевский хутор пришел неизвестный чеченец, назвал себя пастухом и попросил у Еумурзы приюта. Хозяин дома в ходе разговора узнал в нем Зелимхана, принял, как положено у кавказцев принимать гостя, накормил и предложил остаться у него. Зелимхан согласился и провел ночь на хуторе. На другой день 25 сентября абрек забрал свое ружье, вышел из сакли и направился в кустарники, разросшиеся вокруг хутора, и вернулся обратно только к вечеру, когда пошел проливной дождь. Это был теперь маневр самого абрека, проверявшего надежность своего укрытия. Зелимхан чувствовал себя здесь спокойно, да и друзья ему советовали это место.

Старик-хуторянин снова проявил гостеприимность, предложил ужин и ночлег, а сам тайно отправил доверенного человека по адресу, чтобы дать знать о пребывании на хуторе преследуемого абрека. Посыльный – один из братьв Б.-вых, теперь уже постоянный агент Кибирова, сообщил ему эти сведения и уведомил еще о том, что Зелимхан отказался приютиться в Шалях, ссылаясь на то, что видел дурной сон, а потому никуда больше не пойдет и будет ночевать в хуторке из двух саклей у Еумурзы Бугаева, живущего с доброй 50-летней подругой.

Получив эти сведения, поручик Кибиров лично отправился в сел. Герменчук, отдал приказ прапорщику Абдулаеву немедленно прибыть с полусотней в сел. Шали. Он не сказал, куда и против кого направляется полусотня, но заметил, что придется действовать против очень вооруженного туземца. А чтобы отряд не перепутал и действовал точно по цели, описал его приметы по одежде и вооружению и объяснил солдатам, как действовать. После этого нетрудно было догадаться, для чего требуется срочно прибыть в указанное место. Для поднятия духа солдат свой инструктаж поручик закончил

Убитый Зелимхан

словами: «Докажите, что вы гордые дагестанцы и постарайтесь достойно отомстить за погибших ваших братьев от руки Зелимхана».[170] Затем, дав Абдулаеву последние распоряжения, Кибиров уехал в Шали.

За ним к назначенному времени в Шали прибыл со своими людьми и Абдулаев. Поручик Кибиров, взяв с собой своих 28 человек из 6 сотни и Абдулаева с его командой в 27 человек из 5 сотни и тайного проводника, двинулся к месту назначения. Впереди шел проводник. Ночь была темная, из-за начавшегося дождя движение сильно затруднялось. В четырех верстах от хутора дорога раздваивалась: одна шла прямо, другая вправо, в обход. По той, что уходила вправо, Кибиров послал отряд Абдулаева и приказал подняться на горку, откуда видны два домика, расположенных прямо у ее подошвы, и ждать, пока не начнется операция. Как только раздадутся первые выстрелы, рассыпаться цепью и наступать на хутор. Сам же Кибиров отправился по прямой дороге. Приблизившись к хутору на расстоянии 1,5 верст, он спешил людей и пешком пошел уже с 25 солдатами в сопровождении шалинского старшины, осетина Михаила Дзилихова и его переводчика Кази Магомаева.

По выходе из леса команде предстояло пройти кукурузный загон. Здесь Кибиров разделил команду на две части: один отряд из 10 человек послал вперед, а вслед за ним, но чуть в обход, с другим отрядом пошел и сам. В 20 шагах от хутора стоял кукурузный сноп. Кибиров со своими людьми подошел к одному из двух домиков. Раздался собачий лай и в это время из ближайшего дома выскочил босой растерянный человек. «Эй!» крикнул он в темноту, но ответа не последовало.

Кибиров приказал окружить дом и залечь, что было сделано с такой быстротой, что едва ли кто мог заметить. Было около десяти вечера. Запетив команде стрелять, пока не последует сигнал, Кибиров вышел вперед, чтобы лучше разобраться в обстановке, и в шагах 7-8 увидел за снопами кукурузы сидящего на корточках человека. «Хо стакъ вуй? Чахк

соваала!»(«Кто ты такой есть? Сейчас же иди сюда!) – обратился поручик Кибиров к нему по-чеченски. В ответ последовал выстрел, которым боевой офицер был ранен в правое плечо навылет с раздроблением кости. Кибиров упал, но тотчас же приподнялся и левой рукой произвел из револьвера системы «Ноган» четыре выстрела в абрека и тоже тяжело его ранил. Зелимхан упал. Тут же к абреку подскочил и юнкер Закарья Гебеков. Но тот произвел несколько прицельных выстрелов из револьвера и ранил юнкера сначала в бедро, а затем в левый пах. Продолжая отстреливаться, Зелимхан ранил еще двух всадников той же 6 сотни – Закарья Абдулазимова и Абаса Магомадова.

Как только стало ясно, что Зелимхан не намерен сдаваться, последовал приказ стрелять, и абрек снова был ранен. Сам Кибиров не имея возможности из-за полученного ранения продолжать бой и чтобы не быть помехой для других, залег и приказал залечь также другим, но смотреть в оба, чтобы не упустить абрека. В это время подоспел прапорщик Абдулаев, который оцепил своими людьми хутор с противоположной стороны. До 5 утра перестрелка не прекращалась. Всю ночь Зелимхан ругался и матерился на чеченском и русском языках, называл окруживших его гяурами и тавлинами.

На рассвете, когда голос Зелимхана смолк, решили проверить, где он и что с ним. Абдулаев и несколько его солдат направились к месту, где находился абрек. Раненый Зелимхан, «лежа произвел несколько выстрелов из браунинга и вторично ранил обоих Закариев – юнкера Гебекова и Абдулазимова. Подошедшие с ними сослуживцы произвели в него ответный залп, решивший весь исход боя. На теле убитого 26 сентября Зелимхана насчитали 17 ранений. При нем оказались: трехлинейная винтовка, значившаяся за Дагестанским конным полком, револьвер «Браунинг», кинжал в серебряной оправе, два патронташа с 20 годными патронами, так как остальные были побиты пулями команды, бинокль, три письма на арабском языке и молитвенник.[171]

На месте всем раненым была оказана первоначальная медицинская помощь сотенным ветеринарным фельдшером, а затем и прибывшим врачом отряда Холодовским, после чего командир Кибиров и юнкер Гебеков как тяжело раненые 27 сентября были отправлены в Грозненский лазарет, а легко раненые два всадника остались в строю. По другим архивным данным, в частности, по показаниям Штольдера, 27 сентября в лазарет отвезли Гебекова, а Кибирова как офицера, командовавшего успешно завершенной операцией, на автомобиле доставили во Владикавказский госпиталь, согласно же телеграмме штаб-ротмистра Федорова, оставленного замещать Кибирова в качестве командира полусотни, – раненого поручика отправили во Владикавказ поездом в сопровождении врача Холодовского.

Тело Зелимхана перевезли в Шали, где начальником Веденского округа Караловым в присутствии участкового начальника Шевченко и понятых был предъявлен для опознания. Дочь Зелимхана Мусульмат 14 лет, его невестка Дзезаг 28 лет, старшина сел. Харачой Махматхан Асхабиев, лично знавший абрека, стражник Терской охранной стражи, житель сел. Анди Хамут Ибрагимов, стражник чеченской охранной стражи, житель сел. Дышни-Ведень Гела Алатаев, житель сел. Махкеты Маик Джамалдиев и около 10 кровников абрека (фамилии опущены – авт.) утвердительно заявили, что убитый есть Зелимхан Гушмазукаев, которого они опознают по лицу и особым приметам. Правительственный старшина Асхабиев при предъявлении ему оружия и личных вещей также признал за его вещи – кинжал, револьвер «Браунинг», бинокль и пояс. Далее он пояснил, что кинжал был отобран Зелимханом у гехинца в 1911 году, а пояс снят с убитого им еще в 1905 году армянина в Хасав-юртовском округе.

После этого к Зелимхану были допущены фотографы, которые сделали ряд снимков для прессы и следственных органов: один – абрека самого в отдельности и другой – в окружении всадников Терского казачьего войска.

Отряд, действовавший против Зелимхана и члены семьи у его тела: 1 – дочь Зелимхана, 2 – его сноха, 3 – сын, 4 – начальник отряда Кибиров

Библиотека "Чеченинфо"

По распоряжению начальника Веденского округа с разрешения судебных властей Зелимхан был погребен 27 сентября 1913 года на Шалинском кладбище.

Среди дознавательных показаний о ликвидации Зелимхана есть и такие, в которых помимо описания того, как это происходило, дается оценка ему как абреку, называются причины популярности и трагизм его как протестующей личности. Вот что пишет тот же начальник Веденского округа князь Каралов, заступивший на эту должность двумя годами раньше, начальнику Терской области Флейшеру: «Донося об изложенном, счастлив доложить Вашему Превосходительству, что самоотверженная и неутомимая борьба с зловредным разбойником Зелимханом и его шайкой...увенчалась полным успехом, освободив верноподданный чеченский народ от тягчайших бед и несчастий, причиняемых злейшим врагом народа Зелимханом».[172]

Взгляд на зелимханщину и его последствия одного из чиновников администрации подполковника Каралова представляется интересным и, чтобы не упрощать пересказом, приведем хотя бы часть продолжения его доклада.

«Чеченцы отныне могут спокойно предаваться мирному труду, развивая промышленность, торговлю и сельское хозяйство при полном и искренном доверии и глубоком уважении русской власти.

Разбойник Зелимхан крайне преступную свою деятельность проявлял в течение почти 14 лет. История Зелимханиады говорит о переворачивании поездов с их ограблениями, о появлениях массовых шаек в городах, чуть ли не среди белого дня, о разрушении магазинов с ограблением их, о нападениях на вокзалы в городах и ограблении вокзальных касс, о денных набегах на города и ограблении правительственных учреждений, о повальных пленениях зажиточных обывателей и, наконец, о систематических уничтожениях верных своему долгу чинов Терской нагорной администрации.

Громкие успехи в делах, помощь, оказываемая многочисленными его родственниками, симпатия некоторой части туземного населения и преступный интерес, щедро уделяемый этому разбойнику в печати газетными репортерами, возвели его на пьедестал народного героя, в честь которого слагались и распевались народные песни.

Затуманенная голова бывшего жалкого пастуха и поденного каменщика не замедлила воспользоваться этим благоприятным для него обстоятельством, и сумасбродная мечта – провозгласить себя имамом Чечни, готова была перейти в действительность.

Пользуясь религиозной фанатичностью народа Чечни, Зелимхан пускал в ход Коран и для убеждения народа в чудодейственной его силе, при всяком удобном случае, совершал молитву как имам, – с большой торжественностью, которую заканчивал, возведя руки к небу, так: «Боже, если я действительно вредный на земле разбойник, то без жалости уничтожь меня, или повели это сделать тем людям, которые меня преследуют. Если же я полезен делу магометанства, и если я достоин, как Шамиль, стать имамом Чечни, то прославь меня и осыпь меня своими щедротами».

Неустойчивые умы темного и еще малокультурного населения, по суеверному своему воззрению, не могли разобраться в этом и впадали в заблуждение и, не зная за кого принять Зелимхана, говорили: «Если Зелимхан разбойник, то почему же Бог его не уничтожит за такую богохульную молитву, – очевидно Зелимхан имам; его и пуля не берет».

Вступив в управление вверенным мне округом в мае 1911 года и сознавая, что на меня, как на начальника округа, возложена великая миссия руссификации туземного населения, приобщения его к русской культуре, привития ему трезвых и здравых взглядов на чужую собственность и жизнь, а также нравственного и умственного развития ВЫСОЧАЙШЕ вверенного мне населения округа, я начал принимать меры путем убеждения населения, с целью дискредитировать Зе-

лимхана в глазах народа, доказывая всю бесплодность и безрезультатность его мечтаний и, считая священным долгом оградить население от больших несчастий, признал необходимым прежде всего в корне уничтожить эти преступные мысли в народе и, поставляя для этого себе главною задачею – уничтожение этого вредного разбойника, со всеми его сподвижниками, приступил с подчиненными мне чинами округа, при помощи влиятельных, благонадежных и преданных правительству туземцев к борьбе с ним и его сподвижниками и способниками столь долгому его существованию.

Таким образом, в течение двух с лишним лет, несмотря на неоднократные угрозы и покушения на жизнь, при неблагоприятной топографии местности в дебрях Чечни, неутомимая борьба велась административными чинами округа при дружном содействии военного отряда, состоящего из 4 сотен Дагестанского конного полка, 2 сотен пластунов 2-го Кубанского пластунского батальона, героическая служба коих говорит сама за себя».[173]

Далее Каралов указывает, что при содействии преданных правительству туземцев-чеченцев «принимались самые энергичные меры к разрушению его организации и результатом этого неустанного преследования было то, что Зелимхан не мог в течение 2-х последних лет произвести какого либо активного преступного выступления, а при столкновениях лишался своих товарищей». И приводится пример, как из 10 человек «постоянного разбойничьего кадра» в 1911 году были убиты трое, пять человек задержаны живыми, и будучи преданы военному суду, двое из них приговорены к смертной казни, а трое в арестантские отделения сроком на шесть лет каждый, «девятый раненый бежал в Турцию и десятый Зелимхан, оставшись одиноким и тем обезвреженный, как затравленный зверь, скитался по глухим хуторам, лишенный прежней поддержки и симпатии населения и, доведенный до отчаяния, намерен был бежать в Турцию, но и этого ему не удалось, так как будучи застигнут в Шалинском хуторе был убит».[174]

Когда была поставлена победная точка в борьбе с Зелимханом, в Тифлис и Петербург полетели срочные донесения. В одном из них, направленном в Кавказское наместничество, Наказный атаман Терского казачьего войска Флейшер докладывал временно исполняющему дела Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа об уничтожении абрека Зелимхана, в течение 14 лет терроризировавшего Терскую область своими из ряда выходящими преступными выступлениями, который «представлял самое больное место области» и был предметом весьма напряженной и неослабной деятельности всех чинов администрации и военного отряда.

Давая всем им высокую оценку, Флейшер особо отметил следующих:

1. Генерал-майора Степанова, в руках которого была сосредоточена вся агентурная деятельность и ведение секретной переписки по этому делу.

2. Начальника Веденского округа, подполковника кн. Каралова, который в течение двух лет самоотверженно боролся с абреком и довел его своим упорным преследованием и постоянной ликвидацией его шайки до того, что абрек вынужден был остаться один и укрываться, как хищный зверь. Кроме того, он деятельно и продуктивно работал в развитии тех многочисленных мер, которые были мною предприняты в целях дискредитирования абрека в среде населения, и который действительно приводил к тому, что у Зелимхана осталось приверженцев очень ограниченное число.

3. Генерал-майора Маргания, при помощи которого было организовано последнее предприятие, приведшее к уничтожению Зелимхана.

4. Есаула Штольдера, принявшего это дело от генерала Маргании, и доведшего его до благоприятного конца.

5. Поручика Кибирова, составлявшего душу этого предприятия и с выдающимся мужеством уничтожившего со своим отрядом Зелимхана.

6. Прапорщика Конно-Дагестанского полка Абдулаева, принявшего деятельное и непосредственное участие в уничтожении абрека.

7. Юнкера Дагестанского конного полка Закарья Гебекова, который, несмотря на то, что был дважды ранен, мужественно в течение всей ночи приводил в исполнение распоряжения раненого поручика Кибирова и содействовал успеху предприятия.

8. Младшего помощника начальника Веденского округа капитана Костикова, в течение двух лет производившего по поручению князя Каралова многочисленные поиски Зелимхана и весьма сложные расследования по обстоятельствам, связанным с деятельностью абрека и сношениями последнего с преданными ему туземцами.

9. Нижних чинов Дагестанского конного полка (согласно прилагаемым спискам), принимавших с опасностью для собственной жизни непосредственное участие в уничтожении абрека.

10. Старшину селения Шали Михаила Дзилихова и его помощника Кази Магомаева, принимавших с опасностью для жизни участие в уничтожении Зелимхана и оказавших весьма деятельное и продуктивное содействие поручику Кибирову 25 сентября.

11. Старшего стражника Терской охранной стражи урядника милиции Данильхана Чумакова, посвященного в качестве переводчика при начальнике округа в сокровеннейшие предприятия князя Каралова и бывшего посредником, через которого начальник округа добывал сведения об абреке.

Против каждой фамилии на полях этого документа имеются пометки, вероятно сделанные самим Флейшером, о наградах и поощрениях, к которым представлялись участники успешно завершенной акции: Степанова – к очередной награде, Каралова – к чину полковника, Маргания – к ордену Вячеслава 1 степени, Штольдера – к очередному ордену, Кибирова – к дарованию ценза (какого, не указано), Абдулаева

– к чину и ордену, Гебекова – к чину прапорщика, Костюкова – к чину подполковника, Дзилихова и Магомаева – к медали, Чумакова – к чину прапорщика.

Исходя из ремарок, думается, что заслуги поручика Астемира Кибирова, более всех преуспевший в подготовке и проведении этой военной операции, поставившей последнюю точку в многолетней борьбе с Зелимханом, с учетом того, какие награды и повышения в чине получили другие ее участники, оценены недостаточно. Неизвестно также, какой ценз был дарован и каким образом менял он его социальное положение.

В свою очередь, командир Кавказского армейского корпуса приказал командиру 3 Кавказской казачьей дивизии представить «всех дагестанцев, способствовавших завлечению разбойника Зелимхана в обстановку при которой он был убит, к наградам: 1. офицеров – к орденам с мечами, 2. нижних чинов – к Георгиевским медалям. При представлении он требовал иметь в виду, чтобы описания заслуг представляемых вполне отвечали условиям статута соответствующей награды.

Однако каковы были последствия этих представлений неизвестно, источники молчат.

В последнем 12 пункте начальник области просил дать ему для вознаграждения агентов, «благодаря которым явилась возможность уничтожить абрека, семь тысяч рублей из сумм десяти тысяч рублей, разрешенных Высочайшей резолюцией на этот предмет, а три тысячи рублей обратить в пособие на лечение раненых в последней перестрелке с Зелимханом».[175]

Так закончилась полная драматизма эпопея борьбы русской администрации с абречеством на Кавказе и одним из его ярких представителей, по сути – вождем этого движения в начале XX столетия Зелимханом Гушмазукаевым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Абречество как способ протеста против любых форм давления на личность возникла у кавказских народов еще в древнем мире. Расхожее мнение, сложившееся в XX веке о том, что его появление связано с приходом русских на Кавказ, с российской колонизацией этого края, несостоятельно.

В основе абречества с самого начала лежали бытовые остроконфликтные причины и в какой то мере социальный нигилизм. Его носителями были главным образом молодые члены первобытного общества, вступившие с ним в конфликт в результате нарушения, а возможно и неприятия ими отдельных норм обычного права, которым обязан был волей-неволей следовать каждый его член, а также вследствие грабежей и разбоев, или уголовного преступления против личности, за которым должна была последовать кровная месть со стороны потерпевших. Бегство от кровного преследования, а также изгнание из общества злостных нарушителей его устоев и явились причиной возникновения первых абреков. Их было не так много, но абречество примерно в такой проекции просуществовало до конца средневековья.

Силовое присоединение Кавказа к России, несмотря на добровольное вхождение в ее состав Грузии и ряда северокавказских народов, воспринятое как русская военная экспансия, вызвало у полиэтничного населения края неоднозначное отношение. Противники были не только в отдельных кругах социальных верхов, не получивших от России ожидаемых прав и привилегий, но и среди простого народа, его косервативной части, для которых национальная свобода и независимость были святы и превыше всего. В силу этого абречество, как редкое социальное явление, родившееся еще в недрах патриархально-родового строя, позднее, много столетий спустя, трансформировалось в антирусское движение с четким политическим направлением – неприятия российского закона, его правоприменения и складывавшегося в

результате этого режима и царской администрации, подменивших обычное право горцев и привычный национальный уклад их жизни в крае.

Это был его второй период, начинающийся с конца XVIII века. На этом этапе видоизменяются и его формы. Если в самом начале своего развития абречество носило форму индивидуального террора своего потенциального противника-кровника или общества, то на этом этапе возникает уже и групповой террор. Абреки собираются в небольшие группы (шайки) из пяти-семи человек, а иногда и в целые отряды в несколько десятков а то и в сотню человек, чтобы совершить крупное противоправное предприятие, набеги на соседние земли или вступить в бой с войсками и ликвидировать военное преследование.

XIX век, особенно его вторая половина, является пиком этого периода, вершиной борьбы на Кавказе с русской администрацией, с ее поведением хозяина и вершителя судеб в крае, вылившейся в Кавказскую войну и террористическим продолжением в конце XIX и начале XX веков. Иначе говоря, абреки второго поколения это те, которые с завоеванием Россией Кавказа почувствовали себя национально ущемленными и, не приняв русскую администрацию и методы ее властного управления, объявили ей войну.

Кавказская война получила свое название, в отличии от всех других войн, которые вела Россия, не по названию государств-участников военного противостояния, как например, русско-турецкая, русско-японская война и т.д., а только одного из них, на территории которого происходила она. Кавказская война на деле была войной «сопротивления». С самого начала эту войну повела Россия с согласия и по призыву социальных верхов Кавказа, для полного и окончательного умиротворения края, поэтому народы Северного Кавказа во главе с Шамилем, выступившем в качестве общенационального героя, отстаивавшие свою свободу и независимость, где каждый отряд был отрядом сопротивления, а каждый воин

– воином сопротивления. В этом самом масштабном сопротивлении, приняли активное участие и абреки, перешедшие с одной формы борьбы – террористической, на организованную и подчиненную единой военной стратегии войну.

Абреки – не разбойники от природы, они те, кто четко определил для себя, кто их враги, и осуществляют предначертанную адатами кровную месть. Отсюда, чтобы мстить, надо выжить, а чтобы выжить, приходится грабить, силой отбирать у других все необходимое, потому что избравшему удел изгнанника никто по доброй воле ничего не даст, кроме милостыни. Разбой, рэкет и захват заложников – вот основные источники существования абреков и разбойников. Но если разбойники с самого начала вышли на этот промысел по своему добровольному выбору и их действиями руководили корыстные интересы, то абреки прибегали к ним только в силу своего нового социального положения, как к необходимой мере, чтобы обеспечить свое существование. А новые и новые убийства, совершавшиеся ими, вступая в бой с преследователями и кровниками, а также разбои, сопряженные с убийством, все дальше подвигали их в криминальные дебри, все туже затягивали на них петлю предусмотренных за них наказаний, и в итоге возвращение домой, к мирной жизни становилось невозможным.

Бандиты, разбойники, грабители и воры – другая социальная категория людей и к абречеству в его истинном смысле никакого отношения не имеют. Абреки – это борцы за справедливость и мстители за поруганную честь, защитники незаслуженно обиженных мирян.

Как показывают архивные источники, разбои и грабежи были самыми распространенными способами пополнения средств к существованию у наиболее нуждающейся части кавказского населения. На втором месте по их распространенности можно поставить рэкет и пленение с целью получения за заложника определенного выкупа.

Рэкет и захват заложников – стары, как мир. Их знали еще

в древнем Риме и Греции. Они в совершенстве применялись на Востоке и в Азии. И не всегда их наличие зависело от степени цивилизованности общества. Они всегда и во все времена были там, где существовали классы и разделение труда, в результате чего материальные и культурные ценности непропорционально распределялись между их создателями. Они накапливались в руках наиболее удачливых, деловых и изворотливых людей, а основная часть общества была обделена ими в силу самых разных причин. Такая неадекватная социальная обстановка порождала у тех, кто был ими обделен, не только желание (это было бы слишком слабо сказано), но и внутреннюю потребность отнять, экспроприировать их или хотя бы часть, для чего изобретались любые способы достижения этой цели. Ими и были покорившие континенты и страны рэкет, разбой и заложничество.

С началом российского присутствия на Кавказе весь криминальный мир – разбойники, грабители, бандиты, воры, мошенники, рэкетиры и пр., в том числе и абреки, которые вели свою войну с царской администрацией, назывались властями одним общим именем – абреки. Со всеми ими русские власти повели решительную борьбу, насколько это было возможно в новых своеобразных условиях. Местное население первоначально поддерживало абреков, разделяя русскую власть и абреков не «своих» и «чужих». Но позже, устав от бесконечного криминального гнета разбойников и грабителей и постоянных преследований со стороны администрации, от постоев воинских частей и экзекуций за поддержку абреков, значительная часть соплеменников, кто открыто, а кто и тайно, отвернулась от них и перешла на сторону русской администрации.

Исключением из общей массы абреков могут быть только самые выдающиеся из них – Зелимхан Гушмазукаев, Саламбек Гороводжев, Аюб Томаев, Эски, Абдул-Керим-бек, Ших-Заде и еще несколько им подобных несгибаемых личностей. У этих абреков с сильно развитым чувством собственного

достоинства и умением постоять за него в любой момент и в любой обстановке было еще и сострадание к бедным и слабым людям, не умеющим и не могущим постоять за себя и надеявшимся только на чужую защиту и поддержку, которую видели и со стороны выделенной выше когорты абреков, и той части местной национальной администрации, которая оставалась преданной своему народу. Они, мстя в первую очередь за себя и свои семьи, заступались и за тех. Часто совсем неизвестных им людей, которых власти незаслуженно обижали.

В отличие от разбойников и грабителей, с которыми велась всеобщая борьба как царской администрацией, так и всем населением Северного Кавказа, отношение к настоящим абрекам со стороны аборигенов было более чем лояльное. Они длительное время поддерживали их, пособничали и укрывали от властей, видя в них своих защитников от произвола русской новоявленной администрации. В таких условиях была невозможна успешная борьба с абречеством и в целом с грабежами и разбоями, захлестнувшими и без того «край беспросветной нужды» (Г. Цаголов) и сплошных «неурядиц» (К. Хетагуров).

Сознавая это, кавказская администрация распространила свои преследования и на поддерживающее абреков население, в число которых порой попадали и совсем невинные люди и даже целые семьи и села. Аресты, ссылки в Сибирь, на Дальний Восток, на безжизненный остров Чечень в Каспийском море, экзекуции с многомесячными постоями воинских частей, которые переводились на полное довольствие «провинившихся» сел и деревень, вынудили мирян, чтобы уберечься в результате этих мер от окончательного разорения, сделать свой выбор в пользу властей. Соплеменники не только отказались от оказания каких либо услуг абрекам, но стали даже оказывать содействие русской администрации и военному отряду в их борьбе с разбоями и абречеством. По отношению к русской власти сперва был лоялен и Зелимхан.

Но после того, как его, отца и брата арестовали за убийство и незаконно, как они считали, осудили, он бежал из тюрьмы с твердым намерением мстить всем, кто повинен в его сломанной судьбе.

Ярким свидетельством того, что собой представляли экзекуции с многомесячными постоями воинских частей в «провинившихся» селах служит приведенный А. Цаликовым пример в указанном выше сочинении: «За все время экзекуции войска кормились за счет местного населения. Во что это обходилось населению, можно составить себе понятие по одному тому, что в сел. Христиановском отряд, простоявший сутки, съел 12 быков».[176]

Усилия властей не были напрасными – в борьбе с криминальными элементами редели и ряды абреков. Но как бы там ни было, существенное влияние на царские власти оказывали и абреки. Оно выражалось в том, что в целом ряде случаев под давлением абреков администрация края отказывалась от применения особо тяжелых наказаний в отношении сел и аулов, заподозренных в поддержке абреков, и проводило их с предельной осторожностью, чтобы не вызвать новую волну всеобщего недовольства горцев, в среде которых уже зародилось и развивалось противостояние тем, кто навлекал на них гнев властей.

Власти даже прибегли к помилованию, усматривая в этом акте еще один способ положительного воздействия на абречество, на снижение криминальной напряженности в крае. На такой шаг они пошли потому, что за время пребывания на кавказской земле хорошо изучили ее население: если горец сказал, то обещанное обязательно будет выполнено, чего бы ему это ни стоило. Его слово, как клятва. Он никогда не даст клятву под чьим – либо давлением, но и ни при каких обстоятельствах не нарушит, дав его однажды. Вспомните известных абреков Османа Мутуева в Терской области, закавказских Заида и Абдул-Керим-бека, поведение которых достойно уважения, как свято выполнивших свои обещания чиновникам

администрации, обратившимся к ним с поручениями помочь им установить порядок, восстановить мир и спокойствие в местах, вышедших у них из под контроля.

На протяжении всего повествования мы не раз отмечали, что абреками становились люди самых разных социальных слоев общества, взглядов, характера и темперамента и не все они были одинаково кровожадными и неисправимыми бандитами. Многие из них стали таковыми из-за предвзятого отношения к ним и несправедливого обвинения в криминале, а также случайно, по стечению определенных непредвиденных обстоятельств, отчего сами тяжело переживали такое стечение обрушившихся на них обстоятельств. И будучи в новой ипостаси – ипостаси абрека, отдельные из них в какие то часы и минуты испытывали естественную человеческую потребность помочь и поддержать слабого и нуждающегося, защитить обиженного или просто сотворить добро. Так поступал Абдул Керим-бек. Однажды узнав, что сельский старшина в очередной раз взял взятку у бедняка, заключил его в коровник. Продержав его там семь дней, он выпустил старшину-взяточника и строго наказал ему, что если он когда либо повторит еще такое и возьмет хотя бы раз взятку у бедных сельчан, распростится с жизнью. А вот другой случай. Сельский богатей-мироед, подкупив судей, под видом своей на основании схожести животных забрал единственную у односельчанина корову. Узнав об этом абрек Абдул-Керим-бек забрал из стада богача самую лучшую буйволицу и пригнал ее во двор к обиженному, а богача строго предупредил что это решение окончательное и ни каких переделов не может быть.

Примерно так поступил и Ших-Заде. Отдавая шестьдесят тысяч рублей, все, что тогда у него было, членам своей шайки в момент расставания с ними, он сказал: «Все это ваше! Мне ничего не надо. Я пойду в Мекку и больше сюда не возвращусь. Советую и вам сделать то же. Уйдите в Персию, займитесь там хозяйством или торговлей и дайте торжественный

обет пророку к такой жизни больше не возвращаться».[177] Не раз делился своим добром с совсем чужими людьми и Зелимхан.

Многие из этой плеяды не совсем обычных абреков, постоянно находясь в силу двойственности их натур во власти разъедающей душу борьбы двух противоречивших друг другу чувств – добра и зла – в конечном счете склонялись в сторону первого. Одержавшее верх гуманное начало заставляло их бросать свое противоправное занятие – абречество – и искать другие пути жизни. В основном это было прощание с родиной и нелегальный уход за границу, главным образом в Персию и Мекку или в Турцию. Последняя была более предпочтительной, так как еще в прошлом веке, сразу после Кавказской войны, там уже обрели вторую родину тысячи переселенцев из Северного Кавказа.

Абреки были способны разговаривать и строить на равных свои взаимоотношения даже с пленником и притом в ситуации явно более предпочтительной для себя. Многие из них готовы были (и даже подавали недвусмысленные знаки, вернуться в общество и быть полезными ему, навсегда и клятвенно отказавшись от преступного образа жизни и помыслов.

Абреки всегда считали, что пути назад к прежней мирной жизни у них нет. Но абреки абрекам рознь. Не за всеми ими тянулся одинаково длинный кровавый след. Среди них были и такие, которые не имели к администрации особых претензий за незаслуженно причиненные им обиды и насилие. Как более лояльные со временем они стали лелеять мечту о возвращении к прежней мирной жизни. Они устали от одиночества, от жизни, уподобленной существованию дикого зверя, и готовы были отдаться в руки властям в надежде на помилование, примириться с тем, что есть там, в той оставленной ими когда то жизни – с бедностью и нищетой, и навязанным новым общественным порядком. Такие абреки в дальнейшем старались воздерживаться от грабежей и разбоев, но если все же приходилось это делать, чтобы поддержать свое суще-

ствование, то совершали они их уже предельно осторожно, чтобы не засветиться лишний раз и не пополнить свое криминальное досье еще одним преступлением, которое в итоге могло похоронить последнюю надежду на возвращение в свое село, в родной очаг. Узнав о том, что некоторые из них могут рассчитывать на снисхождение властей, обещали, что в случае их помилования, они никогда больше не переступят закон, займутся трудом и не пойдут ни на какие преступления. Русская администрация, не раз в этом убеждавшаяся, дала такие заверения и помиловала не один десяток абреков, как об этом сказано выше в конце нашего основного повествования. Это был трудный, но верный шаг с ее стороны в борьбе с абречеством, разбоями и грабежами на Кавказе.

А начиналось все с очень малого. Отдельные абреки и разбойники, подуставшие от преследований со стороны властей и своего полузвериного существования стали искать пути сближения с обществом и готовы были пойти на мировую с ним, лишь бы заслужить его прощения. Они предлагали обществу, чаще всего своим сельчанам, охрану их жизни и имущества от разбойных посягательств со стороны. Первоначально это была охрана состоятельных подворий и хуторов. Последние часто находились на больших расстояниях от главной усадьбы их хозяев и они всегда нуждались в защите. Потом стали опекаться и целые селения. То, что это село и его жители уже находятся под абречьей охраной, вскоре становилось известно всем. И для всех, в том числе для сельских старшин и участковой администрации, воцарялся долгожданный мир и покой.

Одним из первых таких примеров можно привести случай, имевший место во Владикавказском округе. Жители села Зильги обратились к своему земляку, известному абреку Габла Кокаеву, родом из их села, «чтобы он «взял под свою охрану их хутора, чтобы исключить всякое воровство». Эти факты стали знаковыми и свидетельствовали о том, что наступило время, когда у противоборствующих сторон появился шанс

(несомненно, при условии уступок со стороны русских властей) положить конец многовековому противостоянию и взаимному террору кавказской администрации и абреков.

Позитивные сдвиги, произошедшие в экономической и культурной жизни Северного Кавказа в последней четверти XIX и начале XX веков привели к большим социальным переменам в жизни народов края. Появилась национальная светская и военная интеллигенция, изменилось отношение аборигенов к русской власти, выросли доверительность и тяга к сотрудничеству с ней.

Бесперспективность продолжения борьбы с русской администрацией произвели переворот и в сознании абреков. Уповая на снисходительность властей и прощение им старых грехов, у кого они без кровавых следов, а со своей стороны обещая никогда больше не нарушать законы и общественный порядок, абреки стали возвращаться к родным очагам после долгих лет мучительных скитаний по диким лесам и ущельям.

Во многом такому доверию, пересмотру своего отношения к русской власти способствовали также теплота отношений и поддержка русскими сибиряками и дальневосточниками ссыльных абреков с Кавказа. Многие каторжане женились на русских девушках, обзаводились хорошими семьями с крепкими брачными узами и по истечении срока наказания возвращались на родину в полном составе. Ярким примером этого служит история, связанная с абреком из Усман-юртовского аула Османом Медоевым, сосланным в Сибирь на каторжные работы за убийство горского переселенца Курчалоевского аула Бису Хасаева. Отбыв срок, он вернулся домой с женой Мери и новорожденным в Симбирске сыном Урзбеем. При этом им были выданы кормовые деньги на 26 дней пути. В архивах имеются десятки подобных дел.

Другим показателем положительных перемен в ментальности абреков является массовая добровольная сдача ими себя на милость властям. Основная часть их приходится на конец XIX и начало XX веков. Об этом свидетельству-

ет найденный в архивах «Список абреков разных племен, явившихся с покорностью и возвратившихся в свои общества». Раскаявшиеся в своих преступных деяниях и не замеченные более в них Высочайшее помилование получили: братья Эльмурза и Джантемир Батыевы, Мусса Ганчуев, Анзор Юсупов, Бидуко Мирзиев, Осман Санталиев, Умехан Долов, Ахрич Темирбиев; осетины – Черис Мурзаев, Ахмет Мамсуров, Мусса Льянов, Авархан Дзабеев, Мусса Азов, Гата Гамирзиев Дота Сурхоев; галашаевцы – Учаха Газимов, Бышлука Эльмурзиев, Мусост Усманов; назрановцы – Берт Алцуев, Асламбек Зурхоев, Мусост Ачакоев, Маис Сапралиев, Темирбот Таусултанов, Анихан Эльмурзаев, Джантемир Гайсанов, Батыль Умаханов и другие. Всего более 80-ти. Это те, кто не был уличен в участии в бунте в Назрановской тюрьме».[178]

А вот еще один уникальный и совсем неожиданный поворот в жизни абреков и политике кавказской администрации. Мало кто знает, что в 1904-1905 годах для участия в русско-японской войне абреками Терской области пополнялись нуждавшиеся в дополнительных людских резервах вооруженные силы России. Так, в чеченский конный полк, направлявшийся полк, направлявшийся к дальневосточным рубежам, были включены около 40 абреков-добровольцев. Вошли абреки и в такой же ингушский полк. Но среди этих добровольцев, живших длительное время в нечеловеческих условиях, было много больных. Абреков, нуждавшихся в лечении, отправляли в соответствующие лечебные учреждения и по выздоровлении зачислялись в чеченский или ингушский полки. Те же, которые медицинской комиссией «признавались непригодными к несению воинской службы по возрасту или по случаю какого нибудь хронического заболевания, возвращались назад в распоряжение начальника области во Владикавказ».[179] Каким образом шел отбор абреков для зачисления в полки, неизвестно. Ясно одно – за ними устанавливалось особое наблюдение.

Для полной победы над этим социальным злом, каким было массовое абречество, одних карательных мер было недостаточно. Необходимы были параллельно и другие меры, в первую очередь экономического и социально-гуманитарного направления. Но у царского правительства и дома Романовых, хватившего инициативы и благих порывов на дозированное воплощение их в пределах новых развивающихся постфеодальных формационных нужд, не оказалось достаточно политической воли для полномасштабного решения этих задач на национальных окраинах империи, в том числе и на Северном Кавказе, бывших на положении колоний, придатков российского капитализма. Поэтому их еще много оставалось на Кавказе вплоть до свержения царизма и установления советской власти в стране.

Однако такое двойственное отношение к абрекам, когда на первых порах соплеменники чуть ли не всем сердцем были с ними, а затем произошел надлом в их чувствах и стали чураться и даже выдавать абреков, не помешало с любовью сложить о них сказания и песни. Определенная часть чеченского и ингушского народов, которую судьба уберегла от злодеяний абреков и которой импонировал их нигилизм всего русского, наносного, а также те, кто так или иначе пострадал от русской администрации, наиболее выдающихся из абреков возводили в ранг национальных героев. Таким был для чеченцев Зелимхан Гушмазукаев, для ингушей – Саламбек Гороводжев. А национальные герои, как известно, если они еще и кончают жизнь трагически за народные идеалы, обретают всеобщую любовь и обрастают самыми фантастическими легендами.

Настоящие абреки в результате жесткой государственной борьбы с ними в начале XX века значительно поредели, а затем и совсем исчезли. Но они остались в художественной литературе и устном народном творчестве. Абреческая тематика занимала многих писателей России, особенно ее Юга, как современников, так и литераторов более позднего времени.

Характерной особенностью этой литературы, как русской, так и национальной, было то, что она вопреки официальной точке зрения на этот кавказский феномен (злодеи, разбойники, грабители) изображала абреков как людей благородных, мужественных защитников обиженных властью простых людей с ноткой сочувствия им за их изгойство и постоянные уголовные преследования со стороны администрации и правоохранительных органов, призванных блюсти и охранять общественный порядок.

Немало легенд, песен и поговорок сложено устным народным творчеством. Встречаются абреки и в сказках народов Кавказа. В фольклоре абреки воспеваются с особой любовью: это орлы, львы, волки (у чеченцев и ингушей волк – эмблемный, особенно почитаемый зверь), то есть богатыри, подобные Илье Муромцу у русских. В этом жанре наряду с восхвалением абреков выражается и народная скорбь за их неудачи и поражения. Несмотря на то, что от них самих, а также из-за них страдали от властей многие простые люди, порой и совсем невинные, в кавказском фольклоре нет ни одного критического сюжета с выражением упрека или негодования по отношению к ним.

Примечательно, что такой фольклор наибольшее развитие получил в основном у двух народов – чеченского и ингушского. У других в таком количестве и ярких красках его нет. Объясняется это, повидимому, тем, что у них не было столь знаменитых абреков, как у этих двух народов. Не было потому, что они были более лояльны к России, и даже были ее приверженцами. Северная Осетия, например, как добровольно вошедшая в состав России православная страна, не то, что без всякого сопротивления, но даже с огромной позитивной надеждой приняла у себя и российское законодательство, и русскую администрацию. А с середины XIX века, жадно приобщаясь к просвещению, русской передовой культуре, стала уходить от узко-консервативных взглядов и патриархальных адатов.

В фольклоре чеченцев самым популярным является Зелимхан Гушмазукаев. Как и вокруг всякой криминально-таинственной знаменитости, об абреке Зелимхане до сих пор ходят всякие легенды. Их создавали не только простые люди, кумиром которых он был, но и те, кто брался описать его жизнь, полную риска и самого неожиданного поведения. Такими являются легенды о побеге его из харачоевской пещеры в декабре 1911 года, о встрече знаменитого абрека с другой знаменитостью из области культуры – великим русским певцом Федором Шаляпиным и другие.

Побег из пещеры получил четыре версии. Из них три в «Разбоях на Кавказе» приводит Козачковский. По первой – Зелимхану удалось уйти живым вследствие того, что после последней перестрелки на рассвете, «прежде чем начальник отдал приказ об осмотре пещеры», к ней, якобы, начали со всех концов ползти любопытные чеченцы, напоминавшее муравьиное нашествие. «Никто не догадался сосчитать их, а еще лучше остановить, а поэтому с ними на обратном пути беспрепятственно могли вылезти и разбойники».

По второй версии – Зелимхан скрылся из пещеры «ползком вверх по скале», о чем свидетельствуют «кровавые следы до вершины горы». Это более правдоподобно и соответствует тому, о чем говорят архивные источники.

По третьей версии выходит, что «после того, как стихла стрельба, из пещеры внезапно вылетает закутанный в башлык и обвешанный кругом бряцающим и звенящим оружием чеченец… и стремглав бросается под кручу. Ошеломленные казаки бросаются за ним. На всех постах и в отряде поднимается суматоха. Крик, шум, выстрелы… В результате же оказалось, что бесстрашно ринувшийся в бездну закутанный абрек, была кукла, сделанная Зелимханом, из бурки, самовара внутри и других побрякушек». Все бросились «ловить в реке куклу, а Зелимхан в это время скрылся».

Четвертую версию приводит писатель Магомет Мамакаев в одноименном романе «Зелимхан». Он пишет, что «утром на

рассвете» во время перестрелки «все увидели, как, сорвавшись с утеса, Зелимхан в развевающейся бурке полетел вниз. С криком «Убили! Убили! – солдаты устремились в ущелье, но когда подошли к убитому и ткнули его сапогом, под буркой оказалось обыкновенное бревно, на которое были аккуратно натянуты черкеска и папаха из овчины».

По версии Д. Гиреева, пятой по счету, Зелимхан сам, «закутавшись в бурку, прыгает в бурный поток», но потом выбирается из нее и благополучно скрывается.

Находчивый и одаренный талантом разведчика абрек Зелимхан совершает ряд действительно сказочных поступков. То он переодевает отряд в форму терских казаков, а себя в мундир полковника и совершает глубокий рейд в тыл врага с прицелом на кизлярские казначейства. То он переодевается в священника и с чемоданом в руке свободно передвигается по перрону вокзала на виду у начальника станции и пристава и даже использует последнего как носильщика, охотно согласившегося помочь батюшке проводить его до нужного вагона. А на следующий день Зелимхан присылает приставу записку с указанием, кто такой был этот батюшка и что чемодан, который он с трудом таскал, согнувшись под его тяжестью, «был набит пулями», одна из которых предназначена ему (из рассказа некоего В...Б... в газете «Речь» за 1912 год). То он случайно встречается с гастролирующим по Кавказу Федором Шаляпиным.

Конечно, хитрый и опытный абрек мог прибегать в сложных и критических ситуациях к различным тактическим действиям, как в случае с куклой и русским самоваром во время бегства из харачоевской пещеры, хотя неизвестно, откуда мог там взяться тульский самовар, весьма редко встречающийся в этих краях. И об этом есть архивные свидетельства. Но случай с Шаляпиным нигде не находит своего подтверждения.

Однако последняя легенда о встрече двух знаменитостей как самая эффектная была с большим энтузиазмом подхваче-

на литераторами, и публицистами и даже деятелями культуры. Среди них Санкт-петербургский член Всероссийского совета шаляпинистов Ю. А. Пономаренко, владикавказский литературовед Девлет Гиреев и другие. Поверив в нее, в 2006 году об этом же пишет и московский писатель Антон Уткин.

На самом же деле не больше, чем миф и легенда, являются рассказы о том, что в предгорьях Кавказа произошла встреча великого русского певца Ф. И. Шаляпина и одного из самых известных абреков на Кавказе Зелимхана Гушмазукаева. Авторы этих фантастических измышлений без оснований и каких-либо конкретных доказательств, противореча друг другу, внушают падкому на сенсацию обывателю, что она состоялась во время гастрольных поездок великого артиста по Кавказу. Одни пишут, что это случилось на пути из Грозного во Владикавказ (А. Уткин), другие – из Владикавказа в Тифлис (Д. Гиреев, Ю. Пономаренко). Так какой же из этих двух фактов достоверный?

При всем сходстве основной сюжетной линии (а это потому, что авторы заимствовали ее друг у друга) очень разнятся подробности, детали фабулы: в одном случае Ф. Шаляпин едет на фаэтоне, в другом – в карете и даже на дрогах, в третьем – в восьмиместном немецком автомобиле «Бенц». То он в дорожном плаще и шляпе-котелке темного цвета, то в дорогой шубе, что указывает на зимнее время. То он один, то в сопровождении попутчиков. Совсем по-разному подается и само описание общения этих людей. В следственном изоляторе, где была составлена анкета о внешних данных Зелимхана, ни о каких увечьях не говорится, напротив указано, что «особых примет нет», а у Гиреева он хромает на правую ногу. Имеется еще много других расхождений. По Гирееву у Зелимхана «глаза черные», и «борода черная». На деле же, по анкете допроса, у него «глаза карие», а «подбородок – стрижет». Зелимхан без бороды и на фотографии, сделанной после его убийства. Все это говорит о несостоятельности данной легенды и подтверждает факт ее вымысла.

Чтобы не быть голословным, приведем все версии.

Версия первая. Ф. И. Шаляпин едет на дрогах из Грозного во Владикавказ, где должно было состояться его долгожданное выступление перед широкой публикой. По дороге между этими городами, отстоящими друг от друга на сто верст, вдруг на полпути Шаляпину преградили абреки путь и высадили. Перед Зелимханом предстал элегантный человек в шикарной норковой шубе. Охота абреков как будто удалась: добыча богатая. Зелимхан всегда наперед знал свою жертву, кто он, откуда путь должен держать и, главное, что у него можно взять. Этот случай стал исключением: встреча была неожиданной, а потому абреку нетерпелось узнать, кто его жертва, эта импозантная личность, какую видит в этих краях впервые, откуда и куда направляется этот недрогнувший перед ним высокий статный человек с тростью в руке.

– Кто ты? – спокойно, но твердо спросил Зелимхан.

– Певец я, – с достоинством ответил Шаляпин. – Русский человек... Из Питера.

– Что русский это и так видно, – надменно пояснил абрек и окинул взглядом свою команду. – Певец, говоришь?! А куда путь держишь?

– Во Владикавказ... Петь.

– Ну, давай проверим тебя, как ты поешь?! – с тайным любопытством сказал Зелимхан. – Будет без обмана, отпущу, не обижу.

В таких условиях, на пустыре, под открытым небом, Шаляпину приходилось петь впервые. И Шаляпин запел. Над живописной долиной и лесными массивами, окаймленными величественными кавказскими горами, раздался могучий бас Шаляпина.

Зелимхан и его друзья были в восторге, перед ними впервые выступал оперный артист да еще такого масштаба. Умиленный его пением Зелимхан сдержал слово и, не причинив никакого вреда и обиды, с миром отпустил знаменитого пленника из Питера. Но потом вдруг будто что-то его

осенило, окликнул удалявшегося Шаляпина и пошел ему навстречу: это был знак уважения к нему и в то же время он не хотел, чтобы последний с ним разговор слышали его друзья, Когда они снова сошлись, Зелимхан, всегда твердый и умеющий владеть собой, признался понравившемуся певцу, что он своей песней растрогал его до слез и попросил никогда и никому об этом не говорить, потому что люди скажут – Зелимхан-абрек не мужчина, а баба. И Шаляпин, благодарный за то, что Зелимхан умеет держать слово, твердо обещал ему до конца своих дней сохранить это как тайну.

Версия вторая.

Зелимхану донесли, что такого-то дня из Владикавказа в Тифлис отправляется в командировку высокопоставленный чиновник Терской администрации с особо важными поручениями. Агент Зелимхана, срочно прибывший к нему передал, что им является Вербицкий. Это сообщение обрадовало Зелимхана и было как нельзя кстати, так как подполковник был одним из тех, с которым у него сложились свои особые отношения, когда Вербицкому поручили первым возглавить созданный в 1909 году военный отряд для борьбы с абречеством и разбоями в Терской области.

Карательный отряд должен был живым или мертвым взять абрека Зелимхана. И Вербицкий, во власти которого была такая сила, стал похваляться тем, как изловит или уничтожит этого разбойника. Зелимхан понимал, что такая важная военная особа не может быть без вооруженного сопровождения, и сколотил надежную шайку, в которую вошли его ближайшие соратники Саламбек Гороводжев и Аюб Томаев. Где-то на десятом километре от Владикавказа на одной из развилок Военно-Грузинского тракта Зелимхан перекрыл дорогу, расставив в укрытии по ее обе стороны свой отряд. Началось выжидание, как всегда томительное, когда с нетерпением ждешь долгожданной встречи. Но оно не было долгим. Еще пахло утренней свежестью, как из-за поворота вынырнул немецкий восьмиместный «Бенц», чудо

техники того времени. Когда он поравнялся с засадой, из-за скал лихо выскочили абреки. Они преградили путь автомобилю и, взяв наизготовку свои берданки, приказали пассажирам сойти на землю и поднять руки вверх.

Среди высадившихся Зелимхан не увидел ни одного военного чиновника. Все были гражданские. Один иностранец в клетчатом пиджаке и соломенной шляпе, грузин – агент винной фирмы, грузный в летах священник и под стать ему дородная супруга, две девицы-щебетуньи и статный мужчина «в дорожном плаще и шляпе темного цвета с палкой в руке». До смерти перепуганные пассажиры стали снимать с себя ценности, какие на них были, и передавать их страшным с виду абрекам. Священник «достал золотые часы, кошелек... и молча протянул их ближайшему всаднику. Тот усмехнулся, плетью отвел его руку и громко сказал:

– Ваше золото и деньги нам не нужны. Спрячьте. Нам нужно другое...

Две пестрые девицы подошли и наперебой посыпали:

– Господин Зелимхан, это же неблагородно обижать женщин!

– Вы не имеете права... Мы будем жаловаться... Мы...

Всадник поднял плеть. Девицы умолкли.

– Я не Зелимхан. Меня зовут Аюб Томаев. Женщин мы не обижаем, а права у нас всякие есть. Жаловаться можно хоть самому царю...

Потом он плетью указал на священника и его супругу.

– Оставайтесь здесь. Ждите. Остальные за мной».

Не обращая внимания на возмущения пленников, завернул их в боковое ущелье, откуда вытекала речушка. Шагов через сто, на повороте, за скалой пленники увидели догорающий костер, вокруг которого сидели горцы. «Один из них поднялся. Это был человек выше среднего роста (?), худощавый, в каракулевой шапке, в темно-серой черкеске и кинжалом на поясе. Его продолговатое оливковое лицо с боль-

шими черными глазами (?) и черной, как смоль, бородой (?) было сурово-аскетическим». Он окинул взглядом пленников и резко произнес:

– Подполковник Вербицкий, я Зелимхан. Мы могли вас всех перестрелять в машине, но не сделали этого. Вы хотели в честном бою драться со мной. Вот Вам кинжал. Не прячьтесь за женщин. Выходите, защищайтесь».

Грузин подумал, что обращаются к нему и, едва сдерживая волнение, проговорил:

– Клянусь великим аллахом, я не Вербицкий. Я Вано Чохели из Самтреда...

Вслед за ним объяснился иностранец, сказав, что он Лео Буш из Берлина, циркач, мировой фокусник, а эти две девицы его ассистентки. В доказательство он тут же продемонстрировал фокус с яйцом, накрытым платком, из которого стал тянуть цветные ленты.

– Мне тоже приходится разочаровать знаменитого Зелимхана. К подполковнику, которого он хочет видеть, я не имею никакого отношения.

Зелимхан, поняв, что среди этих людей нет Вербицкого, спросил Шаляпина, кто же он такой.

– Имя мое Вам ничего не скажет. Я Федор Шаляпин. Певец и артист театра. К сожалению, паспорта при мне нет. Он остался в машине.

Внешность и спокойствие Шаляпина расположили к себе Зелимхана. В ответ он сказал, что сразу, как только увидел его, понял, что он не подполковник. Офицер с палкой не ходит. А вот имя Шаляпина ему известно еще с того времени, когда сидел в Грозненской тюрьме. Ему там один русский человек рассказывал о Степане Разине, о Горьком и о Шаляпине. И заключил: У нас певцов любят. Певцу паспорт не нужен. С ним его песни. Она от бога, а паспорт придумали люди. Иди сюда. Если ты певец, мы тебя не обидим. Садись, пой...

Шаляпин присел, оперся на палку и вполголоса запел.

Хасбулат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной
Я осыплю тебя...

Здесь Шаляпин оживился и голос его зазвучал шире.

Дам коня, дам кинжал,
Дам винтовку свою,
А за это за все
Ты отдай мне жену...

Дальше песня зазвучала драматично, говорит автор версии Д. Гиреев. В голосе певца появились тоскующие ноты, в которых была выражена трагедия обманутого чувства.

Береги, князь, казну
И владей ею сам.
А неверну жену
Тебе даром отдам.
Ты сходи, посмотри
На невесту свою –
Она в спальне своей
Спит с кинжалом в груди.

Все слушали, затаив дыхание. Дальше еще тоскливей зазвучала мелодия финала.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У нее на устах.

Печальный финал песни тронул Зелимхана, пишет Д. Гиреев, потому что и он остался без семьи. Он вспомнил жену, детей. Как они там, в холодной Сибири?! Привстал, сделал два-три шага в сторону, затем обернулся к Шаляпину и, похвалив его за хорошую песню, посетовал, что не может принять такого дорогого гостя как положено, и попрощался с ним. Счастливые путешественники стали удаляться, и тут

знаменитый абрек окликнул Шаляпина. Припадая на правую ногу, он подошел к нему и говорит:

– Ты, Федор, пел, а я вспомнил свою жену, детей. У меня даже глаза резать стало. Нехорошо, если с мужчиной бывает такое. Поедешь к своим, не говори, что видел, как Зелимхан от песни чуть не заплакал. Плохие люди не поймут, подумают, Зелимхан тряпкой стал. Прошу, не рассказывай об этом.

– Нет, никогда никому не скажу. Я тебя понимаю, – порывисто ответил Шаляпин. В третьей версии, как и во второй Шаляпин едет из Владикавказа в Тифлис. По дороге его карету останавливают абреки, высаживают всех пассажиров, завязывают им глаза и ведут в неизвестном направлении. После некоторых плутаний, их заводят в дом и снимают с глаз повязки. Перед ними предстал небритый мужчина средних лет, среднего роста в черной черкеске с полным набором газырей, слегка лысоватый. (Почему «лысоватый»? Откуда это взято? – авт.)

Он окинул всех проницательным взглядом и остановился на Шаляпине. Холеное лицо и дорогое одеяние выдавали его за богатого человека.

– Выкладывайте все, что у вас есть: деньги, золото, украшения…

Напуганные досмерти грозным видом абреков пленники отдали грабителям все, что у них было. Внимание Зелимхана привлекла неординарная внешность Шаляпина.

– Важная птица, – подумал абрек.

– Ты кто такой? – строго спросил он.

– Певец. Шаляпин я, – отвечал Федор Иванович.

– Певец? Может, споешь, потешишь нас перед прощанием, – сказал Зелимхан, явно желая его проверить.

Далее все повторялось, как в двух предыдущих версиях. Шаляпин запел. Звучный голос его отдавался эхом в Дарьяльском ущелье. Но какую песню исполнил великий певец, неизвестно. В этой версии нет ни слова о том, что у Зелимхана от трогательной песни Шаляпина на глазах навернулись слезы,

и он просил певца никому об этом не рассказывать, но говорится о том, что он, довольный встречей, вернул Шаляпину личные вещи и даже подарил кинжал.

Авторами этой версии являются дочь Ф. Шаляпина Мария, член Всероссийского совета шаляпинистов Ю. А. Пономаренко и заимствовавший ее у них писатель Антон Уткин.

Данную версию мне лично довелось услышать от самого Ю. Пономаренко. Летом 2003 года я отдыхал в санатории «Виктория» гор. Кисловодска, Недалеко от него находится дача Ф. И. Шаляпина. Теперь это дом-музей – одно из достопримечательностей курортного города. Такое обстоятельство меня обрадовало, и 23 августа я посетил его. Не терпелось узнать, не располагают ли сотрудники музея какими нибудь сведениями, подтверждающими факт встречи Ф. Шаляпина с абреком Зелимханом Гушмазукаевым, насколько реалистичны легенды, связанные с этим. Мне ответили, что таких сведений у них нет, о легендах мало что слышали и с трудом вспомнили имя знаменитого абрека, а фамилии его не знали вообще. Я назвал фамилию абрека, одна из экскурсоводов записала ее и попросила посмотреть, так ли она пишется. После этого мне посоветовали обратиться к питерскому шаляпинисту Ю. Пономаренко, нередко приезжающему к ним в качестве консультанта как знаток биографии и творчества великого артиста.

Однако разговор с ним не получился. Помешали этому его чрезмерный апломб и высокомерие. В разговоре он не терпел никаких возражений и даже сомнений. Он сказал, что встреча этих двух людей состоялась, что от нее у Шаляпина остался даже кильш.

– Что за кильш? – спросил я.

– Кильш. Оружие такое, большой кавказский нож, – уточнил он, показывая руками.

– Кинжал, – поправил я.

– Нет, кильш, который на Кавказе все носят.

– Нет у кавказцев никакого кильша, – настаивал я. – Это мог быть кинжал. У нас здесь никто не знает, что такое кильш.

– Вы что?! Нет. Не кинжал, а кильш. И путаете Вы, а не я. Так говорила дочь Шаляпина Марина.

На этом наш первый разговор закончился. Он сослался, что у него сейчас встреча с посетителями, и ушел. Вопросов оставалось много, хотя закралось сомнение в том, что он что-либо знает об этой истории, потому что еще в самомначале нашего разговора мой собеседник не мог без моей помощи даже назвать имя широко известного абрека Зелимхана.

Несмотря на это, на следующий день я снова посетил музей. Но и на этот раз знаток Шаляпина не проявил никакой заинтересованности в обмене информацией по обозначенной теме и даже не пытался уяснить для себя, чем располагаю я. Он сухо ответил на мое приветствие и вышел из помещения во двор. Пономаренко явно нервничал. Сознавая, что такого случая может больше не быть, так как его командировка заканчивается и на днях должен вернуться в северную столицу, я извинился и еще раз попросил его рассказать, что знает о случае с Шаляпиным на Кавказе, о чем так много говорят. Он сказал, что об этом ему рассказывала во время своего последнего приезда в Россию Марина, которая уже в преклонном возрасте и живет с дочкой в Риме. Есть у него даже эта пленочная запись воспоминаний.

И опять, как в первый раз, он ушел, даже не попрощавшись.

– Дальше расскажет она, я ей все говорил об этом, – сказал на ходу с какой-то нервозностью мой запутавшийся собеседник и показал на стоявшую рядом с нами сотрудницу музея.

Из разговора с ней я выяснил, что Марина Шаляпина – единственная дочь из детей великого певца, которая после него прожила еще много лет и иногда на короткую побывку приезжала из Рима в Россию. Марина рассказывала Пономаренко, что однажды, когда она была еще маленькой, ее долго не могли уложить спать. Тогда отец решил занять ее рассказом об абреке Зелимхане.

– Вот видишь, говорит, на стене кильш? Это мне абрек подарил. И стал рассказывать, как однажды его встретил Зелимхан, высадил из кареты его и других попутчиков и забрал у них все драгоценности. Но когда узнал, что среди плененых им есть певец Шаляпин, он вернул ему все его вещи и подарил еще на память о встрече свой кильш.

Пономаренко как шаляпинист встретился с ней, взял интервью и даже записал его на пленку. Рассказывая об отце, она, якобы, вспомнила о встрече его с Зелимханом и о том, что подарок абрека кильш висел у них дома на стене.

Весь этот нелепый разговор с шаляпинистом из Санкт-Петербурга приводится для того, чтобы показать, что версии о встрече Шаляпина и Зелимхана выдумывали дилетанты и большие любители сенсаций. Что может знать о кавказском периоде жизни своего кумира человек, не знающий, что такое кинжал и повторяющий за почти столетней Мариной Шаляпиной слово «кильш» вместо «кинжал» и упорно настаивающий на том, что на Кавказе есть такое оружие?

Существует мнение, что Ф. Шаляпин никогда не нарушил своего обещания Зелимхану, но в последние часы жизни, будучи тяжело больным, он поделился тем, что так долго держал в секрете. Если верить, Пономаренко, то Шаляпин уже однажды озвучил этот спорный факт, когда своей еще маленькой больной дочурке вместо колыбельной, рассказал о своей встрече со знаменитым абреком.

Были изучены все мемуары, в том числе письма и записки самого Ф. Шаляпина, дочери Марины, находившейся с отцом до его последних дней, писателей И. А. Бунина и М. Алданова, находившихся тогда во Франции и часто проведывавших больного, своего великого соотечественника и друга, работы биографа Ф. Шаляпина В. Дмитриевского. Вот что пишет он в документальной повести «Великий артист».1873-1973 (изд. «Музыка», Ленинградское отделение, 1973) о последних днях его жизни. «Вскоре врачи установили точный и окончательный диагноз – бескровие. Дни Шаляпина были сочтены. К

нему никого не пускали, кроме ближайших друзей. Артиста навещали писатели М. Алданов, И. А. Бунин, по нескольку раз в день приезжал С. В. Рахманинов, из Рима срочно приехала дочь Марина, из США – сын Борис».

Все они оставили свои воспоминания о великом артисте и гражданине России, любящем и заботливом отце, но никто из них нигде и никогда печатно не обмолвился о том, что на смертном одре, в последние минуты жизни он рассказывал им о своей сенсационной встрече с абреком. Не сказал об этом Шаляпин незадолго до смерти и в беседе с журналистом пражского издания «Ческе слово», которого интересовала творческая жизнь великого русского певца и артиста. Не когда чех спросил, каково его жизненное кредо, он охотно сообщил интервьюирущему журналисту о некоторых фактах из своей биографии, но так и словом не обмолвился опять с встрече с Зелимханом и исполненной им под открытым небом песне по заказу знаменитого абрека: «Я не большевик, не социал-демократ и не реакционер. Я (...) певец Федор Шаляпин, у которого 10 детей, который содержит 26 человек и 21 регулярно помогает деньгами».

Анализируя все навороченное вокруг этого события, хочется спросить, до того ли было ему в предсмертный час. Об этом редкостном случае, если б он имел место, Шаляпин мог рассказывать где и когда угодно, не упоминая о том, что Зелимхан так расчувствовался от его песни, что прослезился Что мешало ему, да и как он мог не рассказать об этом хотя бы узкому кругу друзей, опустив тот сентиментальный случай с Зелимханом, оставаясь при этом верным данному слову и честным самому перед собой и перед благородно поступившим абреком, – уж слишком феноменальный случай.

Ни словом не обмолвился о такой сенсационной встрече и современник Зелимхана, посвятивший ему целую документальную повесть Козачковский. Имей место этот факт, он наверняка рассказал бы о нем, раз не поскупился на другие куда более мелкие эпизоды.

И еще. Зелимхан во всех трех версиях чуть ли не плачет от песни Шаляпина. Что же такого спел Шаляпин, что почти одичавший абрек прослезился. Несмотря на суровый образ жизни в последние годы, Зелимхан не был лишен сентиментальности, мужской доброты и человеческого сострадания, но не настолько же, что выступили слезы на глазах. Отчего он так расчувствовался, от какой такой песни? Даже если это была драматичная песня о Хасбулате, она могла вызвать тоску и печаль. Не больше. И мог ли он вообще таким, каким мы его знаем, дать волю своим слабостям на виду у своих присных и проезжающих незнакомцев с разных концов света?! Думается, нет, это было бы не похоже на абрека всех абреков.

Большое сомнение вызывает и кинжал, проходящий как подарок Зелимхана. Ни в одной версии не говорится о том, что, прощаясь со своим почетным пленником, он совершил этот благородный жест.

На наш взгляд, все эти отмеченные и опущенные нами авторские неточности вокруг Зелимхана и Шаляпина и вольности с указанием места встречи двух знаменитостей и некоторые подробности их сентиментального общения, говорят о том, что такая встреча не состоялась вовсе, а это всего лишь попытка выдать желаемое за действительное, создать вокруг ореола одного и другого загадочную и радужную мистику.

Появление абречьих легенд связано с феноменом и исключительностью этого уникального явления. Зародившееся в глубокой древности, в недрах этнических сообществ Кавказа абречество в XVIII и особенно в XIX и начале XX веков трансформировалось в борьбу с русской властью на Кавказе. После завоевания и присоединения Кавказа к России абречество имело двоякое отношение к себе: одними – частью аборигенов, принадлежащей к простонародию, и даже духовенством, оно было воспринято как что-то родное и естественное и потому поддержано, другими – русской администрацией Кавказа и частью служившего у нее местного чиновничества – отрицательно, что вывело их на позицию

борьбы с ним, как с подрывающим основы государственности, процветания и мирной жизни населения.

С именем Зелимхана, основным способом борьбы которого был террор, физическая расправа с личными врагами, связывают и агитационно-массовую работу. В Терской администрации считали, что Зелимхан готовится к какой-то большой войне с Россией и для этого ведет усиленную агитацию среди населения нагорной полосы относительно восстания и что в его распоряжении находится более 1000 трехлинеек. Так это или нет, судить трудно, вещественных доказательств этому нет. Противники Зелимхана доносили также, что такие слухи распускал и сам абрек. Он, якобы, утверждал, что для этого он ждет, когда Турция, Иран или Китай объявят войну России, чтобы потом выступить на стороне одной из них. А чтобы ему поверили, он говорил также о заготовленных им тысяче боевых винтовок и боеприпасов, которые будут вручены всем, кто поддержит восстание. Но даже если допустить, что все это имело место, то это не больше, чем авантюра. Зелимхан блефовал, чтобы, с одной стороны, создать себе имидж имама, последователя Шамиля, с другой, – чтобы посеять страх среди администрации перед надвигающейся виртуальной угрозой новых трагических испытаний в наказание властей за их несговорчивость и жестокость. Что касается оружейного склада, схрона трехлинеек и боеприпасов, то никто не обнаружил его ни при жизни абрека, ни после него.

ЭПИСТОЛЯРИЙ

Письма Зелимхана различным представителям власти

Письмо Зелимхана полковнику Галаеву

Бисмилла, аррахман, аррахим!

Начинаю от всемогущего аллаха после должной части полковнику!

Я думаю, что из головы твоей утекло масло, раз ты думаешь, что царский закон может делать все, что угодно.

Не стыдно тебе обвинять совершенно невинных? На каком основании наказываешь ты этих детей? Ведь народу известно, что сделанное в Ведено сделал я.

Знаешь это и ты.

Эй, вы, начальствующие и судьи! Эй, правосудие! Вы неправильно решаете дела. Почему вы неправильно судите, почему вы осуждаете невинных детей?

Вы же не можете подняться на крыльях к небу и не можете также влезть в землю. Или же вы постоянно будете находиться в крепости, решая дела так неправильно, зная это хорошо, зная так же, как я

Куда вы денетесь? Вы никуда не денетесь, пока я жив. Разве вы не знаете меня? Вы знаете меня.

Я, Зелимхан, решающий народные дела. Виновных я убиваю, невинных – оставляю. Я вам говорю, чтобы не нарушали вы законы. Я вас прошу не нарушать их. А вы нарушаете их на основании ложных показаний. Ничуть вы не лучше женщин – мужчины. И о таких неправильных решениях вы после будете жалеть.

Я от Турченко требовал деньги еще четыре года назад Он все время обещал дать, а сам объявил об этом начальству. Я предупреждал его, что если он не уплатит требуемых денег, будет убит.

В ночь убийства я ходил к нему опять просить денег. Делал это в присутствии его семьи. И когда он отказался от уплаты, я его убил. Не из бедных же он, были же у него деньги и другое имущество.

Возьмите всю казну государственную и войска, преследуйте меня – и все равно не найдете меня. Волла-ги! Билла-ги!

Я подчиняться вам не буду. Когда вам понадобится схватить меня – я буду от вас далеко; когда же вы мне понадобитесь – будете вы очень близко ко мне.

Эй, начальствующие! Я вас считаю очень низкими. Смотрите на меня: я нашел казаков и женщин, когда они ходили в горы, и я их не тронул. Я взял у них только гармонию, чтобы немного повеселиться, а потом вернул ее им.

Шерипа Субиева я в тот же день немного задержал, заподозрив его в неверности мне, а вы за это арестовали его. Но больше ни в чем он не виноват.

Вы нехорошие люди! Вы недостойные люди! Не радуйтесь, не гордитесь за взятую Вами неправду и за утверждение такоаой. Хотя вы теперь радуетесь, но после будете плакать несомненно.

Эй, полковник! Я тебя парошу ради создавшего нас бога и ради возвысившего тебя – не открывай вражды между мной и народом. Ты должен стараться, чтобы женщины и дети не плакали и не рыдали. Они же плачут и проклинают меня. Говорят: «Хоть бы убили его и чтобы он был уничтожен богом!» Так они проклинают меня. Они не виноваты. Ты же не должен сомневаться, если будешь обижать арестованных, то ко мне будет вражда. А мы до сих пор жили хорошо: кто мне сделает добро, тому отплачу тем же; кто мне сделает дурное и злое, тому отвечу тоже тем же.

Эй, полковник! Если ты хочешь узнать, кто был со мной, когда убили Турченко, то были: я – Зелимхан, мой отец Гушмазуко, Давлет-Мурза хоевский, Исса хоркороевский и Кума и Гуду из Белготоя. Это дело сделали мы. Наших лошадей дер-

жал, когда мы входили в дом к Турченко, чеченец ауловец Гунна. Знай это, эй, пристав!

Я знаю и слышу, что ты делаешь. Идешь за Гела и Дуду. Посмотри же, что я с ними сделаю. Если я их оставлю, то вини меня; если же я это не оставлю, то не вини меня. Знай это!

Милость аллаха и аллах пусть сохранят того, кто будет читать это. Читающего прошу прочесть, ради аллаха, не преувеличивая и не преуменьшая.

(Приложены именная печать Зелимхана и печать Андреевского сельского управления).

Второе письмо Зелимхана полковнику Галаеву

Полковник Галаев!

Пишу тебе последнее мое письмо, которое я с помощью аллаха безусловно исполню. Это будет скоро.

Мнение мое такое: ты, кажется, знаешь, что я сделал с Добровольским, с таким же полковником, как ты; что мое привлекает сердце в необходимость сделать с тобой за незаконные действия твои и из-за меня заключенных людей, которые совсем невинны.

Я тебе говорю, чтобы ты освободил всех заключенных, о вине которых ты не слыхал и в которых не видел ничего правдивого. За неисполнение этого с тобой, гяуром, что будет, смотри на другой странице.

Я Добровольскому говорил так же, как и тебе, гяур. Но ты меня тоже не понимаешь.

Я тебе дам запомнить себя. Губить людей незаконными действиями из-за себя я не позволю тебе, гяур. Раз я говорю «не позволю», значит правда.

Если я, Зелимхан Гушмазукаев, буду жив, я ж заставлю тебя, как собаку, гадить в доме и сидеть в доме с женой. Трус ты! В конце концов – проститутка, – убью тебя, как собаку.

Пусть ты будешь между тысячами, я смогу узнать тебя.

Ты, кажется, думаешь, что я уеду в Турцию. Нет, этого не бу-

дет с моей стороны, чтобы люди не обложили меня позором бегства. Не кончив с тобой, я на шаг дальше не уеду. Слушаю я о твоих делах, и ты мне кажешься не полковником, а шлюхой.

Освободи же людей невинных, и я с тобой ничего иметь не буду. Если же не послушаешь, то будь уверен, что жизнь твою покончу или увезу в живых казнить тебя.

Зелимхан Гушмазукаев.
(Приложены три печати).

Отрывок из письма Доногуеву

Теперь сообщаю вам, что я убивал начальство, что они незаконно сослали моих бедных людей в Сибир, сейчас находится моих бедных людей Сибире 9 человек. Потом бытности начальником Грозненского округа полковника Попова, в Грозном был бунт, и за гордость свою начальство и войска убивал там бедных людей, но я тогда, узнав, чем дело, собрал свой шайка и ограбил поезд Кади-юрта, и убивал поезде русских людей за местью. Потом был командирован какой-то полковник Вербицкий для поимки меня, как вы теперь... Вербицкий начал по Терской области свой неправильный действий, первым долгом Вербицкий напал с своим открытый базар селений Гудермес и убивал там на базаре бедных людей, но высший начальство действии не правильно, Вербицкого начальство смотрели на хорошего и оставили как хороший, такой страшный действий, сделанный Вербицким один час, я 10 лет абреком, и то не сделал, Вербицкий убивал бедных, он только один действий, это был селений Цорх Назрановского округа. Тогда я собой взял свой шайка и приготовился напасть Кизляр на отмщений Вербицкого за то, что он был атаманом Кизлярского отдела и дал Вербицкому перед тем знать я еду Кизляр.

Зелимхан.

Записка к Мусса Куни

Любимому моему гостю, Мусса Куни, мой салам!

Я от верных людей слышал, что ваш Дада, сын Аббаса Хубарова, дал слово начальству убить меня за большие деньги, и начальство дало ему берданку.

Прошу вас дать мне знать, за что он меня хочет убить.

Если ему нужно имущество и много серебра, я ему дам больше, чем они. Но если ему не нужно имущества, то пусть от меня держит себя подальше.

Это лучше всякого богатства для него в этом мире.

Зелимхан.

Прошение Зелимхана на имя Председателя Государственной думы

Так как в настоящее время в Государственной думе идет запрос о грабежах и разбоях на Кавказе, то депутатам небезинтересно будет познакомиться с причинами, заставившими меня, одного из самых известных абреков терской и Дагестанской областей, сделаться абреком.

Все рассказывать не стоит – это займет слишком много Вашего драгоценного времени. Я ограничусь, как сказал, указанием обстоятельств, при которых я ушел в абреки, и, кроме того, расскажу о двух своих наиболее крупных преступлениях: первое – убийство подполковника Добровольского, старшего помощника начальника Грозненского округа, в 1906 году и второе – убийство полковника Галаева, начальника Веденского округа, летом минувшего 1908 года.

Чтобы гг. депутаты имели хоть какое-нибудь представление о драме моей жизни, я должен упомянуть в коротких словах о месте моего рождения и о своей семье. Родом я из чеченского селения Хорочой, Веденского округа, Терской области. В то время, о котором идет рассказ (1901 г.), семья наша состояла из старика-отца, меня и двух братьев, из которых один был уже взрослый юноша, а другой совсем еще ребенок: кроме того, был у нас и столетний дед. Жили мы богато.

Все, что бывает у зажиточного горца, мы имели: крупный и мелкий рогатый скот, несколько лошадей, мельницу, правда, татарскую, но все же она нам давала приличный доход, и имели мы еще богатейшую пасеку, в которой насчитывалось несколько сот ульев. Добра своего было достаточно, чужого мы не искали. Но случилось несчастье. Произошла у нас ссора с односельчанином из-за невесты моего брата. В драке был убит мой родственник.

Теперь надо отомстить кровникам за смерть родственника, выполнить святую для каждого чеченца обязанность. Зная хорошо, что по русским законам кровомщение не допускается и меня за убийство человека, хотя бы кровника, будут судить со всей строгостью законов, я совершил акт кровомщения втайне, ночью,накануне рамазана месяца, и без соучастников. Все в ауле вздохнули свободно, – канлы должны были окончиться, и между сторонами состояться полное примирение. Но стали производить дознание. Начальник участка капитан Х., ныне благополучно управляющий одним из округов Терской области, показал, что он застал нашего врага живым и и последний будто бы указал как на виновников своей смерти на меня, на моего отца и двух братьв.

Таким образом, было найдено юридическое основание для того, чтобы нас обвинить. Суд нас четверых присудил в арестантское отделение. На запрос палаты, каким образом покойный ночью мог узнать. Кто в него стрелял, тот же начальник участка Х. ответил, что была светлая ночь и лица были хорошо замечены умершим. Это была со стороны Х. явная ложь и пристрастное отношение к делу. Во-первых, как всему народу, ему было известно, что мой отец и два двоюродных брата ни в чем не виноваты, а во-вторых, накануне рамазана месяца луна не светит. Люди говорят, что ему дали взятку наши враги, и я вполне этому верю.

Один из моих братьев умер в тюрьме, а другой умер впоследствии в ссылке. Я убежал из Грозненской тюрьмы с единственной целью отомстить виновнику всех несчастий нашей

семьи, капитану Х., но он нашелся. Узнав о том, что я на свободе, он прислал ко мне человека, который сказал, что капитанХ. Сознает свою ошибку, очень раскаивается и просит у меня прощения и, кроме того, обещает меня не преследовать никогда. Я поверил его раскаянию и простил ему. Из последующей деятельности этого человека выяснилось, что он очень далек от раскаяния и просто перехитрил меня, перейдя на службу в другое место. Таким образом, из мирного жителя селения Харачой я превратился в абрека Зелимхана из Харачоя, но не такого еще знаменитого, как сейчас.

Теперь я Вам, Ваше превосходительство, расскажу, за что я убил подполковника Добровольского. В то время Добровольский был старшим помощником начальника Веденского округа и жил постоянно в Ведено.

Естественно, на нем лежала обязанность меня преследовать, но как он это делал!

Прежде всего ставил в Харачое экзекуции, затем всячески давил моих родственников и лиц имевших, по его мнению, или вернее, по мнению доносивших, какое-нибудь отношение ко мне. Мой старый отец, уже вернувшийся домой, отбыв свой срок наказания, и, в особенности, брат – самый тихий и добродушный из харачоевцев, – подвергались со стороны Добровольского всевозможным гонениям, аресту на продолжительное время под тем или иным предлогом, штрафам и пр. мелочам, пересказать которые я сейчас не сумею, но которые тем не менее жизнь делают тягостною, а иногда и невыносимою. Я ходил на свободе, и никто меня не беспокоил – ни казачьи резервы, ни милиционеры.

Наконец, случилось крупное столкновение, и вот по какому случаю. Добровольский ехал из Ведено в Грозный, а мой брат Солтамурад ему навстречу. Подполковник остановил тройку и приказал переводчику брата обыскать и отобрать у него оружие. На большой дороге не было до тех пор принято останавливать и обыскивать проезжающих. Очевидно, для Солтамурада сделали исключение. Брат сказал, что оружие

его азиатского образца и выдавать его он не может, так как повсюду его преследуют кровники. Добровольский првстал на тройке с винтовкой в руке, Солтамурад ударил по лошади и ускакал, начальник пустил ему вдогонку несколько пуль, не знаю, с какой целью – напугать или попасть в него. Приехав в Грозный, Добровольский пожаловался начальнику округа, что брат Зелимхана оказал ему вооруженное сопротивление и т. д. Солтамурад, боявшись жить дома, скрылся и по моему совету вступил с Добровольским в переговоры через некоторых лиц, обещаясь выдать оружие и кроме того уплатить штраф в том размере, который укажет Добровольский, однако с тем условием, что Солтамурад останется жить дома. Но Добровольский и слышать не хотел ни о чем, грозил сгноить брата в тюрьме, повесить, а по моему адресу разразился скверными словами. Тогда мой брат ушел из дома и стал бродить один по горам, боясь присоединением ко мне навсегда опорочить себя и тем лишиться возможности вернуться к мирной жизни. А скитаясь один, он надеялся на то, что либо начальник смилостивится, либо на его место назначат другог, более доброго.

Но надеждам брата не суждено было осуществиться, – его поймали в Дагестанской области (при этом он не оказал ни малейшего сопротивления) и посадили в Петровскую тюрьму. Там он пробыл около года и бежал прямо ко мне. С этого момента он сделался уже настоящим абреком. Отец мой еще раньше брата присоединился ко мне, предпочитая жизнь абрека тюремному заключению, которое должно было длиться до тех пор, пока меня не убьют или не поймают. За то, что он заставил сделаться абреком моего отца и брата, обругал меня скверными словами, Добровольский поплатился своей жизнью.

Далее я вам расскажу, Ваше превосходительство, за что я убил полковника Галаева. Вскоре после смерти Добровольского Веденский округ был объявлен самостоятельным в административном отношении, и нам прислали начальника

округа, именно Галаева. Этот оказался человек деятельный и энергичный, он сразу выслал из Веденского округа 500 человек, якобы за воровство, которые вернулись все уже в качестве абреков и наводнили весь Веденский округ. Но потом полковнику пришлось объявить им всеобщую амнистию, и они вернулись в свои дома, стали заниматься тем, что делали раньше до появления Галаева. Впрочем, это к делу не относится, а я это сказал, как факт, характеризующий этого администратора. Меры его, направленные против меня, а также против отца и брата, выражались в том, что он приблизил к себе нашего противника Элсанова из Харачоя и стал по его указанию сажать в тюрьму и высылать наших родственников и друзей, а иногда лиц, совершенно не имеющих к нам никакого отношения. Я ему предлагал письменно оставить всех этих ни в чем не повинных лиц в покое, а преследовать меня всеми способами, какие может изобрести: полицией, подкупом, отравлением, чем только он хочет. Но Галаев находил самым правильным избранный им путь поимки меня с товарищами. Очевидно, борьба с мирными людьми гораздо легче, чем с абреками. Некоторые сосланные им лица находятся в северных губерниях России. Быть может, они и умерли. Между ними, например, два моих двоюродных брата по женской линии и два зятя тоже из другой фамилии, чем я. Затем посаженные Галаевым в тюрьму до сих пор еще сидят там.

Хозяйства как сосланных, так и заключенных, совершенно разорились, жены и дети их живут подаянием добрых людей да тем, что я иногда уделяю им из своего добра после удачного набега.

Окончательно убедившись, что Галаев твердо держится своей системы, что он будет ссылать и арестовывать все новые и новые лица и что разоренные семейства станут молить бога о моей гибели, я решил с ним покончить. Решение свое я выполнил летом истекшего 1908 года.

Все, что изложено в этом прошении, безусловно – правда, ибо я стою вне зависимости от кого бы и чего бы то ни было,

и лгать мне нет никакой нужды. Голова моя, как говорят, оценена в 8 тысяч рублей, конечно, деньги эти собраны с населения. Отец и брат мой убиты чеченцами во время пленения Месяцева 31 августа 1908 года, и теперь я одиноко скитаюсь по горам и лесам, ожидая с часа на час возмездия за свои и чужие грехи. Я знаю, дело мое кончено, вернуться к мирной жизни мне невозможно, пощады и милости тоже я не жду ни от кого. Но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, если бы народные представители знали, что я не родился абреком, не родились ими также мой отец и брат и другие товарищи.

Большинство из них избирают такую долю вследствие несправедливого отношения властей или под влиянием какой-нибудь иной обиды или несчастного стечения обстоятельств. Раз кто стал на этот путь, то он подвигается по нему все глубже в дебри, откуда нет возврата, ибо, спасаясь от преследователей, приходится убивать, а чтобы кормиться и одеваться, приходится грабить. А в особенности тому, кто должен поддерживать семейства, отцы которых в ссылке или в заключении.

Все изложенное покорнейше прошу, Ваше превосходительство, довести до сведения Думы. Если же вы не найдете возможным, чтобы мое прошение было предметом внимания народных представителей, то покорнейше прошу вас отдать его в какой-нибудь орган печати, быть может, найдутся такие, которые пожелают его напечатать. К сему прилагаю свою именную печать и казенную печать Андреевского сельского правления Хасав-юртовского округа. Администрация Терской и Дагестанской областей знает, что всякое письмо, снабженное этими знаками, идет от меня.

Зелимхан Гушмазукаев.
15 января 1909 г., Терская обл.

Из содержания и формы изложения приведенного документа видно, что оно написано не лично Зелимханом, а лишь подписано им, ибо, как свидетельствуют источники, он не

владел русской грамотой. Автор книги о Зелимхане, Дзахо Гатуев отмечает: «Письмо председателю Государственной думы в свое время было опубликовано в октябрьском «Голосе правды». Составителем думского письма был чеченский интеллигент и нефтепромышленник. Как интеллигенту и промышленнику, националистически конкурировавшему с великодержавным капитализмом, ему необходимо было индивидуализировать Зелимхана: дать его в качестве единичной жертвы сатрапствующей администрации». (Дзахо Гатуев. «Зелимхан», Орджоникидзе, 1965, с.144).

Судя по дате, которая стоит под прошением Зелимхана, оно было написано вскоре после начала обсуждения в Думе кавказского запроса о положении дел на Кавказе в связи с захлестнувшими его разбоями, грабежами. Однако прошение не было доведено до сведения депутатов. И это понятно: оно являет собой настоящий обвинительный акт против бесчеловечного отношения к местному, «туземному», как тогда называли его, населению со стороны русской кавказской администрации.

Зелимхан прежде чем учинить расправу над противником, как правило, писал ему письмо, в котором требовал прекратить всякое насилие над его близкими и населением, предупреждая в противном случае о печальных для него последствиях, вплоть до убийства. И таких писем, было много. Они были адресованы Добровольскому, Вербицкому, Каралову, Галаеву, Дудникову, Маргании, Доногуеву и даже самому Михееву, начальнику Терской области. Некоторая часть этих писем, хранившихся у Бетыр-Султана, была отобрана во время обыска начальником особого отдела какой-то дивизии. Убежден, они пролили бы свет на многие стороны деятельности, внутреннее состояние и черты характера этого выдающегося абрека. Однако обнаружить их в архивохранилищах за редким исключением не удалось. К их числу относятся только те, которые приводятся в тексте выше. Другая часть заимствована у Дзахо Гатуева из книги «Стакан шейха. – (Изд-во «Ир», 1981, с.244-255).

Несомненно, Зелимхан – незаурядная фигура. Для одних он был защитником и борцом за справедливость, для других – обычным разбойником и бандитом. Тюрьма и последующая вооруженная охота за ним не сломали его. Напротив, они еще больше озлобили его и, обрекая себя на пожизненные скитания приговоренного беглеца, повел решительную борьбу с властями, пусть даже неравную, а в какой то мере даже бессмысленную, до конца своих дней. Он был готов и к пощаде, но только тех, кто будет выполнять его условия. И не просто противостоял властям и режиму, но еще как правый и победитель диктовал им свои условия.

Зелимхан – человек из народа, такой же безграмотный и социально незащищенный. И как выходец из него на примере своей жизненной катастрофы видел трагедию если не всего чеченского народа, то, по крайней мере, многих сотен и тысяч простых соплеменников. Это была личность со своими достоинствами и слабостями. К достоинствам можно отнести его отвагу, черты вожака и военачальника, национал-патриотизм, верность мужскому слову, готовность защитить обиженных и восстановить справедливость. Слабости составляли – излишняя горячность, неумение гасить конфликты с кровниками, что усугубляло его положение подпольщика, социальная неразборчивость мстителя, недостаточное самообладание и временами охватывающая трусость, несмотря на сильный характер в целом.

Воззвание Г. В. Вербицкого к чеченскому и ингушскому народам и всему туземному населению Терской области (на арабском и русском языках)

«Приказом по области я, войсковой старшина Вербицкий, назначен искоренить разбойничество в родном крае. Обращаюсь поэтому к чеченскому и ингушскому народам и всему туземному населению.

Вы – храбрые племена. Слава о вашем мужестве известна по всей земле: ваши деды и отцы храбро боролись за свою независимость, бились вы и под русскими знаменами во славу России.

Но за последние годы между вами завелись люди, которые своей нечистой жизнью пачкают, грязными делами позорят вас. Эти отбросы ваших племен все свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши честные лица. Имам Шамиль за разбой рубил им головы, а за воровство отсекал им лапы.

Правительство наше решило положить конец всем творящимся ими безобразиям. Оно требует, чтобы каждый пахарь, купец, пастух и ремесленник, к какому бы племени он ни принадлежал, мог спокойно трудиться на свою и общую пользу.

Призываю честных людей сплотиться и перестать якшаться с ворами и разбойниками, изгнав их из своей среды и лишив их свободы святого гостеприимства.

Я обращаюсь к вам, воры и разбойники.

Объявляю вам, что ваше царство приходит к концу. Я пойманию вас, и те, на ком лежит пролитая при разбоях кровь, будут повешены по законам военного времени (т.е. в 24 часа военно-полевым судом. Поэтому советую вам помнить мои слова и отнюдь не отдаваться моим отрядам живыми, а биться до последней капли крови. Кто не будет трус, умрет как мужчина, с оружием в руках.

Все же, кто еще не отдался целиком самим Кораном осужденному пороку воровства и разбоя, опомнитесь и займитесь мирным трудом. Возрастите ваших детей в почитании закона и выучите их в школах во славу пророка Магомета и на пользу своего народа.

Теперь ты, Зелимхан!

Имя твое известно всей России, но слава твоя скверная. Ты бросил отца и брата умирать, а сам убежал с поля битвы, как самый подлый трус и предатель. Ты убил много людей, но из-за куста, прячась в камни, как ядовитая змея, которая бо-

ится, чтобы человек не раздавил ей голову каблуком своего сапога. Ты мог пойти на войну, там заслужить помилование царя, но ты прятался тогда, как хищный волк, а теперь просишь у начальства пощады, как паршивая побитая собака. Ответ начальства тебе уже известен. Но я понимаю, что весь чеченский народ смотрит на тебя как на мужчину, и я, войсковой старшина Вербицкий, предоставляю тебе случай смыть с себя пятно бесчестия, и если ты действительно носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов.

Назначь время, место и укажи по совести, если она у тебя есть, число твоих товарищей, и я явлюсь туда с таким же числом своих людей, чтобы сразиться с тобой и со всей твоей шайкой, и чем больше в ней разбойников, тем лучше. Кровникам твоим не позволю вмешаться в наше дело. Довольно между вами крови!

Но если ты не выйдешь на открытый бой, я все равно тебя найду (даже и в Турции, куда ты, кажется, собирался удрать), и тогда уже пощады не жди и бейся до конца, чтобы не быть повешенным. (Ого!)

Докажи же, Зелимхан, что ты мужчина из доблестного чеченского племени, а не трусливая баба. Напиши мне, войсковому старшине Вербицкому, в гор. Владикавказ и помни, что на перевод письма твоего на русский язык с арабско-чеченского мне нужно время».

ИЗ ФОЛЬКЛОРА О КАВКАЗСКИХ АБРЕКАХ

Песни о Зелимхане.

Чеченская песня о Зелимхане. (Записана А. Костериным)

Уа-лай-ла я-ла-лай
Уа-лай-ла я-ла лай
Уа-лай-ла я-ла-лай
Его мягкою постелью была черная земля...
Подушка его – чинаревые корни...
Одеяло его – голубое небо...
От голода кушал чинаровый лист..
От жажды пил росу...
Когда туман спускался на плоскость – уходил в горы...
Когда туман в горах – уходил на плоскость...
По ущелью шел волчьим скоком...
На вершинах слушал голоса ущелий и долин...
Родной его брат – винтовка...
Бросил вызов своей судьбе...
Придавил ее ногой...
И вышел на борьбу чеченский Зелимхан...
Взял Зелимхан свою семью
И засел на черных вершинах.
Один кляузник пошел в крепость
И бросил свой длинный язык к порогу полковника:
– Марша-аль, начальник округа,
Не спите в эту страшную ночь:
Храбрый Зелимхан, который бьет начальство и купцов,
Горный орел – Зелимхан,
Остановился на горных вершинах.
Чтоб отсох длинный язык кляузника!
Когда проклятый кляузник высунул свой длинный язык,
Зазвенели медная труба и медный барабан...
Как ток на базу окружают голодные вороны,
Так был окружен гордый Зелимхан:

Три железных ряда окружили вершину.
И послал полковник Зелимхану такие слова:
– Сдавайся живым – будет здорова голова,
Я возьму тебя с вершины, как ястреб курицу...
Ты в моем кармане, ты под моей подошвой...
Отвечал ему гордый Зелимхан:
– Живым не сдаюсь – больше одной смерти не бывает...
А ты, полковник, береги свои подметки...
А когда ложишься спать, смотри под подушку:
Нет ли там Зелимхана.
Стал бить полковник по горе из пушек и пулеметов...
Когда же от пороха пошел туман по ущелью,
От запаха серы стали ржать и задыхаться кони,
Закричал с вершины гордый Зелимхан:
– Делль мостугай!.. послушай меня:
Много есть в лесу кабанов, что роют носом землю,
А их разгоняет один волчонок...
Меня для вас тоже хватит...
И опять гремели пушки, ржали кони в пороховом тумане,
А гордый Зелимхан сидел один на вершине и пел песни...
А с первым криком муллы, с вечерним намазом
Взял Зелимхан свою семью под бурку и винтовку –
брата своего.
Подавляя свою судьбу, ушел гордый Зелимхан.

Другая чеченская песня о Зелимхане. (Записана для автора повести о Зелимхане Дзахо Гатуева в Чечен-ауле Д. Курумовым от певца Саида Мунаева)

Во время бури на плоскости пробираясь в ущелье,
Во время снега в горах пробираясь на плоскость,
Родным братом считая винтовку,
Как лев, который собирает зверей для спасения львят,
Любимую свою семью в большом лесу в горах собрал
И остановился для ночлега

Харачой Зелимхан.
С доносом поехал один человек,
Подробно доложил в большом суде большому начальнику:
– Если это неправда, я положу на твои плечи офицерские погоны:
Если это неправда, сниму твою круглую голову. –
Не для службы начали звонить городские церкви – для тревоги,
Собрали врагов аллаха бесчисленное множество
на церковной площади.
Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай-я,да-дай...
Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и...
Сыграв в медную зурну, по три человека их выстроив,
По узкой дороге вели их в черный лес.
Прежде чем показалось желтое солнце,
Прежде чем скрылись последние звезды,
В то время, как утренняя серая заря появляется,
Тремя рядами был окружен
Харачой Зелимхан.
Чтобы скрыться в черной земле – как тебе тверда эта земля...
Чтобы подняться на небо – как тебе высоко небо...
– Теперь ты за учкуром моих штанов и не уйдешь от меня, –
Сказал царский генерал!
Уа-да-дай, да-дай-я, да-дай...
Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и...
– Удивляюсь я тому, что, имея русское образование,
Сделал тебя, такого глурого, генералом московский царь...
Много я видел таких кабанов, как вы, –
Неужели вы не видели такого храброго волка, как я...
Много кабанов, гуляющих в лесу, –
Один только волк разбивает их целое стадо, –
Сказав так, начал стрелять из винтовки Зелимхан.
Положил он на месте пулей,
Как охотник оленя, одного офицера полка.
Начали бежать враи Зелимхана,
Получиы несколько ран, ушел в это время Зелимхан,

Сказав своим, чтобы не беспокоились,
Что снова появится к ним до рассвета.
Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай-я, да-дай....
Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и...
Чтобы провести день, он остановился в камышах,
Вечером сел на коня и поехал
Искать своими глазами отряды солдат,
Как старую арбу, разбивать своими руками разъезжающую царскую почту
Так начал ездить Харачой Зелимхан.
Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай-я, да-дай...
Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и...
Ингушская песня о Саламбеке Гороводжеве.
Бесстрашный волк – Саламбек Сагопшинский...
Саламбек в сердце города въехал на черном коне.
Саламбек, как ветер, тряс листву солдатских сердец.
Саламбек пристава Богуславского убил.
Саламбек на грозненскую станцию нападал.
Саламбек сам на смерть пришел.
Бесстрашный волк – Саламбек Сагопшинский.
Рыжим телом славит солдатские пули.
...Генерал обещал расстрелять Саламбека!
Не значит это, что своими руками расстреляет он.
Когда даже генерал смерть обещает – через суд обещает ее.
Какой бы большой генерал ни был, больше самого большого генерала
царский закон, книги которого как семьдесят семь Коранов...

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Гатуев Дз. Зелимхан. – Орджоникидзе, 1965, с.141
2. Там же, с. 138
3. Там же
4. Там же
5. Там же, с.139
6. ЦГА РСО-А., ф.106, оп.1, д.11, л.280
7. Там же
8. Там же, с.281
9. Там же, ф.11, оп.52, д.1190, л.3
10. Там же, л.23
11. Там же, ф.20, оп.1, д.3278, л.18
12. Там же, лл.3.4,5
13. Там же, л. 35
14. ЦГА РСО-А., ф.106, оп.1, д.11, л.284
15. Там же, л.4
16. Там же, д.1, л.2
17. Там же, д.21, л.2
18. Там же, д. 32а, л.28
19. Там же, д.27, л.29
20. Там же, л.167
21. Там же
22. Там же, л.29
23. Козачковский В. Указ. соч., с.3
24. Там же, ф.106, оп.1, д.11, л.140
25. Там же
26. Там же
27. Там же, д.19, л.395
28. Там же, л.243
29. Там же
30. Там же, ф.54, оп.4, д.19, л.1-2
31. Там же, ф.11, оп.53, д.609, л.29
32. Там же, лл.30,32
33. Там же, л.21

34. Там же, д.185, лл.1-2
35. Цаликов Ах. Кавказ и Поволжье. – Москва, 1913, с. 120
36. Газ. «Голос курортов», г. Пятигорск, от 25.12.1910 г.
37. Там же, ф.106. оп.1, д.32, л.6
38. Там же
39. Там же, ф.11, оп.52, д.1217, л.14
40. Там же, ф.106, оп.1, д.19, л.335
41. Там же, ф.54, оп.4, д.4118, л.12
42. Там же, л.33об.
43. Там же, л.140
44. Там же, д.25, л.43
45. Там же, л.55
46. Там же, ф.12, оп.8, д.374, л.157
47. Там же, л.42
48. Там же, л.57
49. Там же, л.168
50. Там же, д.19, л.151
51. Там же, л.146
52. Там же, ф.20. оп.1, д.3294, л.11
53. Там же, ф.106, оп.1, д.19, л.153
54. Там же, л.184
55. Там же, л.155
56. Там же, л.155об.
57. Там же, л.156
58. Там же
59. Там же, л.162об.
60. Там же, л.174
61. Там же
62. Там же, л.169.
63. Там же, л.169об.
64. Там же, ф.11, оп.52, д.1190, л.12
65. Там же
66. Там же, ф.106, оп.1, д.19, л.218
67. Там же, л.458
68. Там же, л.459

69. Там же, ф.12, оп.8, д.375, л.75
70. Там же, ф.12, л.76об.
71. Там же, л.77
72. Там же, ф.106, оп.1, д.29, л.112
73. Там же, д.19, л.249
74. Там же
75. Там же, л.214об.
76. Там же
77. Там же, л.210
78. Там же, л. 231
79. Там же, л.258
80. Там же, л.262
81. Там же
82. Там же, л275
83. Там же, л.273
84. Там же, л.238
85. Там же
86. Там же, ф.12, оп.8, д.373, л.1
87. Там же, ф. 106, оп.1, д.19, л.281
88. Там же, л.273
89. Там же, д.19, л.290
90. Там же, д.35, л.33
91. Там же, л.20
92. Там же, л. 3
93. Там же, л.6
94. Там же, л.85
95. Там же, л.72
96. Там же
97. Там же, лл.72-73
98Там же, л.73
99. Там же, л.60об.
100. Там же, л.61
101. Там же, д.19, л.326
102. Там же, лл.325-326
103. Там же, д.35, л.30

104. Там же, л. 71об.
105. Там же, д.31, л.198
106. ЦГА-Алания, ф. 12, оп.8, д.375, л.142
107. Там же
108. Там же, л.142об.
109. Там же, л.143
110. Там же
111. Там же, ф. 106, оп.1, д.32, л.334
112. Там же, ф.11, оп.52, д.1217, л.15об.–16
113. Там же, л.1
114. Там же, л.18
115. Там же, ф.106, оп.1, д.19, л.340
116. Там же
117. Там же, л.340об.
118. Там же
119. Там же, л.182
120. Там же, л.182об.
121. Уткин А. Тропа войны. Версия, № 18, 2003, 19-25 мая
122. Там же
123. Там же, л.458
124. Там же
125. Там же, л.459
126. Там же, л.460
127. Там же, л.461об.–462
128. Там же, л.449
129. Там же, л.140
130. Там же, л.218
131. Там же, л.228
132 Там же, л.414
133. Там же, л.474
134. Там же, ф.12, оп.8, д.374, л.19
135. Там же, ф.106, оп.1, д.19, л.424
136. Там же
137. Там же, д.36, л.34
138. Цаликов А. Указ. соч., с.221

139. Там же, л.36
140. Экран Владикавказа. – Еженедельник, № 17, май, с 3 по 9,
2004 года.
141. Там же, ф.106, оп.1, д.19, л.471
142. Там же, л.482
143. Там же, ф.12, оп.8, д.374. л.76
144. Там же, ф. 11, оп.9, д.251, л. 4
145. Там же, л.6об.
146. Там же, д.902. л.1
147. Там же, лл.7-8
148. Там же, ф.12, оп.8, д.374, л. 111об.
149. Там же, л.112
150. Там же, л.120
151. Там же, ф.106, оп.1, д.36, л.126
152. Там же, д.40, л.64
153. ЦГА-РСО-Алания, ф.106, оып.1, д.46, л.31
154. Там же, л.47
155. Там же
156. Там же, д.46, л.48
157. Там же, л.50
158. Там же, л.51
159. Там же, л.53
160. Там же, л.65
161. Там же, д.44, л.6об.–7
162. Там же, д.46, л.72
163. Там же, л.88
164. Там же, лл.101-102
165. Там же, л.128
166. Там же, д.44, л.19
167. Там же
168. Там же, л.65
169. Там же, д.35, л.4об.
170. Там же
171. Там же, д.44, л.57

172. Там же, ф.12, оп.8, д.376, лл.7-8
173. Там же, л.4
174. Там же, л.3-3об.
175. Там же, л.3об.
176. Козачковский В. Указ. соч., с.32
177. Цаликов А. Указ. соч., с.114
178. ЦГА РСО – Алания, ф.12, оп.6, д.346, лл.30-31
179. Там же, ф. 54, оп.5, д.4454, л.47

Библиотека "Чеченинфо"

СОДЕРЖАНИЕ

НАМЕСТНИК ГОР 3

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 230

ЭПИСТОЛЯРИЙ 258

Письма Зелимхана различным представителям власти 258

Письмо Зелимхана полковнику Галаеву 258

Второе письмо Зелимхана полковнику Галаеву 260

Отрывок из письма Доногуеву 261

Записка к Мусса Куни 262

Воззвание Г. В. Вербицкого к чеченскому и ингушскому народам и всему туземному населению Терской области 269

ИЗ ФОЛЬКЛОРА О КАВКАЗСКИХ АБРЕКАХ 272

Песни о Зелимхане. 272

Чеченская песня о Зелимхане. (Записана А. Костериным) 272

Другая чеченская песня о Зелимхане 273

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ 276

Библиотека "Чеченинфо"

Научное издание

ХОРУЕВ Юрий Владимирович

НАМЕСТНИК ГОР

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор – *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка – *А.В. Черная*
Дизайн обложки – *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 20.05.2011
Формат бумаги 60×84 $^{1}/_{16}$. Бум. 65 гр. Гарнитура шрифта «Myriad»
Тираж 1000 экз. Заказ №256. Усл.п.л. 15,2

Отпечатано в ИПО СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН
и Правительства РСО-А

362040, РСО–Алания, г.Владикавказ, пр. Мира, 10.
e-mail: rio-soigsi@ mail.ru, 8 901 497 31 77

Библиотека "Чеченинфо"